

Преподобный
Паисий Величковский

Автобиография
Житие

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

2006

www.tezauriliturgic.ro

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006

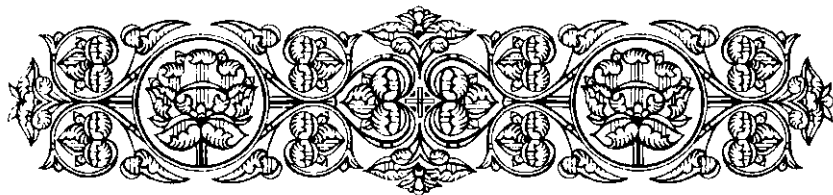
Текст, макет, оформление

© Тахиаос А.-Е., 2006

Вступительная статья

© Некруткина Т. Ю., 2006

Перевод с английского вступительной статьи

От издательства

Замечательный памятник духовной литературы — автобиография преподобного старца Пансения Величковского, озаглавленная им «Повесть о святем соборе превозлюбленных о Господе отец и братий и чад моих духовных, собравшихся во имя Христово ко мне недостойному...» — была в течение почти 200 лет неизвестна читателю. В начале XX века русский ученый А. И. Яценковский обнаружил ее в Библиотеке Императорской Академии наук. Вскоре после этого он сообщил о ней в своем труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» и поместил небольшие отрывки из нее в своей статье «Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке». Однако полностью опубликована она была только в 1986 году профессором Фессалоникийского университета А.-Е. Тахиаосом в сборнике под названием «Возрождение византийского мистицизма среди славян и румын в XVIII веке. Тексты, относящиеся к жизни и деятельности Пансения Величковского (1722–1794)»¹. Помимо автобиографии, составитель поместил в своем издании пространное житие

¹ Tachiaos Anthony-Emil N. The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Θεσσαλονίκη, 1986. (Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς Τ. 28. Παράρτ. 43).

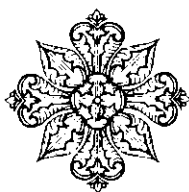
старца Паисия, составленное его учеником, схимонахом Митрофаном, которое до этого также ни разу не публиковалось. Этот агиографический памятник наряду с автобиографией представляет большой интерес в силу своей полноты, подробности в изложении событий жизни старца и большого количества сведений, не упоминаемых в более поздних печатных изданиях его жития. Основой для публикации автобиографии послужила рукопись № 13.3.26 Библиотеки Академии наук Российской Федерации, а жития, составленного схимонахом Митрофаном, — рукопись № 153(207) Немецкого монастыря. Кроме того, А.-Е. Тахиаос включил в свой сборник факсимиле жития старца Паисия, изданного Немецким монастырем в 1836 году, и найденные им в библиотеке Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря письма старца, адресованные иеромонаху Дорофею Вулизмасу, с ответами последнего. Эта переписка велась на греческом языке. Публикации составитель предпослал обширное введение на английском языке, посвященное вышеупомянутым сочинениям.

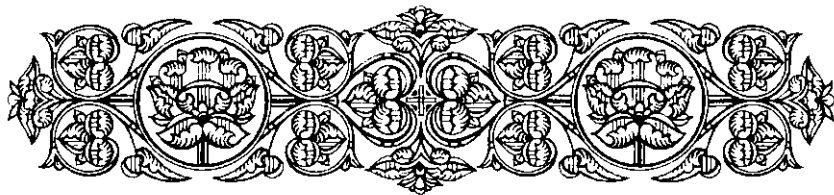
В России автобиография старца Паисия и его житие пера схимонаха Митрофана были впервые опубликованы Петром и Марией Жгуи в сборнике «Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв.» в 2004 году. За основу была взята та же рукопись БАН, № 13.3.26 (в собрании А. И. Яцимирского она имеет номер 58). Славянский текст был ими воспроизведен с максимальной точностью, включая диакритические знаки, отсутствующие в издании Тахиаоса, особенности текста оговорены в подстрочных примечаниях. Житие, составленное схимонахом Митрофаном, было опубликовано по рукописи № 279 из собрания Санкт-Петербургской духовной академии, хранящейся

ныне в рукописном отделе РНБ, также славянским прифтом.

В настоящем издании мы помещаем тексты из указанной публикации, предоставленные нам Петром и Марией Жгун. С целью сделать автобиографию и пространное житие старца Паисия доступными для самого широкого круга читателей, мы следуем примеру изданий Оптиной пустыни XIX века, заменяя славянский прифт старой русской графикой. Тексту этих двух произведений предшествует сделанный по разрешению А.-Е. Тахиаоса перевод его статьи из издания 1986 года, сохраняющей свое научное значение и в наши дни.

Надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга принесет им большую духовную пользу.

А.-Е. Тахиаос

**Предисловие
к первому изданию автобиографии
и пространного жития
преподобного Паисия Величковского**

Когда Пансий Величковский оставил этот мир 15 ноября 1794 года, монахи, чьим духовным пастырем являлся преподобный¹, почитали его за пастыря чрезвычайной духовной силы, старца, руководителя монашеской жизни. После смерти святого память о нем жила среди них; время не только не стерло ее, но лишь укрепило через скорбь по почившему старцу. Новоприходящим монахам, которые постоянно присоединялись к братии Нямецкого монастыря, монастырей в Драгомирне и Секуле, не посчастливилось видеть Паисия при жизни, но, безусловно, они жаждали открыть для себя его жизнь и труды и, прежде всего, путь его духовного делания, аскетических подвигов, которые могли бы слу-

¹ Уже к концу жизни старца Паисия только в Нямецком монастыре жили около 700 монахов. См.: Четвериков С. Молдавский старец схиархимадрит Пансий Величковский. Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. I. Печери, 1938. С. 117. В жизнеописании преп. Никодима Святогорца упоминается, что старец Пансий являлся духовным наставником более 1000 монахов. См.: Βιλάλης Ν. 'Ο πρωτότυπος Βίος ἁγίου Νικοδήμου Ἀγιορείτου (1749-1809). Ἀθήναι, 1983. Σ. 22.

жить им самим в качестве образца для подражания. Не только новопачальные, но и многие старые монахи не могли близко наблюдать жизнь старца и, соответственно, мало знали о ней. Немногие подвижники из братии преподобного Паисия были близки к авве, вместе трудились с ним над переводами отеческих книг или жили с ним во времена, когда им была основана его первая монашеская община на горе Афон. Однако именно благодаря воспоминаниям этих немногих монахов разрозненные фрагменты складываются в картину, дающую полное представление о личности и жизненном пути великого подвижника. По прошествии лет нужда в воссоединении этих фрагментов только росла, и именно эта острая необходимость стала причиной создания жизнеописания старца Паисия. Страх, что со смертью свидетелей жизни старца исчезнут и драгоценные воспоминания о ней, торопил скорее приступить к делу.

История составления жизнеописания, несомненно, зависела еще от одной особенности монашеской общины преподобного Паисия. Среди монахов были и славяне, и румыны, и те и другие желали, чтобы биография была составлена на их языке. Конечно, многочисленная братия преподобного Паисия состояла не только из славян и румын, но и монахов других национальностей; несомненно, среди них было много греков¹. Однако *linguae*

¹ В рукописи № 56 библиотеки Московского Симонова монастыря, которая датируется 1841–1848 гг., говорится, что в Нямецком монастыре жили монахи около десяти национальностей: молдаване, сербы, болгары, венгры, греки, евреи, армяне, турки, великороссы и малороссы. См.: Попов Н. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1910. С. 87.

francae были славянский и румынский. Уже к концу жизни преподобного Паисия основным языком общения монахов стал румынский¹. Духовное совершенство старца, обретенное им через неустанный аскетический подвиг и стяжание добродетелей, полностью освободило его от национальной ограниченности. Подобно средневековым исихастам², он поднялся над этническими различиями и был общим отцом одинаково для всех и каждого³.

Историю составления разных вариантов жизнеописания старца мы находим в предисловиях к текстам на славянском языке, появившимся в 1836 году в Нямецком монастыре и в 1847 году в Оптиной пустыни. Судя по этим предисловиям, житие преподобного Паисия со-

¹ В главе XV «Правил», написанных преподобным Паисием в 1763 году для монастыря в Драгомирне, сказано: «Поскольку наша община состоит из монахов трех национальностей, то игумену положено знать три языка: греческий, славянский и молдавский. Если же ему невозможно знать все три, то хотя бы два, молдавский и славянский, знать он должен». См.: Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек (= Сборник отделения русского языка и словесности LXXIX). СПб., 1905. С. 538. Эта запись свидетельствует о том, что в последние годы Паисий отдавал предпочтение румынскому языку.

² Сырку Н. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898. С. 354–367. Ταχιάος Α.-Ε. 'Νσυχαστικά ἐπιθράσεις εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν Ρωσίᾳ 1328-1406. Θεσσαλονίκη, 1962. Σ. 91-102.

³ В румынском издании жития Паисия Величковского, появившемся в 1817 г. в Нямецком монастыре, в связи с этим читаем: «Ибо Господень апостол говорит верным: *"Нестъ иудей, ни эллин, несть раб, ни свободъ, несть мужеский пол, ни женский, но все едино о Христе Иисусе"*. Так и у преподобного не было молдаванина и малоросса, не было румына и москаля, не было грека и болгарина, но все были едины, как сыны его святости, будучи сынами послушания».

здавалось следующим образом. Более 20 лет спустя после кончины старца у братии Пямецкого монастыря родилось желание составить житие основателя обители. Для этой цели был выбран монах Митрофан, имевший в сравнении с другими два важнейших преимущества: он был не только одним из первых учеников преподобного Пансия, но и опытным переписчиком рукописей и при этом хорошо разбирался в грамматике славянского языка. Митрофан с любовью принялся за дело и сумел составить первый вариант жития своего наставника. К несчастью, преклонный возраст и ухудшающееся зрение помешали ему отредактировать черновик. Вскоре после завершения работы над первым вариантом жития преподобного Пансия Митрофан скончался.

С кончиной Митрофана работа над составлением жития была прервана до тех пор, пока монах Исаак по просьбе других братий не возобновил ее и не переписал житие заново. Поскольку Исаак был родом из Румынии, то на сей раз текст был написан на румынском языке и, кроме того, расходился по содержанию с трудом Митрофана. Как и его предшественник, Исаак скончался, не успев отредактировать второй, исправленный вариант жития. Братия монастыря, румыны по происхождению, боялись, что текст Исаака постигнет та же судьба, что и житие, составленное Митрофаном, и он останется неисправленным, поэтому обратились к ученому дьякону Григорию, будущему митрополиту Угро-Валахскому (1823–1834)¹, с просьбой пересмотреть и сократить слишком длинное повествование. Вняв прось-

¹ Об этом известном лице и его широкой и разнообразной духовной и культурной деятельности см.: G. Moisesescu, Ș. Lupșa, A. Filipășcu, *Istoria Bisericii Române*. II. București, 1957. P. 403–424 (включая библиографию).

бам братии, Григорий в конце концов составил краткое житие, назвав его «Повесть вкратце от жития блаженного отца нашего Паисия»¹. Текст ее был представлен на рассмотрение митрополиту Молдавскому Вениамину Костахи и господарю Скарлату Калимаху. Публикация текста была ими разрешена, и житие было напечатано в типографии Нямецкого монастыря в 1817 году. Похоже, что расхождение опубликованного текста и труда Митрофана вызвало некоторое недовольство среди монахов-славян, которые считали, что поскольку духовный отец и основатель их монастыря был пастырем одинаково и для монахов-славян и для монахов-румын, то и житие его должно быть одним и тем же и на румынском, и на славянском языке. Общее собрание братии одобрило это мнение, и монаху Платону, который трудился вместе с преподобным Паисием в качестве переписчика, было поручено составить новое житие на основе текстов Исаака и Митрофана. Платон выполнил порученное ему дело, и конечный вариант жития был напечатан на двух языках в типографии Нямецкого монастыря в 1836 году с предисловием игумена монастыря, архимандрита Мардария. Это житие получило большую популярность и быстро разошлось. Потребовалась допечатка. Однако переиздать житие 1836 года не представлялось возможным по двум основным причинам: во-первых, церковно-славянские буквы становились все менее привычными для широкого круга читателей, во-вторых, число монахов-славян, принадлежавших школе старца Паисия, в

¹ Povestire din parte a vieții Prea Cuviosului Părintelui nostru Paisie. Это житие упоминается в прим. 3 на с. 8. Подробнее об этом труде см.: Hodoș N., Simonescu D. Bibliografia românească veche 1508–1830. T. III: 1809–1830. București, 1912–1936. Neudr.: Kraus Reprint Ltd. Nendeln; Liechtenstein, 1968. № 930. S. 178–181.

Румынии быстро сократилось¹. Поэтому переиздание жития только на славянском языке стало возможным лишь в 1847 году, через 11 лет после первого издания. Оно было выпущено в свет в России монастырем Оптиной пустынь². Вернее, житие было напечатано еще в 1845 году, в 12-м выпуске «Москвитянина», под редакцией русского мыслителя И. В. Киреевского. Успех опубликованного в нем жития преподобного Пансия привел к тому, что два года спустя уже Оптиной пустынью было выпущено отдельное издание жития³. Оно оказалось столь популярным, что не прошло и года, как понадобилось новое издание. Житие преподобного Пансия в нем было дополнено рядом других трудов, принадлежащих перу самого Пансия, а также старца Василия Полянномерульского и других авторов круга старца Пансия. Оно было переиздано в таком виде в 1892 году, а затем в 1902 году. Это житие представляло собой переработанную версию текста 1836 года, изданного Немецким мо-

¹ Подробнее об этом упадке сказано в трудах: А.И. Яцимирский. Возрождение религиозного византийско-болгарского миссицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке // Почесть. Сборник статей, посвященных проф. М.С. Дринову. Харьков, 1908. С. 201–203. Ταχιάος Α.-Ε. Ὁ Παῖσιος Βελιτοκόφσκι (1722–1794) καὶ τῆ ἀσκητικοφιλολογικῆ σχολῆς του. Θεσσαλονίκη, 1964. Σ. 119–130.

² Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание второе, исправленное и дополненное, опной пустыни [иеромонахом] Леономидом]. СПб, 1962.

³ [Иеромонах] Леоид. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. С. 162–163. Архимандрит [Никоим]. Старцы: отец Пансий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. Москва, 1909. С. 32–33, 39–40, 80–81. Четвериков С. Оптина Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 107–108. В этом издании жития Величковского часто встречаются прямые и косвенные ссылки на письма Н.П. Киреевской к старцу Макарию, которые приведены на с. 144–155 в книге Четверикова.

настырем, и было напечатано с использованием гражданского шрифта.

Житие преподобного Паисия стало известно во многом благодаря изданию Оптиной пустыни. Даже несмотря на сухое изложение, книга приобрела большую популярность. Русский славист А. И. Яцимирский в своем фундаментальном труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек», опубликованном в 1906 году, посвятил обширный раздел славянским рукописям, принадлежащим перу преподобного Паисия и его учеников, а также дал подробное описание жизни и трудов старца¹. В своей книге Яцимирский сообщает, что в Библиотеке Императорской Академии наук ему удалось обнаружить до тех пор не известную рукопись с автобиографией преподобного Паисия. Автор подробно ее пересказывает, приводя из нее отрывки (с. 516–527)². Как мы увидим дальше, три составителя жития преподобного Паисия — Митрофан, Исаак и Григорий — знали о существовании этой автобиографии, но до обнаружения Яцимирским рукописи никто о ней не упоминал. Тем не менее автобиография преподобного Паисия, безусловно, является важнейшим биографическим источником.

Автобиография преподобного Паисия

Яцимирский был полностью прав, написав, что автор текста, изданного в Нямецком монастыре в 1839 году, Григорий, «обезличил фигуру замечательного стар-

¹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 515–583.

² Этот отрывок из книги Яцимирского об автобиографии Паисия был переведен на румынский язык Штефаном Беречетом и издан им в виде отдельной небольшой книги: *Autobiografia starețului Paisie Velicikovskii. Iași, 1918. P. I – VII + 1–27.*

ца и из живого и симпатичного человека дал какой-то абстрактный образ сухого подвижника со всеми книжными и строго каноническими чертами»¹. В издании Оптиной пустыни эти черты были еще более размытыми и сухими, в то время как в тексте самого преподобного Паисия мы видим совершенно иного человека.

Автобиография Паисия Величковского была найдена в рукописи № 13.3.26 Библиотеки Императорской Академии наук, теперь бывшей Академии наук СССР, архив № 58 (собрание Яцимирского). Первоначально рукопись принадлежала священнику Феофилу Генецкому, затем попала в руки Яцимирского, который в свою очередь передал ее Библиотеке Академии наук².

Рукопись содержит не только автобиографию Паисия Величковского, но также ряд других трудов, которые, возможно, принадлежат его школе³. Сама автобиография занимает листы 1–113 (об.) и написана рукой одного человека, хотя длина строк и их количество на странице нерегулярны. Не вызывает сомнений то, что текст был написан не рукой преподобного. Наверху каждой страницы присутствует надпись: *Повѣсть блаженнаго отца нашего старца Паїсія*, выполненная тем же почерком, что

¹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи... С. 516.

² Сам А.И. Яцимирский в своей книге «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» говорит о том, что рукопись принадлежала собранию Генецкого (С. 516, сноска 1). Однако в библиотеке, где сейчас находится автобиография, рукопись значится как ранее принадлежавшая собранию А. Яцимирского. Подробнее о последней см.: Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.–Л., 1963. С. 76, 89.

³ Над второй частью рукописи (л. 115–145) трудились, по крайней мере, четыре разных человека. Она включает: толкование на «Господи, помилуй» (л. 115–120); чин принятия раскольников в православную веру (л. 121–138), переписанный из книги 1742 г.; короткие главы из Патерики (139–142); отрывок из похвалы монаха и пресвитера Григория всем святым (л. 142 об.–145).

и основной текст. Несомненно, с этим трудом связано немало загадок, самая главная из них касается того факта, что автобиография не пользовалась популярностью, в отличие от пережившего несколько переизданий жития, которое, как мы увидим, сохранилось в нескольких рукописях. Несомненно, для будущих поколений читателей гораздо интереснее был бы текст, написанный самим старцем о своем жизненном пути, душевной борьбе, чувствах, чем сухой, блеклый текст жития, составленного монахом Григорием. Не вызывает сомнений, что эта автобиография написана самим старцем. Живость и душевность языка, многочисленные подробности из личной жизни преподобного, раскрытые тайные мысли и переживания, которые, по-видимому, не мог знать никто из окружавших Паисия, исключают малейшую возможность того, что авторство неподлинно. В этом не возникает ни малейших сомнений. Однако под вопросом остается, почему до настоящего времени сохранилась лишь одна копия¹, тогда как школа Паисия Величковского дала десятки превосходных переписчиков и можно было ожидать существования нескольких экземпляров. Это странное положение вещей, наверное, могут объяснить две причины: одна практическая, другая теоретическая.

Мы знаем, что в работе над составлением жизнеописания преподобного монах Митрофан мог пользоваться автобиографией старца, поэтому часто к ней прибегал. Несомненно, он держал ее у себя, и после его смерти рукопись перешла к Исааку, который также не замедлил ею воспользоваться. Таким образом, поскольку автобиография являлась важнейшим источником информации для составления жизнеописания, то переписать ее не представлялось возможным долгое время. Припи-

¹ В недавнее время исследовательница В. Пелин заявила о находке автографа «Автобиографии» и о вероятной последующей публикации. — *П. Жгул*.

мая во внимание, что преподобный скончался в 1794 году, а окончательный вариант его жития вышел в свет в 1836 году, мы приходим к выводу, что автобиография оставалась неизвестной для широкого круга читателей 12 года — почти полвека. Сохранившаяся копия, должно быть, появилась в 20-х годах XIX столетия, в то время, когда был напечатан текст монаха Исаака на румынском языке. Однако и эта копия, по-видимому, создавалась как подспорье в подготовке биографии преподобного Пансия, а не для чтения как отдельный труд.

Вторая, теоретическая причина заключается в отсутствии интереса к такому виду текстов в монашеских общинах Драгомирны и Нямыца. Автобиография — труд целиком личного характера. Кроме того, она не охватывает полностью жизнь автора. Монашеской братии требовался краткий текст с равномерно распределенным материалом, со структурой синаксаря. Такие тексты общего содержания, без деталей, испещренные красочными выражениями и эпитетами, характерными для синаксаря, использовались для литургических и иных целей, к примеру, читались во время богослужения или за монастырской трапезой. Растянутая и полная подробностей автобиография, будучи незавершенным и полным деталей эмоциональным повествованием, не соответствовала принципам составления синаксаря и, таким образом, не годилась для основных нужд монастыря. Поэтому этот жанр и был невостребован.

Автобиография Пансия Величковского — в своем роде уникальное произведение славянской православной литературы конца XVIII века. Безусловно, XVIII век — эпоха расцвета этого литературного жанра, особенно на Западе¹. Славянскому православному миру он

¹ См.: Hubatsch W. Biographie und Autobiographie — Das Problem von Quelle und Darstellung // XIII internationaler Kongress der historischen Wissenschaften. Moskau, 1970.

был известен¹, но в это время, несомненно, развивался по своему пути². Два современника старца Паисия, епископ Парфений Павлович и Досифей Обрадович, оба из Сербии (правда, первый из них на самом деле являлся выходцем из Болгарии), написали автобиографии, в которых отчетливо прослеживается влияние западных литературных традиций. Автобиография Павловича охватывает период его жизни с 1746 по 1757 год и отчасти напоминает дневник³. Обрадович писал свой труд с определенной целью, стремясь оправдать свое обращение к идеалам Просвещения и защитить собственные прогрессивные идеи⁴. Его автобиография делится на две части. Первая, охватывающая период его жизни по 1760 год, была опубликована в Лейпциге в 1783 году. Вторая охватывает период с 1760 по 1788 год и, в отличие от предыдущей, написанной в повествовательной форме,

¹ За сто лет до Паисия знаменитый протопоп Аввакум написал свою биографию, представляющую собой обширный богословский и полемический труд. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общей редакцией Н.К. Гудзия. М., 1959. С. 31, и далее. (Предисловие В.Е. Гусева.)

² Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire de la littérature balkanique slave du XVIIIème siècle // 'Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. 'Επιστημονική 'Επετηρίς Θεολογικής Σχολής. 19. 1975. Σ. 429-437. Боева Л. Развитие жанров в русской и болгарской литературе XVII и XVIII вв. София, 1983. С.122-136.

³ Опубликован Б. С. Ангеловым в: Ангелов. Б. С. Савременици на Паисий, II. София, 1964. С. 5-59. Ср.: Boiadjiev P. Chronologie de la vie et de l'Autobiographie de Partenij Pavlovič // Bulletin de l'Assosiation Internationale pour l'étude du sud-est européen. XIII-XIV. 1975-1976. P. 73-92. Он же. Партений Павлович. Балкански културни взаимоотношения. София, 1980. (= Studia balcanica. 15.) С. 56-80. Велчев В. Проблемата за образа на повествователя в Автобиографията на Партений Павлович // Език и литература. XXXVI/2. 1981. С. 50-60.

⁴ Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire... P. 431, 435.

представлена в эпистолярном жанре¹. Разница между двумя жизнеописаниями заключается в том, что труд Обрадовича имеет яркую идеологическую направленность и, в сущности, является декларацией взглядов и убеждений автора. С хронологической точки зрения, автобиография преподобного Пансия была третьим по счету произведением этого жанра в славянской православной литературе XVIII столетия, что является прецедентом. За этими тремя трудами последовала автобиография болгарского епископа Софрония Врачанского².

В предисловии к своей автобиографии преподобный Пансий объясняет причину ее написания. Жизнь его подходила к концу, и святой понимал, что «всякая вещь, писанію не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвенію». Только поэтому авва решился написать повествование о своем жизненном пути и передать его монахам в письменной форме. Тем не менее, опасаясь обвинений в том, что истинной причиной написания автобиографии стали его личные амбиции, ста-

¹ Самое последнее издание всей автобиографии находится в собрании его сочинений: Доситеј Обрадовић. Сабрана дела / Изд. Dj. Гавела. Т. I. Београд, 1961. С. 73–168, 171–284. Детальный анализ автобиографии Обрадовича и его взглядов проводит М. Костич в своем фундаментальном труде: Костич М. Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII–XIX века. Београд, 1952. (= Српска Академија Наука. Посебна издања. Књ. СХС. Историјски Институт. Књ. 2).

² Автобиография Софрония была опубликована А. Теодоровым-Балан: Софроний Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806–1906). София, 1906. (= Българска библиотека. Брой. 8). С. 1–39. Существует и более современное издание Н.М. Дылевского и А.П. Робинсона: Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л., 1976. Ср.: Sofroni Vrachanski. Vie et tribulations du pécheur Sofroni // Introduction, traduction et notes établies par Jack Feuillet. Sofia, 1981. Ср.: Лихачов Д. С. Автобиографичте на Софроний Врачански и Авакум Петров (опит да се обяснят техните различия) // Литературна мисал. 1978/10. С. 89–85.

рец Паисий ясно дает понять, что им двигали исключительно духовные побуждения. В первую очередь, ему хотелось рассказать монахам об истории создания своей монашеской общины, о «ее истоках». И поскольку он сам стоял у ее истоков, то должен был поведать о себе в своем труде. Во-вторых, им двигало желание передать подлинные факты из собственной жизни и защитить круг своих учеников от злонамеренного искажения правды и клеветы со стороны еретиков¹.

По-видимому, Паисий Величковский изначально хотел написать подробную и объемную автобиографию, чему помешала его кончина. Труд, им оставленный, охватывает период длительностью в 24 года, с его рождения до того момента, когда им овладело твердое желание уйти на гору Афон, то есть с 1722 по 1746 год. Если принять во внимание количество страниц, посвященных этим 24 годам, то сколько святой посвятил бы остальным 48 своей жизни! В повествовании нет и следа поспешности или стремления его сократить; напротив, автор сосредотачивает внимание на незначительных деталях, что время от времени приводит в восхищение читателя.

Язык повествования абсолютно естествен и не обнаруживает каких-либо следов постороннего влияния. Часто в нем сквозит детская наивность и непринужденная порывистость, что не только оживляет текст, но и делает его весьма убедительным и оставляющим глубокое впечатление. По автобиографии мы составляем истинный портрет ее автора. Его правдивость вместе с искренним желанием открыться читателю пронизывает весь текст с начала до конца и подчеркивает характерные черты его личности. Автор вспоминает слабость

¹ Паисий опасался клеветы и подозрений от недоброжелателей, сомневавшихся в искренности его веры, с одной стороны, так как в жилах его матери текла еврейская кровь, а с другой стороны, так как, будучи малороссом, он мог происходить из семьи униатов.

своего характера, детские страхи, внутреннюю борьбу и чувствительность. Он свободно говорит о своей неоворотливости, недостатке практических навыков, и много раз упоминает об отсутствии у себя осторожности и благоразумия в духовной жизни, которые являются одними из главных монашеских добродетелей. Эта автобиография, написанная им уже в преклонном возрасте, рисует нам истинное лицо святого, лишившего себя перед читателем идеализированного образа, который создается славой и всеобщим признанием. Однако самоумищение указывает на невероятную духовную силу подвижника и величие его души. Благодаря самообличению автора мы видим преподобного совершенно новым, нежестким в сухом издании Оптинского монастыря. Перед нами является естественная духовная красота, красота, олицетворяющая правду¹.

Безусловно, автобиография была задумана и как образец для подражания монахов. В ней отчетливо прослеживается дидактический элемент, однако эффект на-

Короткое, но весьма интересное описание внешности Паисия находим у Константины Караджи, который был в гостях у преподобного в 1780 году. «Тогда-то я и узрел неприкрытое воплощение добродетели, скромности и простоты. Черты его были невероятно просты, цвет лица ровный и белый, седая борода его сияла чистотой, облачение было безупречно и опрятно, как и толстые шерстяные плащи, укрывавшие кресла и кушетки в его комнате. Речь его была крайне сладостна и педантична. И казалось мне, что рядом со мной не человек, но неземное создание». (Papadopoulos-Kerameus A. Texte grecești privitoare la istoria românească. București, 1909. P.109 (=E. de Hurmuzaki, Documente privitoare la istoria Romanilor. XIII). Cp.: Suttner E. Chr. Paisij Veličkovskij im Spiegel des östlichen Testaments seines Schülers Georghe de la Cernica // Ostkirchlichen Studien, 22. 1973. S. 184–189. Idem. Beiträge zur Kirchengeschichte der Rumänen. Vienna-Munich, 1978. S. 278–283. Что касается внешности преподобного, см.: Racoveanu G. Gravura în lemn la Mănăstirea Neamțul. București, 1940. (XIV, XV). Costescu E. L'art roumain et l'art bulgare aux XVIIIème et XIXème siècle // Revue des études sud-est européennes. VIII. 1970. P. 61–63.

ставления достигается через самоуничижение автора. Может быть, как раз для дидактической цели, в своем труде преподобный Паисий несколько преувеличивает свои духовные испытания. Однако это могло быть и просто данью моде в автобиографическом жанре того времени. Во всяком случае, такой суровый подвижник, как старец Паисий, не мог переступить через внутреннюю преграду, так как для него превозношение в принципе было недопустимо. И уж если в тексте и встречается нечто подобное, то причина на то может быть только объективной, но никак не субъективной. Эта объективная причина, должно быть, связана с положением старца Паисия как духовного пастыря и наставника весьма обширной монашеской общины. С тех пор как эта община признала его своим создателем и духовным руководителем, членам ее необходимо было знать все подробности его жизни, обучаться на примере внутренних и внешних подвигов учителя, которые монахи еще не совершили. Преподобный Паисий считал, что, основывая монашескую общину, он выполняет повеление Господа. Воля Божия жила в нем с самого его рождения, и действием ее уже на ранних жизненных этапах святого стали скорби и выбор монашеского пути в юности. Следовательно, поскольку жизнь монахов Секульского, Драгомирнского и Нямецкого монастырей была тесно связана со старцем Паисием и его жизненным путем, то, посвятив себя духовным чадам, ради них преподобный написал свою автобиографию. Только ради этого, ради духовных нужд монахов, преподобный мог составить свое жизнеописание. В этом и заключается различие между трудом старца Паисия и произведениями его современников.

Преподобный Паисий уже ощущал бремя прожитых лет к тому времени, когда приступил к работе над автобиографией. Это видно из его же слов: «видя азъ себе уже къ концу жизни моея приближающаяся». Об этом же

свидетельствуют и сентиментальные потки в повествовании. Уже в преклонном возрасте он с печалью вспоминает детские и юношеские годы, передавая далекие события и происшествя с поразительной ясностью и в мельчайших деталях. Тщательность при описании молодых лет, по-видимому, объясняет, почему автобиография не была им закончена. Если бы Паисий менее подробно останавливался на событиях начала своей жизни, повествование могло бы охватить и поздние годы, известные его активной духовной деятельностью. Но и в настоящем виде автобиография старца крайне ценна как исторический документ по истории русского монашества первых десятилетий XVIII века. Сведения, которые можно найти в житиях русских святых и в монастырских титниках об атмосфере русских монастырей и жизненных условиях монахов, весьма достоверно представлены в тексте преподобного Паисия Величковского.

Житие, составленное монахом Митрофаном

В то время как автобиография преподобного Паисия дошла до наших дней только в одном экземпляре, житие его, составленное монахом Митрофаном, очевидно, было весьма хорошо известно, несмотря на то, что ни разу не было напечатано в оригинале. Его популярность подтверждается наличием по крайней мере четырех сохранившихся копий¹, две из которых хранятся в

¹ Во всяком случае, столько рукописей я сумел отыскать и изучить. Известно, что существует еще 2 варианта составленной Митрофаном биографии преподобного. Одна, без номера, принадлежала когда-то Секульскому монастырю, вторая же, под номером 279, — Санкт-Петербургской духовной академии. См.: Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение, и влияние на православное монашество. Париж. С. 287–288. Ср. английское издание: Chetverikov S. Starets Paisii Velichkovskii. His Life, Teachings, and Influence on Orthodox Monasticism / Transl. by V. Lickwar, A. I. Lisenko. Belmont, Mass., 1980. P. 323–324.

библиотеке Нямецкого монастыря и еще две — в монастырских библиотеках на горе Афон: в скиту Святого пророка Илии и монастыре Хиландар. О скитской рукописи мало что известно, ее описание не встречается ни в одном печатном источнике. Ей присвоен номер 234/IX/21–105, она датируется началом XIX века, а ее размеры — 225 x 175 мм. Рукопись отличается характерными чертами, типичными для стиля переписчиков Нямецкого монастыря, и поэтому ее содержание стоит рассмотреть более подробно. Она неоднородна и состоит из трех чистых листов, добавленных переплетчиком, 24-х листов, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и 150-ти листов, пронумерованных арабскими цифрами. Иными словами, манускрипт состоит всего из 175-ти листов, на которые я буду ссылаться, используя арабские цифры и не принимая во внимание церковнославянскую нумерацию. Листы 29 и 30 отсутствуют. Вплоть до листа 140 бумага белого цвета, все остальные листы голубовато-серые. На первом чистом листе есть следующая пометка: Книга, послание ко ерею Димитрій: Архим[андрита] Павсія Веланчюкского, и житіе его. Книга Ильинскаго скита 1767 года. На третьем чистом листе помечено: Сіа книжица дана вѣтъ Свѣтовогнеискаго монастыря Намца во скѣтъи Ядонскѣи горѣ, въ скитѣ свѣтаго Пророка Ілїи. Таким образом, нам становится известно, что рукопись была подарена Нямецким монастырем скиту Святого пророка Илии. Особое внимание привлекает дата: 1767 год. Учитывая, что рукопись с житием преподобного Пансения, написанная рукой Митрофана, появилась не ранее 1814 года, время, указанное неизвестным монахом, неверно. Возможно, дата была приписана библиотекарем скита, который совершил ошибку в подсчетах. Нельзя забывать, что в 1767 году преподобный еще не прибыл в Нямецкий монастырь, а обосновался в нем только в августе 1779.

Содержание рукописи следующее:

Лист 1а: Авраамскихъ дѣлъ подражателю, заповѣдей Божіихъ усерд-
номъ дѣлателью, своимъ вседражайшемъ другъ, господинъ отцѣ Димитрію
иерем, ѡ Господѣ радоватися.

Начало: Ѡ имени Господа нашего Іисуса Христа...

Конец: ...спасенія желаній другъ. Конечъ и Богъ слава.

Этот текст был опубликован в книге «Житие и писа-
ния молдавского старца Паисія Величковского» (Оп-
тина, 1847. С. 238–259).

Лист 25: Глава .Д. ѡ свѣтомъ Григоріи Синаитѣ.

Ѡ свѣтомъ же Григоріи Синаитѣ еже пишемъ ко мнѣ глагола: іакѡ
собоуднихъ со отцы нже читаетъ свѣтагъ Григоріа Синаита, но и они по
свѣчанъ свѣтагъ горы посѣдѣютъ, іакѡ свѣтый Григорій учитъ, пѣти спа-
сѣнію іакѡже егѡ просвети Бога, но не подаетъ да не читаетъ правила цер-
ковнагъ, и прѣчал.

Начало: Штефанъ к' тебѣ такъ, свѣтецъ никогда же...

Конец: ...єлико возможно тебѣ ѡб'янухъ.

Лист 28: Полученіе на постриженіе монашескагъ чина: какъ должны
сѣть воевати всегда противъ тріехъ враговъ.

Начало: Іакѡже вѣнни мира сегѡ сходѣши ко брани...

Конец: ...или что дастъ измѣнѣ дѣниѣ свое.

Лист 34: Часть вторая. Ѡ началѣ иноческагъ и что знаменѣтъ
инокъ.

Начало: Инокъ есть исполнительъ всѣхъ заповѣдей Христовыхъ.

Конец: ...со Отцемъ и Духомъ свѣтымъ нынѣ и присно и во вѣ-
ки вѣковъ. Аминь.

Лист 41: Мѣсяца ноемврія в .еі. день. Житіе и подвиги блаженнагъ
отца нашего старца Паіа, вѣжаніе ѡтъ мира, странствіа егѡ, собраніе къ
немѣ братіи, и сожитіе съ ними.

Начало: Еже сѣбѣ благыа мѣжы похвалати, и вѣнцы нмѣ
плати...

Конец: ...нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Лист 171 об.: Преставленъ блаженный отецъ нашъ, за҃вѣда года, но-
емврія .еі.

Лист 172: Надгробное рыданіе старцѣ Паисію отъ всѣхъ чадъ его духовныхъ.

Начало: Окрози лица твоего Паисіе чюднѣй...

Конец: ...да выидеши въ радость къ бж҃у предстатель нашъ бж҃дн. Аминь.

Этот метрический текст, включающий 11 стихов, является сочинением Иоанна Дьяковского и был впервые напечатан в Нямецком монастыре вместе с житием преподобного Паисия в 1836 году (листы 46 об. — 48). Он же был опубликован позже славистом А. И. Яцимирским в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1899(II), с. 12–13).

Вторая рукопись, содержащая житие преподобного, составленное монахом Митрофаном, находится в монастыре Хиландар на Афоне и помечена номером 290¹. Ее появление датируется концом XVIII века. Житие занимает все 114 листов рукописи. Она озаглавлена так же, как и манускрипт из скита Святого пророка Илии. На последнем, 114-м листе рукописи найдена пометка: Тѣло блаженнаго старца Паисія погребено въ Молдавіи, въ монастырѣ въ Навицѣ, въ великой соборной церквѣ Вознесѣнія Господня на лѣвѣйшѣй странѣ гробъ его покрытъ мраморнымъ камнемъ.

Далее на трех отдельно пронумерованных листах содержатся стихи Ефрема Дьяковского с последующей пометкой: Сочинены перомонахомъ Ефремомъ Дѣаковскимъ, въ хилѣ препименованномъ Іоанна, мѣжъ сей камне высокаго оученія, и Богословіи не краемъ перста коснѣвший, былъ и проповѣдникомъ свѣта въ Киевѣ. Который по четьрехъ мѣсяцехъ послѣ старца Паисія и преставися въ томже монастырѣ Навицѣ въ Молдавіи. 1794 года.

Эти две пометки ясно указывают на то, что текст был написан в Нямецком монастыре (впрочем, об этом свидетельствуют и особенности почерка), но предназна-

¹ Богдановић Д. Каталог ћирѣлскихъ рукописа Манастира Хиландара. Београд, 1978. С.127.

чился для отправки в другое место. По ним же мы делаем вывод, что преподобный Пансий и Дьяковский жили и трудились вместе. Не возникает сомнений, что оба текста, из скита Святого пророка Илии и монастыря Хиландар, были списаны с жития, хранящегося в Нямецком монастыре.

Оригинальный текст жития преподобного Пансия, составленного Митрофаном, сохранился в двух рукописях, находящихся в Нямецком монастыре. Их краткое описание было составлено А.И. Яцимирским в труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек»¹. В старом монастырском рукописном справочнике эти манускрипты помечены номерами 153 и 156, в папке для них номера -- 207 и 212². Прежде чем перейти к рас-

¹ Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 561, 562.

² При нумерации рукописей Нямецкого монастыря каталог слависта Яцимирского и более ранние учетные записи не принимались во внимание. Следовательно, можно полагаться лишь на немногие ссылки к другим манускриптам, описание которых встречаем у Яцимирского. Большинство древнейших монастырских рукописей были переданы Румынской Академии наук в Бухарест и могут быть упомянуты в каталоге П. Панаитеску: Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. T. I. București, 1959. Большая часть оставшихся в монастыре рукописей принадлежит школе Величковского. Может показаться, что в период между посещением монастыря Яцимирским и выходом в свет последнего каталога в 1961--1962 гг. была произведена еще одна ревизия, следы которой иногда встречаются в отдельных рукописях. Однако автор новой системы нумерации рукописей и тут не обратил внимания на этот промежуточный каталог. Сегодня в библиотеке 297 рукописей, то есть больше, чем у Яцимирского. Новый монастырский рукописный каталог -- *Inventarul manuscriselor din Biblioteca Mănăstirii Neamț, 1961–1962* -- включает 297 славянских рукописей (С. 1–28), 38 греческих (С. 29–31) и 246 румынских (С. 32–52). Несмотря на приложенные усилия, мне не удалось обнаружить рукопись № 161(13) из Ново-Нямецкого монастыря в Молдавии, где содержится труды Величковского (А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи... С. 570–572).

смотрению содержания текста монаха Митрофана, следует описать эти рукописи¹.

Текст MS 153(207) включает 163 листа, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и еще три листа без нумерации. На пронумерованных листах содержится житие преподобного Пансия точно под тем же названием, что и в рукописи скита Святого пророка Илии. Нумерация листов нарушена. За 10-м листом сразу следует 33-й, при этом повествование не прерывается. Кроме того, после листа 25 следуют 24 и снова 25, после листа 26 нумерация обрывается и продолжается листом 39. Несмотря на путаницу в нумерации, текст остается цельным по содержанию. Отгадку находим в пометке на полях листа 39: *Здѣхъ выгнавъ 28 листовъ тотъ который и житіе сие сочинявъ, и прочитавъ и поправивъ переписъ сѣи схимонахъ Митрофанъ*. Это значит, что монах Митрофан, который не только написал житие, но и перечитывал и исправлял его, вынул из рукописи 28 листов. Первоначально Митрофан пронумеровал лист цифрой 22, но впоследствии переправил ее на 28. В тексте встречается великое множество исправлений, особенно на листах 1–39. Далее исправления тоже присутствуют, но гораздо реже. Непронумерованные листы в конце содержат стихи Дьяковского с последующими пометками, написанными двумя почерками: *Сѣи стихи сочинявъ ерохимо-нахъ Іωаннъ Дѣаковскій. Родилецъ Мало Россійскій Градо Лѣбенскій*. Манускрипты написаны рукописным полууставом, характерным для школы Пансия Величковского.

Вторая рукопись — № 156 (212) — состоит из 85-ти листов, также пронумерованных вместо цифр буквами

¹ Относительно сказанного здесь см. также: Ταχιάος Α.-Ε. Σύμ-μεικτα περὶ τῆς σχολῆς τοῦ Παϊσίου Βελιτσκόφσκι. Ἀριστοτέλειον Πανε-πιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηεὶς Θεολογικῆς Σχολῆς. 10. 1965. Σ. 673–83.

церковнославянского алфавита, и содержит исключительно житие старца. Почерк более разборчив и понятен, чем в предыдущей.

Что касается дат создания обоих текстов, А.И. Яцимирский придерживается того мнения, что рукопись 153(207) была написана приблизительно в конце XVIII или начале XIX века, а 156(212) — в начале XIX века. Похоже, Яцимирский не заострял на этом свое внимание. Известно, что Митрофан приступил к работе над житием преподобного Паисия двадцать лет спустя после его кончины. Учитывая этот факт и то, что Паисий умер в 1794 году, приходим к выводу, что Митрофан не мог написать биографию ранее 1814 года. Таким образом, эта дата становится границей (*terminus a quo*), ранее которой написание биографии и, соответственно, появление рукописей 153 и 156, не представляются возможными. Поскольку автор рукописи 156(212) учел все исправления и изменения в 153(207), внесенные Митрофаном или иными переписчиками, мы делаем вывод, что последний труд появился раньше.

Сравнительный анализ текстов жития преподобного Паисия в рукописях 153(207) и 156(212) показывает, что первый представляет текст примерно в таком виде, как он был написан Митрофаном. Конечно, это не означает, что он принадлежит руке самого Митрофана, так как какой был бы ему тогда смысл прибавлять стихи Дьяковского к своему собственному творению. Скорее всего, это жизнеописание было первой копией с необработанного текста уже состарившегося биографа преподобного Паисия. Более того, эта рукопись, по-видимому, была передана Митрофану для внесения пужных, на его взгляд, исправлений. Тогда-то он и вынул листы, которые отсутствуют до сегодняшнего дня, и переписал текст, внося в повествование уточнения. Совершенно

точно и то, что и другой переписчик или ученый монах Нямецкого монастыря мог также внести в текст свои исправления.

В рукописи 156(212) переписчик не только учел поправки в манускрипте 153(207), но и дополнительно внес свои собственные изменения, что указывает на вторичное редактирование, выполненное уже после смерти Митрофана. В случае с рукописью 156(212) мы встречаемся с типичным примером искажения оригинала, когда первоначальный вариант жития преподобного, составленный Митрофаном, был переделан в сухой, строгий текст печатной версии. С другой стороны, рукопись 153(207) сохранила в большей степени близость к оригиналу, а пометка на полях внизу листа 39 только это подтверждает. Следовательно, для дальнейшего изучения жития преподобного Пансения должна использоваться только рукопись 153(207).

Митрофан объясняет причину, побудившую его приступить к работе над житием старца, следующими словами: «Хощу уже братіямъ моимъ послѣжде въ соборъ нашъ пришеднымъ, и лица его не видѣвшимъ, и прочімъ всемъ на пользу прочитающимъ, повѣсть сотворити», и далее перечисляет источники, послужившие основой для его написания:

1. Свои собственные воспоминания о том, что он видел и слышал о Пансии;
2. Письма преподобного;
3. Автобиографию старца, из которой он позаимствовал «мало»;
4. Рассказы старых монахов о своем учителе.

Митрофан сетует на свою неспособность и ограниченность, из-за которых он недостойн писать житие столь великого и святого человека, как старец Пансий, но добавляет, что, как ученик старца, считает своей обязанностью прославлять учителя по мере своих сил.

Когда на Митрофана было возложено послушание написать биографию преподобного, он захотел приукрасить свое творение изящным прологом, а не с первых же строк приняться за изложение фактов из жизни Паисия, как делали те, которые впоследствии исказили этот труд, что видно, например, в издании Оптиной пустыни. Однако Митрофан не обладал ни талантом писателя, ни красноречием, и ему, по-видимому, было очень тяжело придумать пролог наподобие тех, которые мы находим в византийских житиях святых. Митрофан решил эту задачу простым способом, списав вступление из жития Григория Синаита. Этот выбор не случаен, так как автором жития Григория Синаита, великого проповедника молитвы Иисусовой, был его любимый ученик Каллист, впоследствии Патриарх Константинопольский. Здесь, таким образом, ситуация совершенно аналогичная, так как и Паисий постоянно пребывал в «непрестанной молитве». Более того, в кругу учеников Паисия Величковского житие Григория Синаита было весьма популярно. Митрофан перевел вступление слово в слово, о чем свидетельствует нижеприведенный отрывок:

*Τὸ μὲν τοὺς ἀγαθοὺς ἀνδρας ἐγκωμίων καὶ ἐπαίνων βούλεσθαι ἀξιοῦν καὶ στεφάνους ὑπὲρ αὐτῶν πλέκειν καὶ τὰ προτερήματα τούτων ἐξυμνεῖν καὶ ἐξαίρειν, ὡς τὰ τῆς δυνάμεως ὑπαγορεύειν, πείθει, λυσιτελές ἐστὶν καὶ ὠφέλιμον, ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῶν κοσμικῶν τούτων καὶ προσκαιρῶν τὸ φαινόμενον ἐπὶ τῆς ὕλης ἐχόντων δίκην καπνοῦ καὶ τοὺς ἐπαίνους διαλυομένους ὁρῶμεν, καθάπερ ἡ τοῦ πυρὸς φλόξ συναπέρχεται τῆς ὕλης δαπανηθείσης, οὕτω καὶ οἱ ἐν τοῖς τοιοῦτοις ἔπαινοι καὶ τιμαὶ τῶν κάτω καὶ τάχιστα διαρρέοντων τοῖς ματαίως χρωμένοις συναπέρχονται, κατὰ τὴν γραφὴν, καὶ τὸ μετ' ἡμῶσιν μετ' ἡχοῦ ἀπόλλυται...*¹

¹ Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита (= Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 35). 1894. С. 1.

Еже оубо клагыа мѡжы похвалати, и вѣнцы наахъ нлести, и из' ащества снхъ воспѣвати и возвышати, оубѣнно есть и полезно, и глаголати по силѣ оубѣщааетъ, мѣрскихъ же снхъ и прывременныхъ, и виднаго въ вѣрствѣ нмѣщихъ, акн дымъ и похвалы нхъ разоржемы виднаа, якоже пламень огненный соотходитъ кѣрствѣ ижднкнѣса, тако и похвалы такооыхъ, и чести долиныхъ и скорѣнне разанкавнрнхъ, свѣтнаа оупотребляющихъ, соотходатъ по Писанію, и память нхъ съ нѣдомъ погнкаетъ...

С лингвистической точки зрения, интересно то, что Митрофан взял пролог не из известной книги на церковнославянском языке¹, но воспользовался недавним переводом своего же наставника Пансения². Похоже, Митрофан считал, что имеет с Каллистом очень много общего в отношении любви к своему духовному отцу, и потому буквально цитирует его сентиментальные выражения, даже когда последний пишет: «Я же, учившись, то есть быв его учеником, и жив с ним краткое некое время и с радостью сделавшись духовно как бы рабом его...»³ Однако поскольку Митрофан в течение многих лет был учеником преподобного, то заменил «краткое некое время» на «и не малое время пребывъ с оубомъ». Только затем биограф приступает к жизнеописанию, приводя факты в пужной хронологической последовательности.

Митрофан вступил в румыно-славянскую братию Пансения Величковского в 1767 году, когда монастырская

¹ Сырку П. Житие Григория Синаита, составленное константинопольским Патриархом Каллистом. Текст славянского перевода жития XVI века и историко-археологическое введение. СПб, 1909. (= Памятники древней письменности и искусства. CLXXII).

² Язымирекий А. Славянские и русские рукописи... С. 560. № 66 (371). Ср.: Ταχιάος Α.-Ε. Ὁ Παῖσιος Βελιτσκόφσκι... Σ. 81-82.

³ Помяловский Н. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита... С. 2, 3.

община еще оставалась в Драгомирнском монастыре в Молдавии. Он был свидетелем жизни преподобного, только когда тот уже жил в Молдавии. Митрофану, естественно, не были известны события до 1767 года, а тем более история создания румыно-славянской общины на Святой Горе Афон в 1746–1764 годах. Поэтому при описании жизни преподобного Паисия до 1767 года он основывался исключительно на автобиографии старца, вплоть до того, что вел повествование не от третьего лица, а от лица самого святого. И хотя во многих местах Митрофан значительно отходит от текста автобиографии, тем не менее значительное влияние текста Паисия в житии Митрофана остается очевидным. Соответственно, содержание листов 4–71 в рукописи № 153(207) есть не что иное, как просто повторение собственно текста автобиографии. По той же причине этот отрывок пропускается в житии, напечатанном в Нямецком монастыре. Текст самого Митрофана начинается с того момента, когда Паисий покидает Валахию и приезжает на гору Афон.

Митрофан использует введение к житию Григория Синаита и автобиографию Паисия Величковского до определенного момента. Как мы знаем, автобиография преподобного так и не была окончена и охватывает его жизнь лишь до приезда на гору Афон. В остальном Митрофан был вынужден самостоятельно работать над жизнеописанием, так как труды, на которые он ранее опирался, уже не могли ему помочь. Таким образом, текст самого Митрофана, который является в действительности наиболее интересной частью жизнеописания, начинается с момента путешествия преподобного на Святую Гору. Афонскому периоду жизни старца посвящены листы 73–88. Действительно, житие Митрофана более подробно останавливается на описании афонских собы-

тий, нежели печатное издание Оптиной пустыни. Однако последнее в двух случаях оказывается лучше: во-первых, в издании Оптиной пустыни упоминается, что келлия преподобного Паисия в Кансале на горе Афон называлась «Капари»¹, и, во-вторых, в тексте печатного жития содержится учение Паисия о том, как надлежит себя вести духовному руководителю². При всем уважении к первой заслуге Оптинского жития, заметим, что, видимо, афонские ученики Паисия передали название келлии уже своим ученикам спустя много лет. Что касается наставлений старца Паисия, мы можем только предположить, что это фрагмент одного из его до сих пор не опубликованных писем³. В противном случае, будет непонятно, почему не Митрофану, а монахам последующего времени могли быть известны факты из жизни Паисия, хотя большинство из них не знали преподобного лично и Митрофан в момент работы над жизнеописанием святого оставался самым старшим из живущих учеников старца. Более того, необходимо помнить, что последующие редакторы текста жития вносили поправки уже после смерти Митрофана, и им не у кого было спросить о жизни и трудах Паисия.

Митрофан в мельчайших подробностях останавливается на периоде с 1767 по 1794 год, вплоть до смерти

¹ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Иллы Сорского, сочиненных другом его и сподвижником, старцем Василием Полянском-рульским, о умном трезвении и молитве. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1847. С. 23.

² Эти наставления, возможно, взяты из неопубликованного письма преподобного к игумену Феодосию, которое прилагалось к рукописи № 13 Нямецкого монастыря, листы 48–68. См.: Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 570–571.

³ Житие и писания... С. 26–28.

преподобного. Как свидетель событий этого времени, Митрофан не испытывает трудностей с их пересказом и с радостью выполняет свою задачу. Описывая разные события из жизни Паисия и, в особенности, его духовные подвиги, Митрофан, не сомневаясь, вставляет в повествование факты, свидетелем которых был сам. Жизнь монахов в монастырях Драгомирны, Секула и Нямца представляет наибольший интерес, поскольку в опубликованном житии отсутствуют детали, которые необходимы для полного понимания картины расцвета аскетическо-литературного движения в Молдавии XVIII века.

Митрофан не обделен полностью талантом писателя, но его способности ограничены. То, что он взял пролог из жития Григория Синаита, видимо, свидетельствует об осознании своей немоции и неумения написать собственное введение к житию столь почитаемого им учителя. Стиль Митрофана прост и эмоционален, но неровен в своей выразительности. Язык его повествования не отличается ни стройностью, ни изяществом, и автор обнаруживает отсутствие опыта в употреблении славянского языка. Порядок слов в предложениях свободный и местами хаотичный. Однако эти недостатки компенсируются непринужденностью, искренностью и естественностью. Текет дышит безграничной любовью автора к своему духовному наставнику. Монах Митрофан остается послушным учителю даже после смерти последнего, поскольку признает свой труд таким же послушанием, какое ревностно исполнял при жизни Паисия. Он, не задумываясь, сравнивает мудрость старца с мудростью древних афинских философов (л. 152 об.) и проводит параллели между событиями из жизни Паисия и древнерусского святого Антония Печерского (лл. 149, 151 и далее). Подобные параллели — обычное дело для синаксаря, но в случае с житием смелость Митро-

фана можно объяснить глубочайшим почтением и любовью к духовному наставнику.

Житие по стилю напоминает синаксарий, хотя и часто переходит в историческое повествование. Престарелый автор окончил монастырскую школу и поскольку в течение многих лет занимался чтением, перенесением книг и переводом духовно-аскетических мистических рукописных произведений, то в совершенстве усвоил стиль средневековых византийских и церковнославянских текстов. Несмотря на то, что он не может до конца избежать авторской составляющей в повествовании, главным образом, своих воспоминаний о событиях, свидетелем которых стал при жизни Паисия, ему, тем не менее, прекрасно удастся объективно передать духовное величие старца. Очевидно, что и по форме, и по содержанию текст Митрофана принадлежит к агнографическим трудам, которые редко встречаются среди памятников духовной литературы начала XIX столетия. Поздние редакторы исказили текст Митрофана и лишили его привлекательной авторской нотки, лиризма и живости. Другими словами, они основательно исказили один из поздних славянских агнографических текстов.

Как нам уже известно, первое печатное издание жития Паисия Величковского, типографии Нямецкого монастыря, 1836 года, было не более чем переработкой труда Митрофана, выполненной монахом Платоном. Естественно, титульный лист книги не говорит об этом, а указывает, что труд Платона — компиляция из текстов «многих авторов». Это ни в коем случае не отражает правды, а является лишь данью традиции. Предисловие к житию Григория Синаита и автобиография Паисия Величковского уже были включены в текст Митрофана. Платон, главным образом, сокращал и упрощал отдель-

ные части. Он использовал цитаты из письменных источников церковных писателей для духовного наставления читателей. Большая заслуга Платона заключалась в том, что в своем труде он упомянул лица, имена которых отсутствуют на страницах жития, написанного Митрофаном: архиепископа Амвросия, архимандрита Дорофея, архимандрита Досифея, митрополита Гавриила, митрополита Иакова, монаха Илариона, архимандрита Иоанна и других. Платон, однако, не прибегал к письменным источникам, чтобы рассказать о них, а лично знал этих людей или слышал о них от приближенных к ним лиц. Что касается остального, то он с крайней тщательностью сводил живой авторский тон Митрофана на нет и сделал текст гораздо сдержанней. Таким же строгим характером отличается и житие в издании Оптиной пустыни 1847 года. В этом случае труд Митрофана претерпел значительные изменения, хотя и нужно отметить, что редактор сделал робкую попытку воспользоваться устной повествовательной традицией. Как бы то ни было, все новые элементы в текстах 1836 и 1847 годов играют второстепенную роль, так как, несмотря на историческую достоверность, по сравнению с живым и динамичным текстом Митрофана, не могут в точности передать атмосферу, в которой жили монахи Драгомирского, Секульского и Нямецкого монастырей. Таким образом, во всех отношениях житие Паисия Величковского, составленное монахом Митрофаном, является важнейшим источником для изучения жизни великого духовного пастыря XVIII столетия.

Приведенная ниже публикация жития преподобного основана на рукописи № 153(207) Нямецкого монастыря. Принимая во внимание, что рукопись содержит наиболее достоверное изложение событий, я считаю бессмысленным и излишним рассматривать и анализиро-

вать разночтения из других рукописей. Все они, строго говоря, не являются разночтениями, но суть *lapsi calami*, которые не указывают на новую семью рукописей. Сам факт существования и форма текстов, которые появились в начале XIX столетия, не требует составления *stemma* или *apparatus criticus*.

Язык текстов

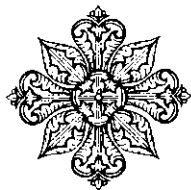
С самого начала школа Пансия Величковского состояла из монахов, пришедших, главным образом, из западных и южных областей России и говоривших на своих родных языках. Находясь в русской монастырской среде, работая с церковными книгами, напечатанными в русских церковных типографиях, они переняли характерный ученый язык духовной литературы. Привыкнув к нему, они использовали его не только в переводах греческих религиозно-мистических текстов, но и в своих собственных творениях. Автобиография Пансия Величковского и его житие, составленное монахом Митрофаном, написаны по всем правилам грамматики и правописания этого самого славянского языка, языка печатных церковных книг, который развился приблизительно в середине XVII века¹. Однако в обоих текстах

¹ Время от времени для учащихся церковных школ и семинарий печаталась грамматика этого языка. Лучшими книгами можно считать: В. Классовский. Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг. М., 1857 (выдержала 5 переизданий с 1867 по 1887 г. под заголовком «Грамматика славяно-церковного языка нового периода»), а также новую превосходную работу иеромонаха Алипия (Гамановича): Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковнославянского языка. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1964. Ср. обзор R. Mathiesen в: *Ricerche slavistiche*. XVI. 1968–1969. P. 290–291.

встречаются нарушения орфографических и стилистических норм, которые выдают влияние либо древнего церковнославянского языка, либо современных языков. Влияние древних церковнославянских текстов заключается в фонологических архаизмах и непривычном словоупотреблении, которые считаются ошибкой в языке, на котором написаны житие и автобиография преподобного Пансения. Например: *съннамахъ*, *въпадаеть*, *въводащій*. В следующих примерах заметно влияние родного языка или диалекта авторов: *проходацие* — *проходацие*, *польза* — *полза*, *колыше* — *кошше*, *прощение* — *прошение*, *кывезение* — *кнвезение*, *книгъ* — *книхъ*, *несчастливъ* — *нещасливъ*, *подробно* — *подробно*. Общей чертой обоих текстов является постоянное отсутствие буквы *к* в сочетаниях: *-льс-*, *-льш-*, *-льз-*, *-зль-*, *-льн-* и т. д., где это требуется по правилам языка. Неуверенность авторов в правописании некоторых слов видна, к примеру, в вариативности написания слова «монастырь»: *монастирь*, *монастырь*, *монастирь*, *монастырь*.

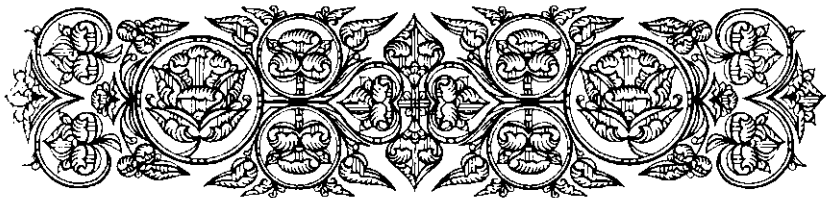
Эти и еще ряд других примеров показывают, что основной язык школы Пансения Величковского, церковнославянский язык XVII века, употреблялся только на письме, но не в устной речи. Монахи в повседневном общении говорили на своих родных языках с примесью элементов письменного церковного языка. Эта лингвистическая нестрога находит отражение в ошибках и нарушениях грамматических норм в автобиографии и житии Пансения. При расшифровке текстов моим первым желанием было исправить эти ошибки. Однако я оставил все, как есть, поскольку отклонения от нормы могут послужить полезным материалом для лингвистического исследования. Очень маловероятно, что сам Пансий Величковский и даже Митрофан могли допустить эти ошибки. Мы знаем, что преподобный в совершенстве владел церковным языком, поскольку переводил на

ного мистические и аскетические тексты. Митрофан же превосходно знал правописание этого языка. Таким образом, они оба остаются вне подозрений, а ответственность за допущенные ошибки должна быть возложена на переписчиков.

**Автобиография
преподобного
Паисия Величковского**

Повѣсть о святѣмъ соборѣ,
превозлюбленныхъ о Господѣ отецъ и братій
и чадъ моихъ духовныхъ,
собравшихся во имя Христово
ко мнѣ недостойному, спасенія ради душевнаго,
промыслѣмъ Божиимъ пребывающемъ
во святыхъ и честныхъ сихъ обителяхъ:
во святѣй и величѣй обители Вознесенія Господа
и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,
нарицаемѣй Немець, и во святѣй обители
Честнаго Славнаго Пророка, Предтечи
и Крестителя Господня Іоанна,
именуемѣй Секуль: како и коея ради вины,
святый сей соборъ собрися
ко мнѣ грѣшному и недостойному

Видя азъ себе уже къ концу жизни моея приближающаяся и разсуждая, яко всякая вещь писанію не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвенію, умыслихъ поне отчасти о святѣмъ семъ соборе святыхъ отецъ и братій и превозлюбленныхъ моихъ духовныхъ чадъ спасенія ради душъ своихъ во имя Христово ко мнѣ собравшихся писаніемъ изъяснити. Да не точію чадомъ моимъ

по смерти моей, но и чадомъ чадъ моихъ, аще будетъ благоволеніе Божіе содержатися святому сему собору, останется поне малое нѣкое вѣдѣніе о начале его, и яковымъ образомъ собрася. А понеже ово яко бояся нѣкихъ святому сему собору потаенныхъ наветникъ, паче же изъ въ неправославной странѣ рожденныхъ, да не како по преставленіи моемъ отъ жизни сея и по преставленіи братій святыхъ известно ведущихъ мя гдѣ родихся, приведуть братій святыхъ во усумнѣніе о мнѣ, въ коей странѣ родихся. Ово же помышляя, коль желателно есть чадомъ моимъ духовнымъ истинную по Богу ко мнѣ любовь стяжавшимъ, поне отчасти услышати о моемъ рожденіи и воспитаніи и изъ міра изшествіи, и въ монашествѣ образе пребываніи, даже до времени своего ихъ ко мнѣ пришествія и въ святое послушаніе пріятія. Того ради умыслихъ и о мнѣ самомъ чадомъ моимъ духовнымъ, и о прежде бывшемъ моемъ прежде пріятія братій пребываніи, отчасти объявити: не яко хотя житіе свое писанію предати, да не попуститъ мнѣ Христосъ Богъ Спаситель мой въ таковое беснованіе впасти. Кто бо есмь азъ, не сотворивый во вся дни живота моего ни единого блага? Но предреченныхъ ради винъ, пачеже и утвержденія ради братій како должно есть, наипачеже въ сія бѣдная плачу и рыданію достойная времена последовати правому и истинному Святыя и Апостолскія Восточныя Церкви по силѣ Божественнаго Писанія и ученія Богоносныхъ отецъ нашихъ, разуму и мудрованію. Богу убо споспешествующе начало повести сея полагаю таковое.

Азъ, монашества и священничества недостойный Іеросхімонахъ Паісій, рожденъ и воспитанъ есмь въ православномъ Малороссійскомъ градѣ Полтаве отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей¹. Отецъ мой бѣ

¹ В рукописи приписано на полях: Родихся азъ на концѣ 1722-го лѣта, Декаврія 21. И от купѣли Божественнаго крещенія дано мнѣ имя Петръ, на память иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи.

Іоаннъ Величковскій Протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночестве преименована бысть Іуліанія монахиня. Прапрадедъ мой бѣ по отцу Сѹмеонъ знатный и богатый козакъ. Прадѣдъ же Лука Величковскій Протопопъ Полтавскій. По матери же прадѣдъ мой бѣ славный и богатый купецъ єврейска рода прозываемый Мандя, иже и крестися въ Полтаве въ приходе Преображенія Господня со всѣмъ домомъ своимъ. Дѣдъ же Григорій Манденко. По рожденіи же моемъ отецъ мой, якоже мню въ четвертое лѣто от временныя сея къ вѣчній преселися жизни. Азъ же останахъ съ матерію моею и со старшимъ роднымъ братомъ моимъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послежде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія Церкви Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Маріи, въ нейже Церкви и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ священствоваша. Также мати моя владѣ мене съ меншимъ роднымъ братомъ моимъ Оеодоромъ въ наученіе книжное, иже въ седмое лѣто преставися ко Господу. Азъ же, Господу споспешествующе, чрезъ два лѣта и мало болѣ Букваря и Часословца¹ и Псалтыря изѹчихся точію и абіе начахъ Божією помощію преудобне по книгахъ читати отъ вышереченнаго же старшаго брата моего и писати въ дому нашемъ чрезъ нѣкое время изѹчихся. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣтахъ время, прилежно чтахъ книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заѡѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дорошеемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргарітъ, и прочія, слики обретахуся во святѣй предреченней Церкви, и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій преподобныхъ отецъ нашихъ, во святѣмъ и Ангелстемъ монашестемъ образе Богу благоугодившихъ, начать и въ души моеї раждатися ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже, дондеже

¹ В рукописи пропуск слога: Часловца.

пробывахъ въ мірѣ, никогдаже оскуде отъ души моя. Таже, егда уже течаше тринадцатое отъ рожденія моего лѣто, преставися и старшій мой братъ Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ, и возпоследова матери моеѣ нужда, взявши и роднаго своего брата, моего же дядю Василія Манденка, и мене съ собою, поехали къ преосвященнейшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Куръ Рафаилу Заборовскому съ писаніемъ просителнымъ крестнаго моего отца Василія Васи́левича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины, и всѣхъ почтеннейшихъ гражданъ Полтавскихъ, о подтвержденіи¹ отческаго моего предреченныя соборныя Полтавскія Церкви наслѣдія грамотою Его преосвященства, предъ егоже святымъ лицемъ, егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно изглаголахъ, яже прежде предъ матерію мою и дядемъ моимъ аще и много отъ нихъ пудимъ бѣхъ, изглаголати не возмогахъ; толико возрадывася Его преосвященство, яко благословивъ мя, таковая велегласно произнесе словеса: «Бысть тебѣ наслѣдникомъ». И, давъ грамоту матери моеѣ, подтвердительную о моемъ предреченныя Церкви наслѣдіи, отпусти съ благословеніемъ, повелевъ матери моеѣ вдати мене въ школы Кіевскія обученія ради внѣшнему ученію. Яже возвратившися въ домъ свой въ Полтаву, по некоемъ времени немедленно посла мене въ Кіевъ ученія ради, въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучался граматическому ученію, всякаго лѣта по обычаю школьному Іуніа или Іуліа месяца² отъѣздя въ домъ къ матери моеѣ и пребывавая тамо яко два мѣсяца и совершенную имѣя свободу, ни въ чемже тако упражнялся, якоже въ чтеніи книгъ

¹ В рукописи без т: подтвержденіи.

² Слова «Іуніа или» зачеркнуты. Ниже старецъ Паисій уточняет, что «распущеніе школьное» бывало Іуліа 15 дня.

святыхъ, отъ нихже паче и паче утверждахся въ непреломномъ намереніи моемъ о монашестве. Еще же и совершенно уразумехъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ, тоестъ безъ прилежнаго храненія заповедей Христовыхъ единою православною вѣрою отнюдь спастися невозможно, и положилъ бѣхъ таково завѣщаніе въ души моей предъ Богомъ укрепляющей мя благодати Его, еже ближняго моего не осуждати, аще быхъ и очима моима увидѣлъ его согрешающа, известно вѣдая, яко единъ есть праведный и истинный живымъ и мертвымъ Судія Христосъ истинный Богъ нашъ, Иже воздастъ комуждо по дѣломъ его¹. Осуждаяй же ближняго своего, достоинство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судіею живымъ и мертвымъ, чesого что есть страшнѣе? Ещеже и не имѣти ненависти на ближняго, еже по свидѣтельству Святыхъ Писаній болѣй грѣхъ есть паче всѣхъ грѣховъ². Еще же отъ всего сердца и души отпущати ближнему согрешенія въ надежду прощенія грѣховъ своихъ³ отъ Бога: не прощаяй бо ближнему своему согрѣшеній его, отнюдь не будетъ имѣти отпущенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе мое о храненіи заповедей сихъ данное предъ Богомъ, аще нераденія ради моего и не сподобихся самимъ дѣломъ сохранить, по убо споспѣшествующей мнѣ помощи Божіей разумомъ правымъ по ученію Святаго Писанія симъ заповѣдемъ Божіимъ, яко паче всего преудобнейшему и безтрудному пути ко спасенію по силѣ моей последовашъ и последую: иного бо пути ко спасенію преудобнейшаго нѣсть. Въ чтеніи убо книгъ святыхъ, якоже предрекохъ, во время въ дому моемъ пребыванія, упражнялся наставляхся на храненіе заповедей Божіихъ и на разумъ правый и

¹ В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 7, 1.

² В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 5, 22; Ин. 3, 15 (описка, надо: 1Ин. 3, 15).

³ Слово «своихъ» в рукописи исправлено на «моихъ».

мудрованіе Свѣтѣхъ Православныхъ Церкве. Въ приличное же время отъѣздохъ въ Кіевъ и пребывахъ со усердіемъ во ученіи школнѣхъ. Въ тѣхъ убо три лѣта, аще и не малу ревность имѣхъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друзей некихъ таковуужде ревность и подобное намереніе о монашествѣ имевшихъ стяжахъ, наипаче же егда и наставника и руководителя къ сему сподобихся имѣти, въ Братскомъ Богоявленскомъ¹ святомъ монастырѣ, пребывавшаго благоговѣйнаго Іеросхимонаха отца Пахоміа, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустыни поживе, и имевше у себе неколко и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ своимъ многія пользы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми мнѣ от себе книгами ревность оу въ души моей воспаляше. Но обаче и ученіе школное и дотоле еще со усердіемъ прохождахъ. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распущенія школъ, еже бываетъ Іуліа 15 дня, аще и пребывахъ во ученіи школнѣхъ, обаче уже не съ толикомъ усердіемъ, якоже прежде, желаніе бо иночества превозмогаше въ души моеи и не попускаше ми болѣе во ученіи пребывать, по понужданію моему аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти инокомъ. Къ сему же и единая вещь тогда случившаяся паче побуждала мене. Два изъ учениковъ школныхъ въ зимнее время неведомо гдѣ отай пойдоста, по доволномъ же времени уразумехъ, яко пойдоста монашества ради, и обретаются въ единомъ скитѣ Кіевонечерскія Лавры, нарицаемомъ Китаевѣ, о коль неисповедимыя радости исполнихся и желаніемъ возжелехъ пойти тамо и увидѣти ихъ. Обрѣтъ убо время свободное отъ ученія школнаго, пойдохъ тамо съ не малымъ на пути страхомъ и, Богомъ покрываемъ, безбедно пришедъ во святую оную обитель и благословеніе вземъ отъ тогда бывшаго начальника всечестнѣйшаго Іеросхимонаха от-

¹ «Богоявленскомъ» написано над строкой другим почерком.

ца Θεодосіа, по благословенію его повидехся и со онѣми благословенными рабы Божіими, иже съ великою радостію мене пріяша, и отъ путешествія пищею укрепиша по павечернемъ же ꙗ́вни и по совершеніи определенныхъ себѣ послушаній, егда наста нощь, собравшися въ трапезу съ прочими послушники, чтяху чтеніе отъ святаго Ефрема съ великимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ довольное время, по чтеніи же поклоншися со смиреніемъ другъ другу, разидошася, оставаше мене въ трапезе спочити до утренняго ꙗ́вня. По утреннемъ же ꙗ́вни и по совершеніи Божественнѣи Літургїи, яже тамо не рано совершашася, поставленной бывшей¹ трапезѣ и сѣдцу началнику съ братією, повелѣ и мнѣ начальникъ, яко странцу, сѣсти на трапезѣ съ братією, чтущую же чтенію отъ словесъ отеческихъ, вси слушаху со страхомъ Божіимъ и съ великимъ вниманіемъ и крайнимъ молчаніемъ. Послушницы же предстояху со страхомъ Божіимъ послуженіе подобающее со благоговеніемъ совершающее. По трапезе же послушницы они, два, ихже ради тамо прїидохъ по прїятіи пищи и по исполненіи всѣхъ своихъ служебъ, обрете время свободное, Богу вразумляюще ихъ, беседоваша ко мнѣ многа словеса душеполезна, побуждающе мене оставити мїръ и яже въ мїрѣ и съ ними во обители той въ послушаніи пребывать въ надежду по времени полученія и монашескаго образа. Азъ же и самъ и безъ понужденія ихъ отъ всего сердца моего желалъ тамо остатися, но известно вѣдая яко тамо отъ матере моея отнюдъ утѣтися не возмогу, не дерзнухъ сіе сотворити. Пребывъ убо тамо день той, рано третіяго дне вземъ благословеніе отъ начальника, и попростився со слезами съ братіями онѣми, сожалеющими о моемъ отступу отхожденіи, возвратихся къ моему пребыванію, не могій въ скитѣ онѣмъ болѣе медлети, занеже невозможно бы было тамо тайному хожденію

¹ В рукописи: бывшей.

моему утаитися, аще быхъ болѣ замедлелъ. Возвратився же пребывахъ во ученіи школнѣмъ безъ всякаго усердія, точію за єдинъ обычай, даже до распущенія школъ. По распущеніи же школъ, не отъѣздя сего четвертаго лѣта, по обычаю прежнему, въ домъ къ матери моей сего ради, яко да имамъ совершенную свободу произысковати образа яковымъ бы возможно¹ было мнѣ сподобитися монашескаго образа, пребывахъ въ Кіевѣ на Подоле² близу Церкви святителя Хрістова Ніколаа нарицаемаго Добраго, у єдинія старыя вдовицы, яже аки вторая мати со всякою любовію и призреніемъ въ дому своемъ мене содержаше. Имѣя убо совершенную, якоже рѣхъ, свободу, хождахъ по святымъ и честнымъ Кіевскимъ обителямъ, овогда убо во Святую Софію³ поклоненія ради мощей, святителя Хрістова Макарія Митрополита Кіевскаго, овогдаже пачеже и частѣе въ монастырь Аархістратига⁴ Господня Міхаила, поклоненія ради мощей святыя великомученицы Варвары. Овогда же и во иныя честныя и святыя обители проходя, и зря благолепіе и благочиніе церковное нользовался душею. Паче же, взырая на честныхъ и святыхъ монаховъ, мняшеся мнѣ зрѣти Ангеловъ Божіихъ. И моляхся Господеві, да и мене сподобитъ благодатію Своею, святаго ихъ сего ангелскаго образа. Что же реку о святѣй и великой Кіевопечерской Лаврѣ, юже вселюдне возлюбивъ яко святое и Богоизбранное мѣсто, въ немже въ последняя лѣта подобне древнымъ Богоноснымъ отцемъ Ангелскимъ во плоти житіемъ, ангели земніи и небесніи челоуцы преподобніи и Богоносніи отцы нашіи Антоній и Феодосій и вси преподобніи Печерскіи просіяша и въ жизни своей и по смерти прославишася отъ Бога чудесы

¹ Слова «яковымъ бы возможно» написаны другим почерком.

² Подол — один из районов г. Киева.

³ Имеется в виду киевский храм Софии, Премудрости Божией.

⁴ Так в рукописи.

и нетленіемъ святыхъ своихъ мощей. Частее убо, нежели въ прочія обители, въ ню приходяхъ въ неделныя и праздничныя дни, слушая Божественную раннюю и позднюю Літургію, овогдаже и въ вечеръ приходяхъ, и не имѣя кого тамо знаема, яко единъ странень, овогда убо на Ближней пещере близъ Церкви нѣгдѣ ночевалъ. Овогда же и въ великомъ монастыри близъ великія звоницы¹ даже до звона на правило церковное. Наченшуся же правилу, входя во ону небеси подобную церковь, и зря превосходящееся ся благолѣіе и благочиніе и множество многое благоговѣйныхъ и честныхъ монаховъ со всякимъ благочиніемъ въ ней предстоящихъ, радовался и веселился душою, мняся видѣти самихъ онѣхъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и прославляхъ Бога, сподобившаго мене таковое святое мѣсто частѣ посещати. По совершеніи же всенощнаго бдѣнія или утрени, вхождахъ во святыя пещеры съ прочіими хрістіанами поклоненія и лобызанія ради святыхъ мощей и мѣроточивыхъ главъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и овогда убо въ Ближней, овогда же въ Далней святой пещери въ Церквяхъ внутрь святыхъ пещеръ обретающихся, слушая Божественныя Літургіи, прославляхъ Бога дивнаго во святыхъ Своихъ, и ублажахъ преподобныхъ отецъ сихъ, прежде созданія еще новаго и ветхаго монастырей² трблаженное ихъ въ пещерахъ святыхъ безмолвіе таковое и тишину, яковаго безмолвія и тишины верху земли пребывающимъ имѣти отнюдь невозможно есть, и таковое воспалѣвшееся желаніе въ души моей о вещи невозможной, яко аще бы возможно было, то никакоже быхъ восхотѣхъ изъ пещеръ тѣхъ святыхъ изыти,

¹ Великий монастырь — имеется в виду Верхняя Лавра. Великая звонница — большая лаврская колоколяня.

² Новый и Ветхий монастыри возникли на месте Ближних и Дальних пещер (соответственно). Оба они носят название «Нижняя Лавра».

но тамо пребывая жизнь свою скончати, но обаче видя вещь невозможну, съ великою жалостію и воздыханіемъ неходяхъ¹ изъ святыхъ пещеръ онѣхъ, овогда же по поклоненіи святыхъ мощей, вшедь во святую и великую церковь, слушахъ Божественную Літургію и по отпустѣ отхождахъ на Подоль въ домъ рабы оныя Божія, идѣже пребывахъ.

Имѣя же неколико превозлюбленныхъ моихъ и единомысленныхъ друзей, едино и тожде намереніе о монашестве имевшихъ, въ субботу въ вечеръ или предъ нѣкимъ праздникомъ собирахомся летнаго времени во святой Богоявленскій Братскій монастырь, во врата монастырская, яко въ зѣло приличное и безмолвное мѣсто. Стяжавше друга себѣ и сторожа монастырскаго, мужа зѣло добродетелна и страха Божія исполненна, упражномся въ собесѣдованіихъ душеполезныхъ даже до звона на правило церковное, пачеже всего советовахомся, како бы могли намереніе наше въ дѣло произвести, и гдѣ бы таковое мѣсто могли обрести, въ немже Богу благоволящу, постригшеся во иночество, могли быхомъ приличне монашескому обѣту пожити, и по многократномъ советованіи и прилежномъ разсмотреніи, таковъ завѣтъ непримененъ и непреложенъ въ душахъ нашихъ завсѣахомъ, да не будетъ отреченіе наше отъ міра и постригъ во обителехъ, всякое изобиліе имущихъ въ пици и питіи и во всякомъ телесномъ упокоеніи. Занеже въ таковыхъ обителехъ постригшеся, не быхомъ возмogli по обѣту монашескому нищете Христовой последовати и воздержное житіе проходить, но помощи ради дунгъ нашихъ, отступивше отъ теснаго пути вводящаго въ животъ, заблудили быхомъ въ широкій путь вводящій въ погибель. И лучше быти, разсуждахомъ, по закону Христіанскому оженившимся намъ въ мірѣ пребывати, не-

¹ Буквы «хъ» дописаны другим почерком.

жели отрєкшимся міра по угодиѣ плотскому во всякомъ упокоєніи и изобиліи житіє препровождати¹ на поруганіє монашескаго образа и на вѣчное осужденіє душъ нашихъ въ день судный. Сего ради, якоже предрекохъ, твердое въ душахъ нашихъ воспріяхомъ намереніє изыти и отъ отечества нашего, и, ꙗкоже въ пустынемъ и безмолвнемъ мѣстѣ обрєтше наставника душъ нашихъ искуснаго, предати себе ему въ повиновеніє. И по времени приличнемъ, отъ него постригнєся, пребывати съ нимъ, и другъ со другомъ, до послєдняго своего издыханія неразлучне во иночестей нищете и скудости нуждныхъ потребъ и всякомъ спасенія ради душъ нашихъ, въ злостраданіи нуждную монашескую пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающе. Въ таковыхъ убо и подобныхъ снмъ бесѣдахъ безмолвное и тихое пощное время препровождающимъ, приспеваше и правило церковное, е҃гоже по отпусте расхождахомся въ дома наша.

Въ² таковой убо намъ духовной лубви³ и душеполезной бесѣдѣ и другъ со другомъ частѣмъ схожденіи пребывающимъ, приде мнѣ великое желаніє наки пойти въ предреченный онѣ скитъ Кітаєвъ повидети превозлюбленныхъ мнѣ онѣхъ вышереченныхъ рабовъ Христовыхъ, лѣтню же тогда времени сущу, удобіѣе возмогохъ сіє мое желаніє исполнити. Пришедъ убо во святую оубо обитель велія радости исполнихся, ово, яко увидєхся со онѣми возлюбленными мнѣ послушники Христовыми, ово же яко сподобихся увидѣти священнолеопотныя сєдины, блѣда желта и измождала отъ поста и воздержанія лица святыхъ отецъ тамо пребывающихъ. Съ ними же,

¹ В этом месте на полях пометка: зри.

² Перед началом абзаца на полях пометка другим почерком: отступ.

³ Так в рукописи.

входя на правило церковное, не малую въ души моей ощущахъ пользу, съ великимъ бо вниманіемъ и страхомъ Божиимъ безъ всякаго ускоренія чтяху и пояху все последованіе правила; бяху бо нѣцыи изъ братій и послушниковъ естественный даръ отъ Бога сладкопенія имевшихъ, иже не точію стіхиры и прочее пѣніе со сладкопеніемъ пояху, но и самое «Господи помилуй», и «подай Господи» и «Тебѣ Гди¹» и «Аминь», съ толикимъ сладкопѣніемъ тихо и со умѣреннымъ продолженіемъ пояху, яко и жестокому и неудобъ преклонному на умиленіе сердцу, яково и мое бяше удобно бѣ ко умиленію и слезамъ преклонятися. Но и самое оно положеніе мѣста и состроеніе Церкви душу человеку можаше преклоняти ко умиленію, церковь она бѣ деревяная, крестообразне создана во имя преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца, юже различна дерева плодovitа окрестъ ея насажденна вѣтвми своими осеняху, занеже не бяше высока. Вся извнутри іконнымъ тканіемъ бяше украшена даже до послѣдняго притвора, въ немъ изображени бяху зѣло благоговейно преподобніи отцы Великороссійстии чудотворцы. На ихже святое оно изображеніе взирая, кто съ благоговеніемъ велію могль бы въ души своей ощущати пользу². Еще же разсмотрѣвая тихое и безмолвное на мѣстѣ онѣмъ пребываніе святыхъ отецъ, благоговѣніе и молчаніе, кротость и смиреніе и послушниковъ всѣхъ всеблагоговейное съ крайнѣйшимъ воли своея и разсужденія отсеченіемъ, со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ во всемъ послушаніе. Отъ вся души моя вожделехъ тамо со святыми отцы онѣми и братією пребывати, аще и известно вѣдый, яко тамо отъ матере моя утаитися не возмогу, но обаче крайнимъ желаніемъ монашества побуждаемъ

¹ В рукописи не надписано с-титло.

² На полях приписано (другим почерком): радость.

умыслихъ тамо остатися. Приступль убо къ предреченному обители тоя началнику, стоявшему близъ Церкви наедине, и припадъ къ ногама его, моляся прилежно, да любви ради Божія прїиметь и мене беднаго во святую свою обитель монашества ради во святое послушаніе; онъ же, уразумевъ мое прошеніе, абіе отъиде въ келлію свою, повелевъ и мнѣ ити за нимъ, вшедъ же и азъ въ келлію его, и поклонився по обычаю, стояхъ близъ дверей. Онъ же сѣдъ близъ стола, повеле и мнѣ сѣсти выше себе, рекъ ко мнѣ: «Брате, сяди здѣ», указуя рукою и мѣсто оно, идѣже повелеваше ми сѣсти. Азъ же, слышавъ сіе и ужаснувся о вещи нечаянней и весь стыденія исполнився и поклонився низко, стояхъ молча. Онъ же и вторицею тожде сотворити ми повеле. Азъ же паки поклонився, стояхъ молча. Таже и третинею тожде повеле ми сотворити. Азъ же зѣло ужасаяся о семъ и поклонився, стояхъ безгласенъ. Онъ же отверзъ святая своя уста рече ко мнѣ: «О брате, ты молиши мя, да прїиму тебе во святую обитель нашу монашества ради. И се, въ души твоей не вижду ни слѣда монашескаго устроенія. Не вижду въ тебѣ смиренія Хрістова. Не вижду въ тебѣ послушанія и отсеченія воли твоея и разсужденія, но сопротивное все. Вижу въ тебѣ устроеніе и мудрованіе міра сего, вижду въ тебѣ гордыню діаволу. Вижду въ тебѣ непослушаніе и последованіе воли твоей и разсужденію: се бо трижды повелевъ тебѣ сѣсти выше мене, никакоже послушалъ еси мене; вмѣсто бо еже единою услышавъ заповѣдь мою, не точію въ келліи моей, но аще быхъ восхотѣлъ, и въ транеже предъ всею братією повелевающую тебѣ сѣсти выше мене, подобаше тебѣ абіе отвергъ всю волю твою и разсужденіе, со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ послушати мене; ты же трижды отъ мене повеленъ бывъ въ келліи моей точію сіе сотворити. Последуя воли твоей и разсужденію, паче же гордыни вражіей

лицемерне смиряяся и кланяяся¹, заповѣдь мою преслущалъ еси. Не имѣя убо послушанія и отсѣченія воли твоея, еже есть знаменіемъ истиннаго монашества, како дерзаша просити мене принять быти во иночество? Не имущи бо послушанія и последующи воли своей и своему разсужденію нѣсуть достойни монашескаго образа». Таковая убо и многая сихъ² изрекъ ко мнѣ словеса, и уразумѣвъ въ конецъ, ужаснася мене о семъ и съ великимъ страхомъ предъ нимъ стояща и ничтоже вѣщающа; начать яко отецъ чадолюбивый со всякою любовію и кротостію глаголати ко мнѣ: «О, чадо возлюбленное, известно да вѣси, яко азъ любве ради Божія, желая души твоей спасенія сіе искушеніе на тебе навелдохъ ово, убо яко да во вся дни живота твоего сіе въ незабвенной памяти въ души твоей содержиши, ово же, да симъ уразумлю тебе и наставляю, яко истиннаго монашества начало, корень и основаніе есть истинное по Богу и по разуму Божественнаго Писанія и ученія³ святыхъ отецъ послушаніе и совершенное воли своея и разсужденія оставленіе и умерщвленіе. И вси желающіи сподобитися монашескаго образа, якоже оставляютъ міръ и вся, яже въ мірѣ, тако должны суть оставить и всю волю свою и разсужденіе, и повинутися по Богу во всемъ настоятелю своему, даже до послѣдняго своего издыханія, аки Самому Богу. Ты же, чадо мое, о искушеніи семъ, еже навелдохъ на тебе, не малодушествуй, извещаваюся бо, яко не противяся мнѣ не дерзнулъ еси послушати мене. Но ово, не вѣдя еще силы Божественнаго монашескаго послушанія, ово же — и почитая мя, купно же и святыи⁴ и

¹ Слово «кланяяся» надписано другим почерком.

² Слово «сихъ» надписано другим почерком.

³ Слова «и по разуму Божественнаго Писанія и ученія» надписаны другим почерком.

⁴ Слова «и святыи» надписаны другим почерком.

великій монашескій¹ образъ, егоже Богъ мя недостойнаго удостои. Сего ради буди прощень отъ Бога и отъ мене грѣшнаго».

Таже² начатъ мене вопрошати, гдѣ родихся, и не имамъ ли отъ кого возбраненія коего къ монашеству. Мнѣ же вся, яже о себѣ, вкратцѣ известившу, рече ко мнѣ: «Чадѣ мое возлюбленное, аще и молилъ мя еси и просилъ, да прииму тебе монашества ради во святую сію обитель во святое послушаніе, но по извещенію твоему не дерзаю сего сотворити, да не како воспоследуетъ общее и намъ и тебѣ смущеніе, мати бо твоя уведевши, гдѣ пребываеши, можетъ тя съ новеленіемъ властей прелюбно отсюду взяти. Сего ради о семъ не скорби, яко предреченныя ради вины не дерзаю тебе пріяти, но имѣя непременимое о воспріятіи монашества желаніе, возложи все о себѣ на Бога попеченіе, и его помощію потщися проискати таковаго мѣста, въ немже ниедино ти будетъ къ монашеству возбраненіе; азъ же тя увѣряю, яко Богъ всемогущій, всѣмъ хотяй спастися, къ такому мѣсту тебе наставитъ и желаніе твое въ самое произведетъ дѣло». Азъ же слышавъ сіе и самъ известно вѣдый, яко мнѣ въ той святѣй обители за предреченную вину пребывать невозможно. Болѣе уже не дерзнухъ о семъ моленіемъ моимъ святыню его утруждати. Но припадъ къ святымъ его ногамъ просихъ прощенія. Еже вкупѣ съ благословеніемъ возьмъ, изыдохъ изъ келліи его. Еще же тамо мнѣ суцу, сподобихся святая его и душеполезная словеса къ единому брату изглаголанная услышати, стоя бо на дворѣ святыя тоя обители съ некими отцы призва единаго брата изъ послушниковъ. Бѣ же той братъ зѣло благоговеннъ, и рече къ нему: «Имамъ тя, брате, послати во

¹ Слово «монашескій» надписано другим почерком.

² Перед началом абзаца на поле пометка другим почерком: отступ..

великій монастирь по обычаю нашему, отобранія ради харчевыхъ вещей и питія на цѣлую седмицу, сотвори убо подобающее приуготовленіе». Брать убо сей приуготовався, якоже подобаетъ, и отверзъ врата двора¹ скитскаго, начать выѣздити. Началникъ же, увидѣвъ сіе, призва брата сего и рече къ нему: «Какое дерзнулъ еси, окаянне, безъ благословенія моего отъѣздити, аще бы тебѣ приключилася, якоже мнозѣмъ и приключается, безвѣстная и внезапная на пути смерть, что бы возмоглъ еси отвѣщати Праведному Судіи въ день страшнаго Его втораго пришествія, отъѣхавъ безъ благословенія, не вѣси ли, колико великъ грѣхъ есть послушнику творити что безъ благословенія настоятеля своего?» Онъ же поклонився, рече къ нему: «Прости мя, отче, азъ съ твоимъ благословеніемъ отъѣхати хотѣхъ, ты бо мнѣ новелелъ еси поехать въ великій монастирь исполнити определенное мнѣ отъ тебе послушаніе». Настоятель же рече къ нему: «О окаянне, не довольно ли ти бѣ, яко виаль еси во едину яму составленія воли твоея хотѣвъ отнѣхати на послушаніе безъ благословенія. Вмѣсто бо, еже изыти изъ нея, прося прощенія, и глаголя со смиреніемъ: «Прости», се впаль еси и во другую яму словооправданія, горшую первыя. И, еже есть и горше сего, яко ни Бога бояся, ни человекъ срамляясь дерзнулъ еси къ свѣту примесити тму и къ смиренію гордыню. Еже бо глаголати «Прости» — смиреніе есть, якоже учать насъ святіи отцы наши. А еже прилагати къ сему слову «Прости» словооправданіе — гордыня есть, ученіе діаволе, и примешеніе свѣта ко тмѣ. Кое же общеніе, по Апостолу рещи, свѣту ко тмѣ?»² Сего ради всякъ, прѣбывая въ послушаніи, желая сподобитися монашескаго образа, долженъ есть во-первыхъ сіе начало житію своему

¹ Слово «двора» надписано другим почерком.

² В рукописи примечание (другим почерком): 2 Кор. 6, 14.

положити, аще будетъ или отъ настоятеля, или и отъ прочіихъ отецъ укоряемъ, досаждаемъ или и напаствумъ припадая къ ногамъ, со смиреніемъ глаголати «Прости», ничтоже къ сему прилагая, развѣ точію «Прости мя, отче святыи, согрѣшихъ». А не якоже ты къ сему приложилъ еси словооправданіе». Таковая убо и многая сихъ словеса слыша, благословенный онъ братъ стояше молча, дондеже преста глаголати настоятель, также падъ къ ногамъ его, со слезами просяше прощенія. Настоятель же, яко отецъ чадолюбивый начать глаголати къ нему: «Намереніе мое бяше, чадо, послати ты на предреченное послушаніе, тѣмже призвавъ ты, повелехъ приуготовитися точію, а не и отездити, тебѣ же подобаше по приуготовленіи, взявъ отъ мене благословеніе, отъездити, таковъ бо есть чинъ монашескаго житія, ты же по неведенію, а не по презренію, хотѣлъ еси отъехати безъ благословенія. Такжеже, и прося прощенія, по неведенію приложилъ еси словооправданіе и о семъ со слезами каешься и просиши прощенія, да будеши убо отъ Бога и отъ мене прощенъ и благословенъ». Поучивъ же его доволне о силѣ Божественнаго послушанія, отпусти на предреченное послушаніе радующася и прославляюща Бога. Азъ же, стоя нѣгдѣ не далече и слышася, зѣло спользовался душею прославляя Бога, сподобившаго мя слышати таковая душеполезная словеса, и вмѣняхъ та быти глаголы живота вечнаго. Азъ же,¹ также возьмъ благословеніе отъ настоятеля и попростився съ предреченными послушники, изыдохъ отъ тоя обители со мною жалостію, яко не сподобихся тамо за предреченную вину² со святыми онѣми отцы и братією пребывать. Пришедшу же ми въ домъ, идѣже пребывахъ, во обычномъ моемъ упражняхся устроеніи, ходя ко свя-

¹ Слова «азъ же» написаны в сноске (другим почерком).

² То есть: вину.

тымъ обителемъ и со други моими собираясь на собесѣдованіе прилично нашему намеренію. Наченшуся же шкѣльному ученію, по обычаю въ начале Септемврія мѣсяца, бояся, да не како сотворится намеренію моему возбраненіемъ, оставивъ е, не хождахъ на не, по прилежне печалюся, како быхъ возмогъ въ приличное мѣсто изыти чернечества ради. Случися же тогда, по заключеніи мира¹, возвращающуся въ Россію воинству, приѣхати съ нимъ въ Кіевъ со всѣмъ и преосвященнѣйшему Курьѣ Антонію Митрополиту Молдавскому, иже пребываше во дворцѣ преосвященнейшаго Кіевскаго Митрополита, нарицаемомъ Кудрявецъ, и, увидѣвъ единою въ святомъ Братскомъ Богоявленскомъ монастыри предреченнаго Іеросхимонаха Пахоміа, познахъ его, яко своего во Іеромонаха рукоположенника. По благословенію Его преосвященства Кіевскаго Митрополита, взя къ себѣ на Кудрявецъ. Къ нему же частѣ азъ, яко къ моему о Госноде наставнику приходя, чрезъ него сподобляхся и благословеніе Его преосвященства получать, цѣлуя святую его десницу. И видя у Его преосвященства съ прочіими честными, всякаго почтенія достойными лица іеромонашескаго сана, и некое число честныхъ юныхъ Іеродіаконовъ, кроткихъ и смиренныхъ, любовь по Бозѣ ко мнѣ имевшихъ, зѣло радовахся душею, паче же, егда сподобляхся, служащу Его преосвященству со всѣмъ освященнымъ своимъ клиромъ, слушати Божественныя Літургіи совершаемыя² молдавскимъ языкомъ. Коликія радости душа моя исполнялася, услышавши и симъ благословеннымъ языкомъ Богу славословіе возсылаемо. И дивны судьбы Божія, яко оттолѣ начатся въ души моей не мала любви къ благосло-

¹ Имеется в виду мирный договор России и Турции, подписанный по окончаніи войны 1735–1739 гг.

² В рукописи: совераемыя.

венному сему молдавскому языку и народу, и къ Богохранимой сей земли. И многшее къ странничеству и монашеству¹ возгорѣся въ души моеѣ желаніе.

Въ таковомъ убо упражненіи мнѣ чрезъ зиму ту пребывающую, случися на концѣ Іаннуаріа мѣсяца наити на мене и малому искушенію. Единъ отъ града моего, учивыйся въ школахъ, видя мене отложивша школьное ученіе и сожалевъ о мнѣ, поїде къ началствовавшему тогда надъ школами Его Преподобію Сѹлвестру Кулябце, иже послѣжде бысть и Архімандритъ Братскаго Богоявленскаго, идѣже и училища, монастыря, таже и епископъ СвятоПетрограда. И сказа ему подробну о мнѣ, яко не хочеть, рече, учитися. А мати его всеу точію полагаетъ на ученіе его иждивеніе.

Сіа слышавъ онъ, посла двоихъ изъ школъ учениковъ привести мене предъ себе, пришедшу же мнѣ, начать жестоко истязовати мене, глаголя, яковыя ради вины оставилъ² еси школьное ученіе, азъ же, аще и отъ естества зѣлю бездержповененъ сый, паче же, предъ такими лица, паче устройства моего, не вѣмъ, како, дерзнухъ ему отвѣщати, яко первая вина, сяже ради оставихъ внѣшнее ученіе, есть неперменное мое намереніе быти монахомъ, еже бояся безвестнаго часа смертнаго, желаю, аще бы возможно было, яко наискорее, изшедъ въ таковое мѣсто, идѣже, Богу помогающе, возмоглъ быхъ и самымъ дѣломъ исполнити. Вторая же, яко отъ внѣшняго ученія не ощущаю въ души своѣй никоеяже пользы, слыша бо въ немъ частѣ воспоминаемыхъ боговъ и богинь еллинскихъ, и басни піитическія, возненавидѣхъ отъ души таковое ученіе. Запе, аще бы и во внѣшнемъ ученіи учителя употребляли словесъ Богоносныхъ Церкви святыя учителей, духовнаго разума отъ

¹ Слово «монашеству» надписано другим почерком.

² В рукописи: оставимъ.

Пресвятаго Духа научившихся, то сугубыя бы ползы духовнаго разума и внешнего ученія ученики сподоблялись¹; а понеже, якоже напечатано есть во Алфавитѣ Духовномъ, «днесь не отъ Духа Свята, но отъ Аристотеля, Цицерона, Платона и прочіихъ языческихъ любомудрцевъ разума учатся, сего ради до конца ослепомъ ляжею, и прелестишася отъ пути праваго въ разуме, и словесъ точію изглаголаніи учатся: внутрь души мракъ и тма, на языкѣ же вся ихъ премудрость»². То, по свидѣтельству сему, отъ таковаго ученія не оцущая въ души моеѣ пользы, къ тому же и бояся, да не како отъ него, якоже и мнозѣмъ случается, впаду въ развращенный разумъ, оставихъ е. Третія же вина, рассмотрѣвая плоды сего ученія въ духовныхъ монашескаго чина лицахъ, яко аки нѣцыи мірстїи сановницы въ веліей чести и славѣ и всякомъ телесномъ покои пребываютъ, драгоценными ризами украшающесе и славно избранными конми и прекрасными³ колесницами ѣздяци, не осуждая ихъ сіе глаголю, да не будетъ, по бояся и трепеща, да не како и азъ пребывъ доволное время во училищахъ и изучивъ внешнего ученія и ставъ монахомъ, не точію сіе помощи ради души моея, но и тмамы горнее постражду, впадъ во вся душевныя и телесныя страсти. Сія суть вины, ихже ради оставихъ виѣшнее ученіе. Онъ же, яко мужъ премудрейшѣ, многа на сія изглаголавъ ко мнѣ словеса, исправляя мое невежество, и изъявляя, коль велику иматъ пользу виѣшнее ученіе, еяже ты, глагола ко мнѣ, аще доселе, якоже глаголени и не оцущаени въ души твоей, то нѣсть чудно, еще бо ты до болшихъ ученій не досиѣлъ еси, по времени же достигъ до тѣхъ, и самою

¹ В рукописи: сподблялися.

² Алфавит Духовный свт. Димитрия Ростовского. М., Правило веры, 1998, л. 16 об.

³ Слова «конми и прекрасными» написаны другим почерком.

вещію познавъ тѣхъ великую пользу, возрадуешися, и прославиши Бога, избавився отъ такового невежества, въ которомъ нынѣ пребывасши. И многая симъ подобная изглаголавъ ко мнѣ словеса, всяцѣмъ образомъ побуждая мене ко школьному ученію, наконецъ, егда увидѣ, яко отнюдъ не преклонялся къ его увещанію, но стояхъ въ моемъ упрямствѣ. Зѣло оскорбися, и хотѣ за сіе мене жестокимъ біеніемъ наказати. Азъ же, разсмотревая крайнюю свою всегдашнюю телесную немощь и бояся, да не како біеніемъ и премалаго своего лишуся здравія, и не хотя повинухся воли его рассуждая, яко таковое творимое мнѣ насиліе на мало время будетъ. Дождавшу бо ми, Божиимъ изволеніемъ, лѣта, всесовершенно свободенъ буду въ намереніи моемъ безъ всякаго возбраненія. И прохождахъ школьное ученіе единого ради точію обычая, не имѣя въ немъ ни единого успѣхія. Пришедшу же лѣту, оставивъ с, отѣхоль есмь къ матери моей въ Полтаву, яже, егда увидѣ мене, неизреченныя радости исполнися со слезами благодаряци Богу, яко по дволетнемъ времени едва дождалася увидѣти мене. Такожде и азъ зѣло возрадовался, сподобився Божією помощію узрѣти ю. Зѣло бо по Бозѣ любяхъ ю и почитахъ, яко мать мою. Пребывая убо въ дому моемъ, упражняхся въ чтеніи книгъ¹ святыхъ. Имѣяхъ же у себе и нѣкая словеса зѣло душеполезная къ ревности Божіей и къ подвигу монашескому душу возбуждающая, яже въ Кіевѣ пребывая и взывая книги отеческія отъ предреченнаго Іеросхимонаха Пахомія, выписавъ изъ нихъ на пользу души моей, яже частѣ читая, не малое поощреніе имѣхъ къ монашескому житію.

Имѣяхъ же и друга единогодушнаго изъ предреченныхъ моихъ друзей, такожде изъ училищъ Кіевскихъ къ матери своей въ Полтаву приехавшаго именемъ Ді-

¹ Так в рукописи.

митріа, иже въ Кіевѣ со мною и въ единомъ дому доволное преживе время. Съ нимъ же, частѣ бо ко мнѣ прихождение, собесѣдованіе наше и совѣтъ нашъ ни о чемъже тако бываше, якоже о томъ, кѣмъ бы образомъ возможно было намъ монашества ради не точію изъ міра, но и изъ отечества нашего въ странничество изшеднымъ, пожеланію нашему сподобитися святаго сего образа. Въ сихъ убо упражняющуся мнѣ, умыслихъ о намереніи моемъ и матери моей совершеннее объявити, яже еще и давно уже вѣдающе о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшися, яко азъ по окончаніи, еще и не совершеннымъ, школьнаго ученія, оставивъ предложеніе мое о чернечестве и по закону хрістіанскому оженився и священникомъ яко послѣдникъ отца моего ставъ, буду о ней, яко о матери моей подобающее имѣти попеченіе, и она будетъ имѣти мене старости своей подпору и желаемое утешеніе, паче же всего зѣло желаше, да не испразнится и родъ нашъ: дванадцать бо чадъ имѣяше ихже всѣхъ, кромѣ мене единого предпосла ко Хрісту, азъ же изъ нихъ единъ точію остахъ и тѣй въ старости на нѣкое по Божѣ и дому окормленіе и утешеніе, и послѣдія ради и дому нашего Величковскихъ уже не оставшагося на возстановленіе. Такову убо имѣющей тѣй надежду, егда известихъ ей непременно мое о чернечестве намереніе, неудобно изрещи, якова печаль и скорбь постиже душу ея, сетованіе бо и тужаніе, многожды же и плаканіе, и со слезами мене увѣщаваніе не оставити ея, не оставити же истребитися и дому нашему, еже неизбежно последовати имать (якоже и последова) изшедцу тебѣ, рече, изъ міра въ чернечество. Видя же азъ такову ея печаль и скорбь, еще и зѣло имѣя къ ней, яко къ матери моей любовь, соболезновахъ о ней душею, но обаче въ намереніи моемъ пребывая непреклоненъ. Увѣщахъ ю по силѣ моей, прося и моля не скорбети о немъ чернечества намереніи, но паче радоватися о семъ и веселитися и

прославляти Бога, давшого мнѣ Своею благодатию таковой помысль и на Его всемогущій промысль всю о своемъ окормленіи имѣти надежду.

Увидѣвъ же, яко отнюдъ не можаше утешитися, по день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби. Известныхъ о намереніи моемъ и о скорбѣ ея духовнику моему, иже советова мнѣ утешенія ради матере моея, яко да не предасть себе въ болшую печаль, беседовати съ нею смотрителне, аще и поверхніимъ образомъ по ея воли. Пріемъ убо отъ духовника моего таковъ совѣтъ, тако и последовахъ, не дерзая уже болѣе о предложеніи моемъ тѣй воспоминаати, но беседовахъ къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утешаху душу ея. Извещавахъ бо ей, яко подобаетъ мнѣ первѣе окончати школьное ученіе, яко да не буду крайній невежда, не могій къ народу Хрістіанскому и единого проглаголати слова, но да буду не точію во священстве, но и во ученіи, слико мощно будетъ мнѣ, прадѣда и дѣда, отца же и брата моего наследникъ, иже бывше учени въ проповеди слова Божія труждахуся. Таже, по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолитъ, то удостоитъ и мене, аще и недостойнаго, якоже степени ихъ, тако и труда въ проповеди ученія Хрістова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышавши отъ мене мати моя, не малу пріемляше въ души своей отъ печали оныя отраду, надеяшеся бо, яко по времени исполнится ея желаніе.

Пришедшу же времени ученія школьнаго, начахомъ съ предреченнымъ другомъ моимъ Димітріємъ подобающее ко отъзду въ Кіевъ творити уготовленіе, по поверхнему убо образу, акибы ученія ради, самою же вещію, исполненія ради намеренія нашего, и сгда вся уже готова бяху и хотяхомъ отъездити Божіими несповедимыми судьбами, впадохъ въ недугъ трясавичный, и отнюдъ не возмогохъ, аще и вседушне жelahъ, вкуіѣ со другомъ моимъ отъехать. Сотворихомъ убо съ нимъ таковъ съ

великимъ утверждениемъ совѣтъ, яко да онъ прежде мене отъѣхавъ и приѣхавъ¹ въ Кіевъ, всеирлѣжно произыщеть образа, како бы намъ возможно было изъ отечества нашего изыти, яко да приѣхавшу и мнѣ, готовъ нашъ исходъ безъ всякаго закоснѣнія будетъ. Моего же приѣзда, аще бы и случилось мало что недуга ради укоснети, вснадеждне да ожидаетъ, ничтоже о недуге моемъ усумневаяся, но всю надежду о оздравленіи моемъ со мною на всемогущаго Бога да иматъ. Вспять же, въ Полтаву, малаго ради моего закоснѣнія, никакоже да возвращается, но вснадеждне, якоже рѣхъ, и всерадостне, моего къ себѣ приѣзда да ожидаетъ. По сему убо совѣту нашему другъ мой отъѣде въ Кіевъ, азъ же остахъ въ дому несумненно надеся на него, яко совѣтъ нашъ произведеть въ дѣло. Таже Божиимъ милосердіемъ въ малѣхъ днехъ получивъ здравіе и приуготовився, якоже подобаетъ, отъѣхаль есмь въ Кіевъ и азъ, провождающей мене матери моей даже до града Решетиловки, отстоящаго отъ града нашего Полтавы тридесять верстъ, пренощеваше² же тамо, отъѣхоль есмь въ путь мой и еще мало проводившей мене матери моей; таже остановихомся мало на единомъ мѣстѣ. И начать мати моя, аки бы уведевшая, яко уже отхожду отъ нея невозвратнымъ отхожденіемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременней мене не узреть, со многими слезами глаголати ко мнѣ, прося мене и моля, и всяцѣмъ образомъ увещавая не оставити ся, но пребывать во ученіи школнѣмъ до подобающаго времени. На всякое же лѣто присзидити къ ней по обычаю, да поне на малое время виденіемъ мене иматъ отраду въ души своей. Такоже и азъ, видя ея таковыя неутешимыя слезы и известно вѣдая, яко уже болѣе ея въ жизни сей не имамъ узрети, отъ естествен-

¹ Слова «и приѣхавъ» надписаны другим почерком.

² Вероятно, описка. Надо: пренощевавше.

ныя моя къ ней любве плакахъ и рыдахъ и припадая къ ногамъ ея, просяхъ матерняго ея прощенія и последняго благословенія, частъ со слезами лобызая святую ея десницу и утешая ю, аще и смотрителне по предреченному наставленію духовника моего благопріятными ей словесы. И тако, получивъ на путь матернія ея молитвы и благословеніе, разыдохомся: она убо отъѣде въ домъ свой, плача купно же и утеша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ моихъ о моемъ къ ней повиновеніи; азъ же отъѣхаль есмь въ путь мой, аще и зѣло сожалея о матери моей, помышляя будущю неудобстерпимую печаль и скорбь души ея о моемъ невозвратномъ уже отъ нея отшествіи, обаче и радуся и прославляя Бога, несумненную на Него надежду имѣя, яко благодатію Своею сподобить мене намереніе мое самимъ дѣломъ исполнити. Съ таковымъ убо веселіемъ душевнымъ едущу мнѣ путемъ моимъ, се, паче всякаго чаянія, узрѣхъ друга моего съ некими людьми на возахъ ихъ съ Кіева вспять возвращающагося и зѣло ужасохся душею о вещи нечаянной, такожде и онъ, увидѣвъ мене, весма устыдеса, и поздравихомъ другъ друга по обычаю, остановившимся же мало людемъ тѣмъ. Поемъ его особъ, начахъ съ великимъ сожаленіемъ истязовати его, почто тако сотворилъ есть, и совѣтъ нашъ съ толь превеликимъ утвержденіемъ соделанный, почто тако пресудобно безъ всякія вины разорилъ есть. Онъ же, аще и съ не малымъ стыденіемъ, начать извинятися, глаголя ко мнѣ: «Яко егда, — рече, — по совѣту нашему приѣхаль есмь въ Кіевъ, оставивъ тебе въ дому болна, и пребывъ тамо несколько дней недомеяхъ, что творити: начинати ли усовѣтованное нами дѣло или ни, и тако возмалодушествовавъ и помысливъ, яко ты негли и многое время пребудеши въ недуге томъ и не возможеши вскорѣ приехати въ Кіевъ ко мнѣ, умыслихъ возвратитися во градъ нашъ, ово да увижду тебе, како обретаешися, и аще обрящу тебе еще болна, то

ожидаю здравія твоего. Аще ли же здрава, то вкупѣ уже съ тобою да отъѣду въ Кіевъ. Ово же да увижду и еще единою превозлюбленную мою мать. И увидѣвъ хрістолюбцевъ сихъ, возвращающихся во градъ нашъ, умолихъ ихъ и мене взяти съ собою. И се есть вина моего въ домъ мой возвращенія». Азъ же рѣхъ къ нему: «Подобае ти, превозлюбленный друже, долготерпеливне¹ ожидать моего къ тебѣ приѣзда, се бо по малѣхъ днехъ приѣхалъ быхъ къ тебѣ, но понеже возмалодушествовъ², мене ради наипаче возвращаешися, и номощію Божією обрѣлъ мя еси на пути ѣдуща къ тебѣ, то убо, оставивъ другую вину въ домъ твой возвращенія, яко отнюдъ не нуждну, еже и еще единою увидѣти мать твою, забравъ вещи твоя, яже имаша на возахъ, сѣдай въ возъ мой, зане пространенъ есть и зѣло преудобне можетъ вместити насъ обоихъ и тако со всякою радостію отъѣдемъ въ путь нашъ, и уже Богу споспешествующе, безъ всякаго препятствія исполнимъ намереніе наше». Онъ же, паче чаянія моего, таковъ мнѣ даде отвѣтъ: «Понеже толь уже близъ града нашего обретаюся, убо не возвращай ми, молю тя, въ домъ мой отъѣхавъ, увидѣти мать мою и сподобитися отъ нея последняго уже на путь сей матерняго благословенія, еже получивъ, абіе безъ всякаго закосненія приѣду къ тебѣ, уповаю же, яко и на пути тебѣ еще сущу, постигну тя». Азъ сіе отъ него паче надежды моея услышавъ, ужасохся душею моею, помышляя, коль силна есть любви родителей и міра сего, яко и толь долговременную ревность и раздѣженное къ монашеству желаніе возможно въ превозлюбленномъ моемъ друзѣ въ конецъ угасити. И начахъ молити сего прилежно послушати мене, еже не отъездити къ матери своей,

¹ В рукописи «многотерпеливне», но буквы «мно» зачеркнуты и надписано (другим почерком) «долготерпеливне».

² Так в рукописи.

но со мною въ путь нашъ поехати, егда увидѣхъ его, яко отнюдъ не восхоте мене о семъ послушати. Начахъ съ болѣзнію души моея глаголати къ нему: «О, превозлюбленный друже, се, якоже вижду, отъ невниманія твоего угасе въ души твоей ревность Божія къ толь треблаженному и святому монашескому образу. Попеже матеръ твою и міръ сей возлюбилъ еси, наче Хріста истиннаго Бога нашего, міръ убо сей свяжетъ тя переншными узами, яко и раскаявшуся тебѣ по времени и восхотевшу изъ него изыти не будетъ возможно, зане и никомуже ты понуждающе, самонзволеніе поймеша жену и оплетиши о ней и о дѣтхъ твоихъ мірскими попеченіи и въ міръ житіе твое скончаши не сподобився монашескаго образа».

Опъ же на сія рече ко мнѣ: «И кто мя возможетъ удержати въ мірѣ, имущу намереніе неприменное къ монашеству, міръ ли сей, или любы, яже къ нему якоже глаголеши, или къ матери моей, да не будетъ. Зане удобнѣе претерпелъ быхъ и смерть, нежели изволилъ быхъ повинутися возбранити мя хотящимъ отъ монашескаго образа, но и возбраняющаго къ сему не имамъ, якоже и самъ вѣси, никогоже. Еще же и медлети въ мірѣ нѣсть ми нужды нѣднїя, да коснѣніемъ моимъ въ немъ возможетъ мя въ себѣ удержати. Но точію возьму благословеніе отъ матери моея, абіе къ тебѣ возвращаюся». Егда же увидѣхъ его въ неприменной воли своей и непослушаніи совѣта моего непреклонно стояща не имѣя уже болѣе о семъ въ немъ¹ надежды, яко да повинувся мнѣ, отъѣдетъ вкупѣ со мною. Таковое къ нему последнее слово изрекохъ: «О, превозлюбленный мой друже, да будетъ и тако, якоже глаголаеши еси, яко никтоже ты возможетъ удержати въ мірѣ, но безъ всякаго законенія возвратиши ко мнѣ. Азъ же тебѣ, якоже

¹ Слово «внемъ» написано на полях (другим почерком).

прежде, тако и нынѣ глаголю, яко и никомуже ты понуждающе, любы сія тайная къ міру, юже имаша безъ познанія въ души твоей, та тебе удержитъ въ мірѣ неисходна даже до смерти твоея. И вѣру ми ими, яко уже болѣе до послѣдняго издыханія твоего въ жизни сей не узриши мене никогдаже. Азъ же отнюдъ болѣе уже не ожидая тебе пойду въ путь мой идѣже мя Христосъ Господь Спаситель мой наставитъ». И тако, целовавши другъ друга послѣднимъ уже целованіемъ и попростившеся, разоидохомся. Онъ убо отѣде въ домъ свой, азъ же путемъ моимъ идый печаловахъ до зѣла и сетовахъ о лишеніи любимаго друга моего, сгоже презавидливый міръ сей разлучилъ есть отъ мене. Приѣхавъ же въ Кіевъ, отпустихъ вспять съ возомъ къ матери моей привезшаго мя, написавъ къ ней, яко Божіею помощію и ея матерними молитвами благополучно приѣхалъ есмь въ Кіевъ. Таже прилежно начахъ помышляти, что сотворю и гдѣ пойду. И прииде ми помыслъ пойти въ Богохранимый градъ Черниговъ, къ духовному моему по Бозѣ наставнику предреченному отцу Пахомію Іеросхимонаху: тамо бо тогда съ преосвященнейшимъ Кврѣ Антоніемъ Митрополитомъ пребываше, да отъ него совѣтъ душеспасительный прииму, гдѣ пойти идѣже быхъ могль удобнѣ намереніе мое исполнити. Наченъ убо о семъ прилежное попеченіе имѣти, обретохъ единаго изъ школъ, сына священника некоего изъ Новгородка Северскаго, имевшаго намереніе возвратитися ко отцу своему въ Новгородокъ Сѣверскій чрезъ Черниговъ. Наняше убо единаго стараго человека, да отвезетъ насъ въ Черниговъ водою. И купивше потребная на путь, всѣдше въ ладію его. И призвавши Бога на помощь, отпустихомся отъ берега, и пресхавши рѣку Днѣпръ, внидохомъ въ рѣку Десну надъ нею же стоитъ Черниговъ. И плывахомъ рѣкою оною въ гору и едва съ великимъ трудомъ чрезъ

десять дней приплыхомъ къ невеликому граду, нарицаемому Остеръ. И кто можетъ изрещи нужду нашу пачеже мою, юже претерпехъ въ пути семъ. Первое, отъ хлада: быше бо мѣсяць Октоврѣй и зѣло тогда холодно быше, бывшии убо со мною имяху доволну одежду и не быше имъ толикія нужды, азъ же вся оставивъ въ Кіевѣ, едва что взяхъ изъ одежды, трясахя убо всегда отъ хлада, паче же, егда дождь идяше со снѣгомъ и всего мене омокаше, аще же въ нощи, извлекаше ладію далече отъ берега, и великій возгнѣхъ огонь, зѣло бо всюду множество быше дровъ, мало и согревахся, но и то не совершенно. Грѣяся бо отъ единыя страны, другая отъ хлада померзаше, и тако всю нощь обращаяся ко огню, едва мало можяхъ уснути. Спутницы же мои, имуще одежды доволно, спяху съ покоемъ. Второе, труда ради, въ гору бо воды ладією плывуще непрестанна нужда быше веслами гребсти, спутницы убо мои несравненно сильни отъ мене суще, удобнѣе трудъ сей можаху носить; азъ же отъ естества немощенъ сый тѣломъ и отъ рожденія единого труда имѣвый, выше силы моея труждахся, яко отъ такового труда и все тѣло мое, паче же руцѣ и нозѣ мои, безмерне, аки отъ зѣла біенія, боляху. Третье, отъ безмернаго нападенія воней, еже самъ азъ точію страдахъ, спутниковъ моихъ Богу отъ сего покрывшу. По всемъ тѣлѣ бо моему подъ одеждою множество безчисленное воней имѣхъ, и всякія нощи, егда крѣпцѣ спутницы мои спяху, струшовахъ одежду мою надъ огнемъ, и тако отъ нихъ свободяся на мало время покой отъ нихъ обретахъ. Четвертое, еже и болшее всѣхъ, страха ради потопленія, ладія бо та, въ ней же плывахомъ, толь мала быше, яко едва можаше тріехъ насъ сдержати, на три точію или чегыри персты верху воды плывущи. Егда же бываше волненіе на рѣцѣ, то множицею вливалася въ ню и вода, юже прилежно выливающе изъ ладіи, тако

приобретахомъ себѣ спасеніе отъ потопленія. Единою же случися посреде рѣки възъехати на мелину, на нейже мало не опровержеса со всѣмъ ладія наша, намъ же выскочившимъ въ воду на мелину ту до колѣнъ во одеждѣ и ставшимъ на пѣсѣ, держаще ладію нашу, выливахомъ изъ нея воду. Песокъ же онъ отъ быстротеченія речнаго выривашеся изъ подъ ногъ нашихъ и пореваше насъ въ низъ рѣки. Егда посмотрехомъ внизъ¹ рѣки, абіе мало нижае насъ узрѣхомъ превеликую глубину рѣчную, къ нейже за непостоянство песка приближахомся. И великъ страхъ и трепеть нападе на насъ, яко абіе пожретъ насъ глубина водная, и отъ великаго страха мало изъ ума не изступихомъ, Богу же благодатию Своею призревшу на ны, мало дерзновеніе воспріемише, возопихомъ къ другъ другу, въ гору рѣки поступити по мѣлинѣ той. И тако, съ великимъ трудомъ быстрины ради рѣчныя, егда² возмогохомъ отступити въ гору отъ пропастей оныхъ, влекуще горѣ и ладію съ собою, изъ неяже выливише воду, егда возмогохомъ всѣсти въ ню. И тако милостию Божіею спасохомся отъ потопленія. Приближающимся же намъ къ предреченному граду Остру, стоя на брезѣ единъ хрістолюбецъ именемъ и прозваніемъ Данило Шатило, зряше на ны, како ладія съ нами мало не погружашеся. Изшедшимъ же намъ наземлю, начатъ глаголати къ человеку, съ нимже отъ ладіи изыдохомъ: «Како ты, человече, Бога не убоявся, поднялся еси юношъ сихъ тако малою ладіею въ толь далекій путь по таковой великой рѣцѣ везти? Ты бо старъ уже сый и поживъ многа лѣта въ мірѣ семъ нерадиши о смерти твоей, сихъ же юношъ молодыхъ еще сущихъ, не грѣхъ ли тебѣ безвременной потопленіемъ въ водѣ предати смер-

¹ Слово «внизъ» надписано (другим почерком) над зачеркнутым словом «близъ».

² Вероятно, описка. Надо: едва.

ти? За сіе не точію нѣси достоинъ за трудъ твой мзды, но по правосудію достоинъ еси жестокаго наказанія, яко губитель жизни человеческія». Таковая и подобная симъ рекъ къ нему словеса, введе насъ въ домъ свой близъ рѣки стоящій и упокои насъ всякимъ упокоеніемъ неколико дней. Мы убо человеку оному спутникъ мой поль найма точію, яко за поль пути, азъ же, отай его, цѣль наемъ, яко да не скорбитъ, давше, отпустихомъ съ миромъ. Хрістолюбець же онъ обрѣтъ нѣкихъ великихъ дубовъ¹ ѣдущихъ въ Черниговъ, давъ за ны насмъ, умоли ихъ взяти насъ съ собою, иже со всякою радостію пріѣша насъ. Поблагодаривше убо хрістолюбцу оному за его къ намъ милосердіе, вседохома въ дубъ онъ и отпыхомъ ко граду Чернигову съ великимъ упокоеніемъ. Везуци бо насъ, хрістолюбиви суще, не искаху отъ насъ ниединія помощи, пицу намъ и всякъ покой подающе, но и въ семъ пути мало не случися намъ внезапная смерть: единою бо плывущимъ намъ подъ высокимъ берегомъ ощутивше везуци насъ, яко хочеть отвалитися на дубъ нашъ великая часть земли, скоро потщашася въ гору погнати дубъ, и яко точію преидоша мѣсто оно, абіе отвалися земля въ воду и премалою частію удари по кормѣ и мало не превратися дубъ нашъ, и зѣло вси ужасшеся, прославихомъ Бога, спасшаго насъ отъ смерти, и оттоле уже не дерзаху близъ таковыхъ береговъ ехати. По малѣхъ же днехъ приставше къ Чернигову, изыдохомъ на берегъ поблагодаривше хрістолюбцемъ онѣмъ. Такожде и со спутникомъ моимъ попростившеся разыдохомся. Онъ убо отъиде въ путь свой, азъ же, вшедь въ градъ, внидохъ во святую епископію и обрѣтъ духовнаго моего наставника и отца, Іеросхимонаха Пахоміа, зѣло возрадовахся душею целовавъ святую его десницу, иже приведъ мя въ келлію свою препокоеи неколико дней. Об-

¹ Дубъ — долбленая лодка.

рѣтъ же азъ приличное время, прилежне молихъ его подати мнѣ наставленіе, гдѣ быхъ возмоглъ удобнѣе прсѣти за предѣлъ въ странничество, идѣже сподобился быхъ святаго монашескаго образа. Онъ же, преклонился на мое моленіе, таковъ мнѣ преподаде совѣтъ, глаголя ко мнѣ: «Аще хочещи, брате, отъ всего усердія твоего изыти изъ отечества нашего за предѣлъ въ странничество удобншаго ради полученія монашества, то нойди во святыи монастырь Любецкій не далече отстоящій отъ града Любеча, отечества пресподобнаго отца нашего Антонія Печерскаго, въ немже обрящещи всечестнаго Іеросхимонаха отца Іоакима. Иже, не разумея силы словесъ евангелскихъ: "Аще соблажняетъ тя рука твоя, отсецы ю"¹, акибы храненія ради чистоты, по мнимой ревности, лѣвыя руки своея отсѣче чѣтыри персты, той тебе имать наставити о семъ, зѣло бо есть искусень. Еще же и монастырь той обрѣтается надъ Днѣпромъ на самихъ предѣлѣхъ и удобно будетъ тебѣ отгуду намереніе твое исполнити: пожди убо до днѣ, вонъже торгъ собирается, и обрѣтъ тогда человека, имущаго тя отвезти къ Любечу, возвести ми». Азъ же, по заповеди его, во время торга изшедъ, едва обретохъ единаго человека изъ некоего села, сже бѣше на половине пути онаго и наняхъ его отвезти мя до онаго села въ домъ свой. И шедъ возвестихъ о семъ его святыни. Онъ же, сожалевъ о мнѣ, яко не возмогохъ найти человека изъ самаго града Любеча, иже бы отвезлъ мене тамо съ собою, обаче благодушествовати о семъ повеле, рекъ ко мнѣ: «Не скорби о семъ, брате, силенъ бо есть Господь безбедно тебе довести до святаго монастыря онаго». Азъ же, припадъ къ ногамъ его и последнее отъ него благословеніе вземъ, отгидохъ въ путь мой съ человекомъ онѣмъ, иже привезъ мене въ домъ свой, упокои. Во утріе же прилежно молихъ его отвезти

¹ В рукописи приписано на полях (другим почерком): Мк. 9, 43.

мене въ предреченный монастырь, бояся самъ ити въ таковой путь, но отнюдѣ не возмогохъ его о семъ умолити. На единого убо Бога возложивъ надежду, яхся пути онаго со многимъ страхомъ, бяше бо путь онъ сквозѣ великія лѣсы, и зѣло бояхся звѣрей, но Богу покрывающу мя безбедно прендохъ путь той. И изшедъ на чистое поле, узрѣхъ издаличе градъ Любечъ и монастырь, яко за три версты отстоящій отъ града, и зѣло возрадовахся душею. Приближающуся же мнѣ къ монастырю, узрѣхъ отъ самаго града рогатки¹ поставлены даже до Днепра рѣки, и стражу стоящу, за неюже бяше монастырь. И объемшу мя страху, недоумѣяхъ, что творити: не имѣяхъ бо ни единого о мнѣ, кто есмь и откуда писменнаго свидѣтельства, и бояхся, да не како отъ стражи удержанъ буду. Моляхся убо отъ всея души Богу, да имиже вѣсть судьбами покрыетъ мя отъ такового искушенія, и помалу идяхъ ко стражи. И се, промысломъ Божиимъ наче надежды моея, узрѣхъ единого честнаго монаха изъ града идуща къ монастырю по другой странѣ рогатокъ, иже пришедъ близъ стражи, ста, взирая на мене. Егдаже приближихся къ стражи, вопросиша мене стрегущіи: «Откуда еси?» Онъ же, абіе, прежде мене къ нимъ отвеща, аки со удивленіемъ: «Что вопрошаете его откуда есть, еда ли не вѣсте, яко послушникъ есть монастырскій и се нынѣ отъ послушанія возвращается въ монастырь». Они же слышаще сіе, оставиша мя свободно пройти. Пришедъ же къ честному оному монаху, поклонихся ему и уразумевъ, яко есть Іеромонахъ, целовахъ святую его десницу и благодарихъ ему за таковую его любовь, и прославихъ неизследный промыслъ Божій, покрывшій мя отъ такового искушенія. Честный же той Іеромонахъ, именемъ Аркадій, поемъ мя съ собою, введе во святую обитель ону, таже и въ келлію свою до пришествія Игу-

¹ Рогатка, рогатки — пограничный пост.

менова, зане отшелъ бѣ нѣгдѣ потреби ради монастирскія. Введъ же мя въ келлію, беседоваше ко мнѣ словеса душеполезная даже до пришествія Игуменова, и желаше, аще бы воля Игуменова была и при келліи своей мене имѣти, такожде и азъ, видя его мужа духовна и благо-разумна и страха Божія исполненна, желалъ, аще бы возможно было, жити при немъ, душевнаго ради наставленія. Пришедшу же во обитель отцу Игумену, показа ми его изъ келліи чрезъ окно, глаголя ко мнѣ: «Се, отецъ Игумень нашъ стоитъ посреде монастыря. Посмотри, брате, тако ли и у васъ въ Кіевѣ Игумени ходять?» Посмотревъ же его, увидѣхъ украшена сединами въ толстой черной свитѣ стояща, и удивихся зѣло смиренію его, яко, Игумень сый, такову нищетну одежду носить: зане от рожденія моего не случися мнѣ видѣти инѣхъ Игуменовъ, тако нищетне облеченныхъ. Таже, предреченный отецъ облекся въ расу и поемъ мене, приведе ко отцу Игумену, падъ же азъ на нозѣ его, прошахъ благословенія. Онъ же, благословивъ мя по обычаю, вопрошаше мя глаголя: «Откуда еси, брате, и кое тебѣ имя, и чесого ради пришелъ еси во обитель нашу?» Азъ же отвещахъ къ нему, яко есмь отъ Кіевскія страны, и приидохъ во святую обитель сію на послушаніе, имя же ми есть Петръ. Онъ же, слышавъ сіе, зѣло возрадовася, и рече ко мнѣ: «Благодарю премилосерднаго Бога, яко посла тебе къ намъ на послушаніе. Се бо имеехомъ доселе единого послушника, полатное послушаніе¹ проходяща, именемъ Петра, иже прежде двоихъ дней отъиде уже отъ обители; тебѣ убо, тожде имя имущему, сіе послушаніе вручаю». Честный же онъ Іеромонахъ слышавъ сіе, удивися и рече ко Игумену: «Отче святой, се братъ сей нынѣ прииде во обитель и отнюдѣ не вѣсть обычая

¹ Полатное послушание — келарское послушание, заведование складом.

монастирскаго. Аще убо благоволиши, то да пребудеть при моей келліи, поне до времени дондеже поне мало распознаеть послушанія монастырская, имѣя нѣкое наставленіе отъ мене, и тогда, якое восхощеши, определиши ему послушаніе». Онъ же отвеща къ нему: «Аще быхомъ имели, брате, послушника некоего угодна на сіе послушаніе, то съ радостію исполнилъ быхъ твое прошеніе. А понеже, якоже и самъ видиши, не имамы такового, то убо сего брата, аще и нынѣ пришедшаго, по необходимой нуждѣ, на сіе послушаніе определяю». Честный же онъ Іеромонахъ слышавъ сіе поклонися и отъиде въ келлію свою. Игумень же, повелевъ отворити полату, введе мя въ ню и показа ми вся, яже въ ней, и весь чинъ послушанія сего, по коей мѣрѣ должно выдавати изъ нея поварямъ потребная на трапезу братіи, и гдѣлибо подобаніе, сирѣчь, вариво, рыбу, олѣю, муку, крупы, и прочая. И даде ми и ключи отъ нея. Азъ же, припадъ къ ногамъ его, взяхъ отъ него благословеніе. Повеле же ми и въ келліи жити не далече отъ себе, идѣже въ коморце ея живяше пречестный отецъ предреченный Іеросхимонахъ Іоакимъ, азъ же съ единымъ старымъ монахомъ и единымъ послушникомъ въ великой келліи пребывахъ. Проходяхъ убо послушаніе сіе со усердіемъ, аще и отнюдъ превыше силы моея быше. На всякъ бо день многажды не единократно и многократно сънимахъ съ варива претяжкое каменіе, имже то нагнеташеся, и возлагахъ на не, поднимая то чрезъ силу мою съ превеликимъ трудомъ. И отъ сего наначе и тое мое малое здравіе, еже имѣхъ, зѣло повредихъ. Сказать же о семъ отцу Игумену отнюдъ не дерзахъ, но сико можахъ претерпевахъ трудъ сей со благодареніемъ, моляся Господеву укрепити мя. Проходя же сіе послушаніе въ мірской оной одеждѣ, въ нейже во обитель внидохъ, зѣло жelahъ черныя одежды, и едва возмогохъ стяжати

расу¹ съ чернаго простаго² сукна, въ нюже облекася не вѣдяхъ, что творити отъ неизреченныя радости. По времени же, преставлшуся ко Господу старому оному монаху, иже пребываше со мною, остася по немъ сподняя едина одежда изъ сераго сукна толстая, юже призвавъ мя Игумень даде ми глаголя: «Аще угодна тебѣ есть сія одежда, то носи ю». Азъ же, поклонився ему, взяхъ отъ него благословеніе и пришедъ въ келлію свою, совлекохся и споднія моя мірскія одежды, и облекохся въ сію данную мнѣ отъ Игумена съ толь великою радостію, яко многократне и целовахъ ю, аки вещь нѣкую святу, и ношахъ ю всегда, дондеже содрася на мнѣ. Благодаря Богови, яко вмѣсто мірскія одежды юже дотолѣ ношахъ, сподоби мя одежды монастырю приличныя, въ ней же ходя, съ радостію прохождахъ определенное мнѣ послушаніе. Во время утрени начиная то и поздѣ въ вечеръ скончавая. Въ нощи же, въ келліи пребывающу ми, зваше мя некогда на чтеніе правила своего келейнаго предреченный честный Іеросхимонахъ Іоакимъ, егоже ради наипаче во обитель оцу и придохъ, да прииму отъ него совѣтъ и наставленіе о намереніи моемъ, но отнюдъ не посмехъ ему о томъ объявити, аще на сіе и время угодное обретахъ, но точію о томъ на единого Бога возлагахъ всю мою надежду. По некоемъ же времени определи его Игумень на житіе во единъ скитъ монастырскій преподобнаго отца нашего Онуфрія великаго, яко пять верстъ отъ монастыря отстоящій, комнату же ту, въ нейже онъ живяше, мнѣ даде. Единою же, призвавъ мя, даде мнѣ книгу, преподобнаго отца нашего Іоанна Лествичника расположенную на семьдесятъ поученій, глаголя ко мнѣ: «Возми, брате, книгу сію и прилежно со вниманіемъ чти ю, и наставляйся на святое послушаніе, и на

¹ То есть: рясу.

² Слово «простаго» надписано другим почерком.

всякое дѣло благое, зане зѣло душеполезна есть». Азъ же, по обычаю поклонився ему до земли, и целовахъ святую его десницу, взяхъ отъ рукъ его книгу ону съ не-исповедимую радостію, удивляясь о любви его¹, яже по Богу ко мнѣ, и о таковомъ его о пользѣ души моея отечествіемъ попеченіи, и отыдохъ въ келлію мою. Егда же прочтохъ отъ нея малу часть, толь усладися душа моя отъ словесъ Богоноснаго сего отца благодати Духа Пресвятаго исполненныхъ, яко помышляя мое во обители онѣй до времени некоего точію пребываніе, и яко изшедшу ми отъ нея негли не обрящу на иномъ мѣстѣ таковыя книги, умыслихъ имѣя въ нощи безмолвіе, всегдашнія ради пользы души моея переписать ону. Не имѣя же свѣщъ, зане во обители онѣй мало не вси братія лучиною свѣтятъ. Запала я и азъ лучину, яже долгою баше единаго сажня, и втыкая въ расщелину стѣны, Бога призвавъ на помощь, начахъ переписовати ону съ великимъ неудобствомъ дыма ради: не имѣя бо нигдѣ же прохода, низпускашеся въ низъ и наполняше келлію мою, егда же сходяше и ниже главы моея, отнюдъ не можахъ болѣе писати, но отверзахъ окно коморки той, и вхождахъ въ велику келлію и ждахъ, дондеже поднимашеся дымъ въ гору, и вшедъ въ коморку, затворяхъ окно и писахъ дондеже и паки наполняшеся дыма, и тако на всяку ноць творя, не малое неудобство къ дѣлу сему имѣхъ. Послежде же, стяжавъ кандило и вливая въ не олѣю, писахъ при немъ мало удобнѣе, и до изшествія моего изъ обители оныя переписахъ мало болшую часть книги оныя.

Въ начале пришествія² моего во обитель ону, проходя опредѣленное мнѣ полатное послушаніе, до нѣкоего времени миръ глубоко имѣяхъ въ души моей, дондеже можахъ по совѣсти хранить заповѣдь мнѣ преданную

¹ Слово «его» написано другимъ почеркомъ.

² В рукописи: пришествія.

отъ Игумена, выдавая по мѣрѣ определенной отъ него, и поварямъ за трапезу братій потребная, и гдѣ мнѣ повелено быше, сирѣчь, на дворцы монастирскія и на вся мѣста, изъ нихже на всяку седмицу приходяще въ монастирь, отбирахъ съ полати вся потребная. Егда же познаша братія обычай мой снисходительный и къ прошенію ихъ удобопреклонный, начаша мало не вси, не точію монаси, но и Иеромонаси и Иеродіакони приходяще ко мнѣ просити, паче же на вечерю себѣ, чesого кто желаше, муки пшеничныя, пшена, круповъ, олѣи, и прочихъ потребностей. Азъ же о братіи не имѣя отъ Игумена ниединаго определенія, давати ли тѣмъ, егда кто отъ нихъ чesого попроситъ, или не давати. Вопросити убо его о семъ не смѣяхъ, бояся, да не како крѣпко мнѣ повелитъ безъ благословенія его отнюдъ никомуже что давати, азъ же не могій безъ преступленія сохранить заповѣдь его подъяду подъ неблагословеніе его и горше согрешу предъ Богомъ. Давати же что братіямъ безъ ведома его и благословенія совѣсть моя не попускаше, но обаче, видя толь честныхъ отецъ святыхъ и братій ко мнѣ недостойному и всѣхъ во обители онѣй последнейшему съ толикимъ смиреніемъ приходящихъ и потребныхъ себѣ на вечерю или и на ину нѣкую нужду свою просящихъ, стыдяхся и на лица святая ихъ воззрети, преступая совѣсть мою, давахъ имъ потребная по прошенію ихъ, не смѣяхъ никомуже отъ нихъ отрести и не дати. Такожде и повари, егда отбираху потребная на вареніе пици за трапезу братій, убеждаху мя и не хотяща удвое всѣхъ потребностей, сирѣчь, масла, рыбы, олѣи, круповъ, и прочихъ, тѣмъ выдавати, глаголюще, яко да будетъ лучшая трапеза за братію. Азъ же¹, убѣждаемъ бывая отъ нихъ, и явную заповѣдь о семъ Игуменову и не хотя преступахъ, и выдавахъ тѣмъ вся потребная удвое или и болѣе, и

¹ Слово «же» надписано другим почерком.

трапеза убо лучшая и слаждшая представляшеся предъ братію. И братія вси о мнѣ зѣло благодарни бываху и любяху мя, яко во время нужды ихъ исполняшеся прошеніе ихъ, и нѣдѣи отъ нихъ глаголаху ко мнѣ, яко акибы за мое къ нимъ въ нуждахъ ихъ призреніе и прошеній ихъ исполненіе, болшее и въ полоте промысломъ Божиимъ всѣхъ потребныхъ стало изобиліе. Азъ же, о всемъ семъ притворне убо срадовахся съ ними, въ души же моей не имѣхъ мира, якоже прежде, но совѣсть моя за преступленіе заповеди Игуменовы и за подаваніе оно безъ благословенія его, частъ мя обличаше, и донеле же тамо пребывахъ, тако прохождахъ на осужденіе души моей послушаніе оно.

О единомъ точію зѣло радовашеся душа моя, яко пребывая тамо, зѣло пользовался душою, видя крайнее и великое смиреніе преподобнейшаго и святаго отца онаго Игумена Нікифора, пріємнаго мя во святую ону обитель. Имѣя бо обычай звати къ себѣ на вечерю единого изъ честныхъ отецъ обители тоя, многократне зваше и мене на вечерю, сгда убо вхождахъ въ келлію его и видяхъ его съ нѣкимъ честнымъ отцемъ на трапезе сидяща, не точію не смѣяхъ на трапезе съ ними сѣсти, но ни на лица ихъ, помышляя свое недостойнство, воззрети. Повелеваемъ же со убежденіемъ, аще и съ великимъ стыденіемъ, сѣдахъ съ ними на трапезе и ядахъ. Трапеза же его бѣше едино точію вареніе или¹ каша съ круповъ гречаныхъ, или ино подобно ей, питіе же квасъ кисличный или грушевый, иже и на трапезе братіи представляшеся, иного бо питія во обители онѣй, сирѣчь, меду или пива, кромѣ горелки, яже во уставленныя точію дни братіи подавашеся, не видѣхъ. По востаніи же отъ трапезы и благодареніи отпускаяше мя съ благословеніемъ въ келлію мою. Повелеваше ми многократне и чтеніе

¹ Слово «или» надписано другим почерком.

чести въ трапезе, по повеленію убо его и чтяхъ. И егда случяхуся житія святыхъ зѣло умилителна, тогда чтущу ми та по произношенію, еможе въ школахъ изучихся, мнози отъ братій умиляхуся и плакаху и преставаху ясти. Нѣцыи же отъ нихъ воставаху и отъ трапезы, и окружающе мя, слушаху чтенія со умиленіемъ и слезами. Азъ же, видя ихъ таковую къ словесемъ душеполезнымъ ревность, радовахся душою и прославляхъ Бога. Пребывающе ми во обители онѣй паче всего радость велію въ души моей имѣхъ, видя, яко преподобнейшій отецъ Игумень, яко отецъ чадолюбивый управляше братію съ великою любовію, съ кротостію и смиреніемъ, съ терпѣніемъ и долготерпеніемъ. Аще бы случилось кому изъ братій, яко человеку въ чемъ и согрешити, и прошаше прощенія, абіе прощенія сподобляше, исправляя таковаго духомъ кротости, и наказуя словесы душеполезными, и канонъ¹ нѣкій опредѣляя по силѣ его. Сего ради и братія вси пребываху во глубочѣмъ мирѣ, благодаряще Богу. По прешествіи же яко тріехъ месяцевъ пребыванія моего тамо, определенъ бысть во обитель ту на Игуменство инъ Игумень отъ иныхъ обители по повеленію пресвященнейшаго Кврѣ Антоніа Митрополита Молдавскаго, иже въ Чернигови архіерействоваше; мужъ ученъ Германъ Загоровскій, иже приѣхавъ во обитель ону Любецкую, въ нейже пребывахъ управляше ю не по подобію прежняго предреченнаго Игумена, но властителски. Егоже устроеніе по времени распознавшіе братія, толь ужасошася, яко нѣцыи отъ нихъ страха ради и разбегошася отъ обители неведомо гдѣ. Азъ же, въ томъ же послушаніи пребывая, всегда бояхся, да не согрешу въ чемъ предъ нимъ, чesого и не избегахъ, во Великій бо постъ единою, призвавъ мя, повеле ми выдати поварямъ нѣкія капуста за свою трапезу. Азъ же, не внявъ, яко-

¹ Канонъ — правило, здесь в смысле епитимьи.

вую повеле мнѣ выдати капусту, изыдохъ изъ келліи его, и не смѣяхъ его о семъ вопросити, объявихъ поварямъ, они же, якову знаху лучшу быти, взявше, свариша за него. Егда же новаръ принесъ въ келлію его вареніе оно, постави предъ нимъ на трапезе, вопроси его: «Кая есть капуста она?» И уразумевъ отъ него, ничтоже рече ему. Но абіе, призвавъ мене въ келлію свою и воставъ отъ трапезы рече ко мнѣ: «Отъ сея ли капусты повелехъ тебѣ выдати за трапезу мою?» Сіе рекъ, толь крѣпко удари мя въ ланиту, яко едва возмогохъ удержатися на ногахъ, еще же и пхнувшу ему мене, падохъ чрезъ прагъ келліи его, егда же востахъ, крыкнулъ есмь на мене: «Вонъ иди, безделне». Азъ же, изшедъ вонъ, весь трепетахъ отъ страха, помышляя, аще за сіе, еже и не мняшеся мнѣ велико быти погрешеніе, толико на мя прогневался, то, аще случится мнѣ въ болшемъ чемъ предъ нимъ согрешити, что не постражду отъ него? Таже случися и служъ его, иже въ единой келліи со мною пребываше, въ нѣчемъ согрешити предъ нимъ. Гневаяся убо на обоихъ насъ, похваляшеся предъ некими прежестокимъ біеніемъ насъ наказати, иже по любви своей къ намъ объявиша намъ словеса его. Убояся убо о семъ и слуга его, яко вѣдый все его устроеніе, и начать помышляти, гдѣ бы моглъ отъйти отъ него, сказа же и мнѣ о семъ. Пріемъ же и азъ дерзновеніе, объявихъ ему духовне, яко имамъ намереніе изыти отгуду за предѣлъ¹ въ странничество проискати мѣсто угодное, идѣже быхъ сподобился монашескаго образа. Слышавъ же онъ сіе возрадовася зѣло. И начахомъ съ нимъ совѣтъ творити, како быхомъ возмогли изыти за предѣлъ, иже есть Днѣпръ, надъ нимъ же не далече на горѣ и обитель та Любецкая обретается. Обретшуся же удобству, наставшей уже шестой сед-

¹ В рукописи к этим словам сделана глосса, от которой из-за обреза листа уцелело лишь: ницу (вероятно, «за границу»).

мнѣ святого и Великаго поста, въ ноци, егда уснуша братія, помолившеся Богови, да поможетъ намъ безъ всякаго возбраненія безбедно перейти предѣль, изыдохомъ изъ обители и сндохомъ ко Днѣпру, надъ нимже всюду стражи бяху. Обретше убо мѣсто удобное между стражами пойдохомъ по Днѣпру съ великимъ страхомъ, боящеся, да не како оцутятъ стражіе и имутъ насъ: бѣ бо и ноць тогда просвѣщаема луною. Егда же удалихомся отъ береговъ, пріяхомъ мало дерзновеніе и идяхомъ съ благодушіемъ: бяше же и ледъ на Днѣпрѣ еще крѣпокъ. И тако, Богу помогающе, приидохомъ на другую страну Днѣпра безбедно, и неведяще, камо ити, еще бо ноць бяше, препочихомъ на некоемъ мѣстѣ. Егда же начатъ светати, обретше путь, пойдохомъ. И приидохомъ въ едино село, въ немже почивше мало у единого человека, укрепихомся пищею. Таже пойдохомъ путемъ внизъ ведущимъ до града Чернобеля чрезъ превеликія лѣсы и пощевахомъ въ селахъ, въ лѣсахъ тѣхъ, на пути ономъ обретающихся. Шедше же неколико дней, приидохомъ надъ Припять рѣку не малу, и надъ неюже¹ по оной странѣ стояше градъ оный. И не смѣяхомъ преходити чрезъ ню, ледъ бо уже бяше зѣло слабъ и некрѣпокъ. Таже приидоша надъ ню и еще нѣколико человекъ, иже дерзнуша преходити ю, приѣмше убо и мы дерзновеніе пойдохомъ за ними, обаче съ великимъ страхомъ и трепетомъ: на многихъ бо мѣстѣхъ растаялъ бѣ ледъ оный и зряшеся вода. Егда же приидохомъ на средину рѣки оныя, обретохомъ ледъ въ долготу по всей рѣцѣ разсѣдшійся на двое, на единъ лакоть, идѣже зряшеся глубина велика. И паче всѣхъ азъ тамо ужасохся, мня, яко или не возмогъ пропастъ ту преступити, или поползся, зане зѣло слизко бяше, пожреть буду глубиною оною, съ премногимъ убо страхомъ, аки видя смерть неизбежну предъ очима мо-

¹ В этом слове «же» дописано другим почерком.

има, едва возмогохъ преступити страшное мѣсто оно. И тако помощію Божіею, прешедше на другую страну рѣки оныя, седохомъ при брезѣ мало спочити. Сядыцымъ же намъ, начать по всей рѣцѣ онѣй ламатися ледъ съ великимъ звукомъ и превращатися, аки стѣны нѣкія плывуще внизъ и объять насъ страхъ и трепеть и со слезами прославихомъ неизследный о насъ промыслъ Божій, потерпевшій намъ прейти рѣку ону безбедно и не предавшій насъ внезапной смерти. Воставше же, внидохомъ во градъ онъ безъ всякаго препятствія, зане не быше огражденъ, и стражи не имевше. Идѣже въ дому некоего человека препочихомъ, бѣже тогда Суббота Лазарева, въ нѣже по полудни придохомъ тамо.

Во утрѣ же, прежде обѣда, идущымъ намъ во градъ томъ улицю, начать нѣкто идый создаи насъ звати мене по имени и по прозванію. Услышавъ же азъ, зѣло ужасохся душою, помышляя, что есть сіе, не бо имѣхъ тамо, яко единъ странень, коего знаема. Обозревся же, познахъ, яко зовущій мене согражданинъ мой есть, сынъ знатнаго гражданина съ Полтавы, иже приступль, приветствова мене словесы любовными, таже, поятъ ны въ домъ свой, идѣже пребываше, и пріять насъ съ любовію. И первѣе начать мнѣ поведати вину своего тамо до времени пребыванія. «Яко азъ, — рече, — посланъ есмь отъ господина Полковника Полтавскаго Васіліа Васіліевича Кочубея къ здешнему властелину съ писаніемъ молителнымъ и пенязми, изготовленія ради потребныхъ дровъ на строеніе, и дотолѣ будетъ мое здѣ пребываніе, доидеже порученную мнѣ службу исполню дѣломъ». Таже начать глаголати ко мнѣ. «Яко мати твоя, — рече, — плачетъ о тебѣ и рыдаетъ неутѣшно, яко оставилъ еси ю, отшедъ отъ нея безвѣстно. Единаго бо тебе точію имѣя наслѣдника, лишилася есть тебе, такожде и вси граждане сожальють съ нею о тебѣ». Таковая и многая сихъ

изрекъ ко мнѣ словеса, начать многоразличне мене увещавати возвратитися къ матери моеей. Азъ же, толикъ страхъ воспріяхъ въ души моеей, яко едва можахъ нѣкое слово къ нему отвещати. Помышляхъ бо, яко аще точію восхоцеть объявити о семъ властелину, то можетъ удержати мене насилно при себѣ и отослати къ матери моеей, или и съ собою по исполненіи службы своея возьмъ, отвезти въ домъ мой. По семъ же повеле представити трапезу, на ней же съ нимъ вкупѣ и со спутникомъ моимъ сѣдя, едва что можахъ ясти отъ великаго страха. По востаніи же отъ трапезы отпусти насъ съ любовію, моля мене, дондеже укусю во градѣ томъ, приходити къ нему часто. Идущымъ же намъ улицею, спутникъ мой уразумевъ отъ словесъ познавашаго мя, кто есмь и откуда, начать зѣло похваляти мене. Зане, егда еще пребывахомъ съ нимъ въ предреченней обители, не познавая мене, кто есмь и откуда, часто мнѣ повествоваше о себѣ, яко пребысть довольно время во градѣ моемъ въ Полтаве въ школѣ при Церкви нашей соборней Успенія Пресвятыя Богородицы, и яко совершенно знаяше мать мою и мене и сродниковъ моихъ; еже слышахъ азъ отъ него, зѣло хранихся, да не познаетъ мене. И сего ради пременилъ бѣхъ и бесѣду мою, беседовахъ бо отчасти по обычаю страны той, и отнюдъ не возможе познати мене, и зѣло о семъ радовахся, яко возмогохъ утѣтитися отъ него, имѣяхъ бо желаніе да никтоже увѣсть о мнѣ кто есмь.

Тогда же, познавъ мене совершенно, похваляше мене, яко спасенія ради души моея, оставивъ мать мою и наследіе отца моего, вдахся въ толикую нищету и странничество чернечества ради. Азъ же, увидѣвъ, яко и отъ него познанъ быхъ и толико похваляетъ мене, зѣло печаловахъ о семъ въ помысле моемъ и отнюдъ непріятна мнѣ явися похвала его. Паче же всего бояся зѣло, да не

како удержанъ буду отъ согражданина моего познавшаго мя, умыслихъ тогожде дне Цветоносныя Недели отити отъ града онаго. Пришедшымъ же намъ въ домъ, идѣже пребывахомъ, спутникъ убо мой отъиде нѣкія ради potreбы. Азъ же пойдохъ въ школу близъ единыя церкви искій спутника, иже бы насъ могъ повести съ собою на Украину. И се, по Божію смотренію, обретохъ единого монаха готова уже ити на Украину. Со многимъ убо усердіемъ умолихъ его взяти насъ съ собою, поведавъ ему и о спутницѣ моемъ. И отходя звати его, зѣло молихъ пождати мало и не отходити безъ насъ. Онъ же, обещася мало пождати насъ, дондеже придемъ къ нему скорѣе. Долго же ждати не можаше, зане прекланишеся уже день. Шедъ же азъ скорѣе въ домъ онъ, не обретохъ спутника моего. Пождавъ убо мало, егда увидѣхъ, яко не приходитъ, возложивъ о немъ попеченіе на промыслъ Божій, пойдохъ къ монаху оному, иже уже исхождаше въ путь и молихъ о друзѣ моемъ, да пождетъ еще мало и отнюдь не повинуся. И тако, съ великою жалостію, оставивъ друга моего тамо, изыдохъ съ монахомъ онѣмъ въ путь нашъ, не попустившу миѣ предреченному страху друга моего ради во градѣ ономъ оставатися. Пренощевавше же въ некоемъ селѣ, идяхомъ путемъ нашимъ чрезъ зѣло превеликія лѣсы неколико дней, дондеже начахомъ приближатися ко Украинѣ. Случися же ми на пути семъ, яко никогда же въ толь далекій путь ходившему, зѣло возболѣти лѣвой моею ноژѣ. И опухла бѣ нога моя плесна и глезна, яко отъ великія болезни едва можахъ пятою настуная, помалу ходити, частѣ спочивая сѣдя или лежа на земли. Еяже ради вины и спутнику моему, монаху оному, не мало стуженіе сотворися, иже видя мене зѣло косно ходяща, многократне хоташе мене и оставити. Но видя мое слезное моленіе, прекланишеся на милосердіе и не оставляше мене. Приходяще же въ

приключаются на пути села, спочивахомъ въ нихъ по два и по три дни, дондеже мало оттухаше нога моя и утишашеся болѣзнь. И егда изшедше отъ нихъ, идяхомъ, паки обновляшеся болѣзнь и онухаше нога моя. Таже, по доволнемъ времени, призревшу неизреченному милосердію Божію на мене недостойнаго, преста болѣзнь и оттухне совершенне нога моя и хождахъ прочее со удобствомъ. Пришедше же во единъ скитокъ надъ Днѣпромъ рѣкою нижеа Кіева стоящій, именуемый Ржищевъ, иже быше некогда подъ областію Кіевского Куріловскаго монастыря, моляхомъ тамошняго начальника, да благословить намъ предпочити мало. По благословенію же его пребывающу мнѣ тамо, впадохъ въ недугъ таковой, яко отнюдъ ниедина пища можаше держатися во утробе моей, но, чтолибо ядахъ, скоро блеваніемъ измстахъ изъ себе и чрезъ мѣсяць единъ или и болѣе въ таковое изнеможеніе и истаяніе тѣла приидохъ, яко аще на одрѣ и не лежахъ, но обаче отъ великія слабости едва можахъ ходити. Моляхся же Богови, да не попуститъ мнѣ тамо жизнь мою скончати, зѣло бо мира не имѣяхъ умерети на мѣстѣ онѣмъ. По Божію убо смотренію три монаси странніи тамо нѣкое время пребывшіи возымеша намереніе ити въ Молдавію. Еже увѣдѣвъ азъ, зѣло возрадовался и молихъ ихъ со усердіемъ взять и мене съ собою. Отъ всея бо души моя жelahъ въ сію благословенную землю пріити на житіе. Они же, видяще крайнюю слабость мою, отнюдъ не хотяху сего сотворити. Таже, на прилежное мое молснiе преклоншеся, общашася взять мене съ собою и не хотяще. Изпедъ же изъ скитка онаго съ ними, съ великимъ трудомъ на гору, идѣже зѣло превеликое равное поле быше и воздухъ зѣло благорастворенный, абіе начахъ ощущати облегченіе немощи моя и мало помалу укреплятися тѣломъ и ходити легчае и удобнѣе и от всея души моя благодареніе

о семь возсылахъ благости Божіей, не оставившей мя до конца. Идущу же ми всерадостне съ монахи онѣми, о полудни пооблачися небо зѣло темными и мрачными облаки, еже увидевше они поидоша зѣло скоро, яко¹ да убѣжать отъ дождя, азъ же не могій тако скоро съ ними ити, остахся единъ. И абіе начатъ наступати великая туча со страшнымъ звукомъ града и проліяся дождь веліи со страшными молніями и громомъ и испаде градъ² великъ, яко орѣхи малии, и покры все поле мало не на пядь, и измокохъ весь тако, яко течение вода отъ одежды моея. И съ великимъ трудомъ идяхъ по граду оному даже до пощи, и зѣло поздѣ едва достигохъ въ село оно, идѣже и спутницы мои бяху и преноцевавъ у единого человека, во утріе обретохъ ихъ въ школъ у дьяка преночивающихъ, иже увидевше мене, зѣло возрадовашася. Таже начана вопрошати дьяка онаго о пути, ведущемъ въ Молдавію, известивше ему, яко имуть намереніе тамо ити. Онъ же начатъ глаголати къ нимъ: «О, отцы святыи, азъ вамъ не совѣтую въ нынѣшнее время тамо ити, зане великъ страхъ есть на пути: воинство бо страха ради разбойниковъ всюду обѣздитъ, и боюся, да не впадете въ руцѣ немилостивыхъ онѣхъ воинъ, иже аще и не иныя ради вины, но единыя ради ненависти на православную вѣру могутъ васъ озлобити до конца. Зане въ селѣ семь нашемъ не давнаго времени случися вещь таковая. Бѣше при церкви сей прежде мене единъ блаженный памяти дьякъ, иже яко человекъ бояся навета отъ гонителей православныя вѣры, егда на Літургіи чтяше "Символь вѣры", сирѣчь, Вѣрую во единого Бога, то членъ онъ, "И въ Духа Стаго"³, тако чтяше: "И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца истинна исходящаго".

¹ Слово «яко» надписано другим почерком.

² В рукописи описка: гадъ.

³ Нет титла в слове «С[вя]таго».

И тако читая Сѹмволѣ, избавляшеся отъ навѣта враговъ православныя вѣры. По времени же оклеветанъ бысть къ властелину села сего отъ хулителей вѣры святыя, яко не чтеть въ Сѹмволѣ по Богоборному ихъ хуленію: Духа Святаго отъ Отца и Сына исходяща, но точію отъ Отца истинна исходяща. Властелинъ же, слышавъ сіе зѣло¹ разъярися, и вземъ нѣколико воиновъ съ собою, приде въ церковь мало предъ чтеніемъ Сѹмвола. Егда же блаженный дякъ онъ начать чести "Сѹмволъ вѣры", абіе приступи къ нему близъ и слушающе прилежно, како иматъ чести. Онъ же, уразумевъ, яко сего ради приступи, чтяще велегласно и пространно со дерзновеніемъ, егда же приблизися къ словесемъ симъ: "И въ Духа Святаго", исполнився Духа Свята, возопи велегласнее: "И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго", отложивъ и прилогъ онъ, "истинна", егоже страха ради прилагаше. Властелинъ же онъ, яко услыша сіе, абіе, аки звѣрь неукротимый крыкнувъ, устремися нанъ и емъ за власы, поверже его на землю и, бія немилостивно ногама, повеле извлечь его вонъ изъ церкви. И повеле его бити кіями безъ пощаденія. Сему же деющуся, тскъ нѣкто скоро, возвести матери его, сказавъ ей и вину, еяже ради сына ея біяху. Она же притекши, со слезами увещаваше его не ослабевати въ подвиже, но Бога призывая на помощь, не пощадети жизни своея предати на смерть за вѣру православную, и лобызаше главу его, глаголющи къ нему: "О, сыне мой превозлюбленный, не убойся сего маловременнаго мученія, сже за исповѣданіе православныя вѣры претерпѣваеши, но претерпи, яко добръ воинъ Хрістовъ за Него и самую смерть, яко да сподобишися отъ Него вѣнецъ мученической пріяти въ Царствіи Его Небеснемъ". Онъ же глагола къ матери своей: "О, прелюбезнейшая моя мати,

¹ Слово «зѣло» надписано другим почерком.

никакоже усумневайся о мнѣ, азъ бо, укрепляющу мя Богу, не точію біеніе сіе, но и тмами прелютейшыя смерти готовъ есмь за вѣру православную пострадати. Якоже бо Богъ въ Троице Святѣй славимый и покланяемый Единъ есть, и развѣ Его иного Бога нѣсть: тако и вѣра святая православная Восточныя святыя Церкви, въ нейже единой точію съ добрыми делами известная есть спасенія надежда, едина есть, и развѣ ся иныя нѣсть. Како убо за ню не возъусердствую и самую лютейшую претерпети смерть?" Сія же услышавши мати его, возрадовася радостію неисповедимою, и воздевши руцѣ къ небеси, благодаряше Хрісту Богу, яко сподобися такового страдалца его породити. Мучитель же онъ, видя сія и слыша, паче яряшеся, и вопіяше на воины жесточае быти¹ его. Страдалецъ же Хрістовъ², прелютое таковое біеніе съ радостію претерпѣвая, и злочестіе западныхъ обличая, православную же вѣру прославляя и исповѣдуя, предаде душу свою въ руцѣ Божіи».

Сія убо слышавше монаси они, спутницы мои, убояшася далече ити. И, оставше намереніе оно, еже ити въ Молдавію, пойдоша внизъ³ къ монастыремъ православнымъ не далече отъ Днѣпра обрѣтающимся, изъ нихже два обрѣтаются подъ областію пресвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго, два же подъ областію пресвященнаго епископа Переясловскаго. Поидохъ же и азъ съ ними, зѣло сожалея, яко не возмогохъ предъреченныя ради вины ити въ Молдавію. Егда же приближимся къ горамъ Мошенскимъ, въ нихже и единъ изъ предреченныхъ монастырей обретається, тамо въ единомъ селѣ близъ горъ тѣхъ улучихъ единаго Іеромонаха,

¹ То есть: бити.

² В рукописи пропущена буква «р».

³ Здесь «близъ» зачеркнуто и над ним надписано «внизъ» (другим почерком).

съ нимже и остахся, спутникомъ моимъ въ путь свой отпешдымъ. Препочившу же мнѣ во онѣмъ селѣ неколико дней, Иеромонахъ онъ начать мнѣ поведати о некоемъ добродетельномъ пустынножителіи, именемъ Исхїи, иже на единомъ островѣ рѣки тоя, яже по подѣ горами течаше пребывая, подвизашеся о спасеніи души своея. Еже услышавъ азъ, вседуше возжелахъ не точію увидѣти его, но аще бы возможно было и жити у него. Начахъ убо прилежно молити его, да поведеть мя къ нему. Онъ же, преклонився на моленіе мое, поиде со мною къ пустыножителю оному, иже съ великою любовію пріемъ насъ, упокои отъ путнаго труда и, оставивъ мене тамо, отъиде. Азъ же пребывая тамо неколико дней зѣло спользовался душею, истинный бо сей рабъ Божій и прилежный делатель заповедей Его, велію и неизреченную любовь и ревность имевше къ слову Божію и ко ученію Богоносныхъ отецъ нашихъ и труждашеся въ прилежномъ преписаніи книгъ отеческихъ пользы ради души своея. И отсюду мощно есть увидѣти, якову ревность о семъ имевше. Единою бо услышавъ о некоей отечестей, неудобѣ обретаемой, зѣло преполезней книзѣ, яко обретаеся въ некоей обители Черниговскія епархіи, далече отъ Чернигова вгору отстоящей, поиде тамо со тщаніемъ и со многимъ и прилежнымъ моленіемъ испроси у Игумена и собора обители оныя книгу ону на преписаніе, яже по усердію его благодати Божіей содействовавшей, и дадеся ему, юже пришедъ въ келлію свою и переписавъ со всякимъ прилежаніемъ отнесе ю воспать во обитель ону, и, благодаривъ Игумену и собору тоя святаго обители о таковомъ ихъ къ нему благоденіи, возвратися въ келлію свою, радуясь и прославляя Бога, яко сподобися таковое душеполезное сокровище стяжати, нивчтоже вѣдая толь далекое съ принесеніемъ и отнесеніемъ книги оныя свое путешествіе.

віе, еже считаешся со всѣмъ яко двѣ тысящи версть. Таковая его ревность къ слову Божію бяше. Отъ всеприлежнаго же переписованія книгъ отеческихъ зѣло повредилъ бѣ зрѣніе очесное, яко и великими писмены едва можаше переписовати.

Видя убо его таковую ревность къ слову Божію и ко ученію Богоносныхъ отецъ нашихъ, разсуждахъ, яко аще нредамъ себе таковому рабу Божію во истинное душею и тѣломъ повиновеніе, и послушаю его во всемъ, то возможетъ мене Божією благодатію уразумляемъ, наставить на истинный путь спасенія. Начахъ убо его всеприлежнѣе молити, да пріиметь мене во святое послушаніе, обещаваюся во всемъ его слушати. Онъ же отнюдъ не хотяше пріяти мене, глаголя ко мнѣ: «Азъ, о чадю, человекъ грѣшенъ есмь и страстенъ и недостоинъ. Душу мою бѣдную не могу управити на путь Божій, и како дерзну тебе пріяти, дѣло сіе нѣсть мѣры моея: тѣмъже молю тя о семъ мнѣ не стужати». Азъ же, окаянный, помысливъ, яко смиренія ради своего не хощетъ мене пріяти въ послушаніе, прилежнѣе моляхъ его со многими¹ слезами, припадая къ святымъ ногамъ его, яко да пріиметь мене, но онъ отнюдъ не хотяше сіе сотворити. Азъ, видя сіе, и яко да не стужу ему паче мѣры, отхождахъ въ предреченное село, и не обретая Іеромонаха онаго, препочивахъ у некоего Хрістолюбца, иже съ великою радостію мене пріемляше. Таже, по неколкоцехъ днехъ, паки отхождахъ къ святому старцу оному, иже пріемлюще мене съ любовію аки страннаго, но точію на неколко дней препочити у него. И, обретая время угодное паки, аще и съ великимъ стыденіемъ, не дерзая и на лице его святое воззрети, припадая къ ногамъ его и со многими слезами лобызая святыя нозѣ его, моляхъ его пріяти мене, глаголя къ нему: «Отче святыи, пріими мене Господа ради,

¹ Слово «многими» надписано другим почерком.

послушаю бо тебе во всемъ, якоже Самаго Господа. Аще ли же не послушаю тебе во всемъ, то бѣя ижденеша мя отъ себе, аки пса смердяща». Егда же видяхъ, яко отнюдъ не хошетъ мене пріяти, отхождахъ отъ келліи его мало, и толь долго о неполученіи прошенія моего за недостойнство мое плакахъ и рыдахъ, яко отъ многаго плача и слезъ опухаше и лице мое, и егда прихождахъ къ нему познаваше лице мое опухшес отъ слезъ и соболезнуя о мнѣ душею своею глаголаше ко мнѣ: «Молю тя, Господа ради, брате мой, не скорби о семъ, яко не пріемлю тебе, не бо презирая спасеніе твое сіе творю, вѣсть сердцеводець мой Господь, но немощи ради души моея не могу тебе пріяти. Возложи убо на всемогущій промысль Божій всю твою надежду, не оставитъ бо тя ищущаго отъ всея души спасенія, но благодатию своею призревъ на слезы твоя, наставитъ тя на путь свой». Таковая и многшая сихъ духовная глаголя ко мнѣ словеса и утешая душу мою, отпускаше мя съ миромъ. Азъ же, плача и рыдая отхождахъ отъ него, и приходя къ Христіолюбцу оному пребывахъ у него, недоумевая, что творити. Иеромонахъ бо онъ не вѣмъ гдѣ отшелъ бѣ, азъ же самъ единъ гдѣ пойти, яко отъ естества боязливъ сый, не смѣяхъ, паче же страха ради суностатовъ вѣры святыя, странѣ онѣй обладаемой отъ нихъ. Умыслихъ же еще единою пойти къ святому старцу оному, не смѣя уже болѣе стужати ему моленіемъ о пріятіи моемъ, но точію поне да сподоблюся совѣтъ отъ него пріяти, камо ити и како пребывати. Яковъ же и путь быше къ святому сему старцу, страхъ ми находитъ и воспоминаюти о немъ. Чрезъ мпогія бо на многихъ мѣстѣхъ воды нужда быше преходити, зѣло по узкихъ кладкахъ чрезъ ня положенныхъ. Съ великимъ убо страхомъ и трепетомъ пражиною¹ долго подпираяся, прехождахъ чрезъ воды тыя, смерть ви-

¹ Пражина — шест.

дя готову предъ очима своима. Егда же последний онъ разъ идый къ святому старцу оному, прешедъ вся воды оныя, начахъ последнюю воду по кладцѣ преходити, яже паче прочіихъ водъ болшая и глубшая бѣше, не дошедшу ми еще до половины, абіе поползостеся нозѣ мои съ кладки оныя, яже зѣло слизка бѣше, и падосте въ воду, единая на едину страну кладки, а другая на другую, и сѣдохъ на кладцѣ оной съ превеликимъ страхомъ и трепетомъ, мня, яко абіе падъ, утону въ водѣ оной. Но, о неизреченнаго о мнѣ промысла Божія, не понустившаго мнѣ внезапною смертію умерети, но устроившаго не на едину страну кладки обѣма ногама моима поползнутися! Зане, аще бы на едину страну поползнулися, абіе утонулъ быхъ въ водѣ оной, еще же по Божественному Его смотренію и пражина обретеся въ руцѣ моеи не падшая въ воду, зане, аще быхъ упустилъ ю, то и тако мню, яко утонулъ быхъ, не имѣя чимъ сѣдя на кладцѣ опертися, такожде безъ нея и на кладку востати ногама моима отнюдъ не возмоглъ быхъ. Но, благодареніе всемогущему Богу, тако о мнѣ устроившему, Его бо благодатию укрепляемъ, аще и съ велиимъ страхомъ на пражине опираяся, сдва возмогохъ на кладцѣ онѣи ногама моима стати, и перейти безбедно на другую страну. Пришедъ же къ предреченному старцу, молихъ его со слезами, да благоизволить мнѣ у него несколько дней пребывати, доидеже Господь о мнѣ устроить, якоже восхощетъ, оному же благоволившу пребывахъ у него, не дерзая уже болѣе стужати святыни его о моемъ пріятіи, аки о вещи невозможней, но со стыденіемъ стоя предъ нимъ, плакахъ, моляся Господеви, да наставитъ мя на путь Свой. Всегда же, егда прихождахъ къ нему и пребывахъ у него малое время, творяхъ по силѣ моеи послушаніе.

Пробывшу же мнѣ у него мало дней, се, по Божію смотренію, пріиде къ нему предреченный Іеромонахъ на носещеніе, егоже съ любовію угостивъ, моляше прилеж-

но, яко да отвeдeтъ мя въ Мошенскій монастырь. Онъ же съ радостію обещаея сіе сотворити. Егда же прииде время послeднiяго уже моего отъ святыни его отхожденiя, наедине припадохъ къ святымъ его ногамъ и лобызая со слезами, плакахъ и рыдахъ, яко не сподобихся у него за недостойнство мое пребывать во святѣмъ послушанiи, онъ же елико можаше духовными своими словесы утешаше мене, совѣтуя на единого Бога имѣти унованіе, могущаго по воли Своей Божественной управити мое житіе. Азъ же со слезами благодаривъ его святыне за таковой душеполезный совѣтъ, отыдохъ отъ него. Таже съ предреченнымъ Іеромонахомъ, поблагодаривше ему за любовь его къ намъ и страннолюбiе, отыдохомъ отъ него. И приидомъ въ село оное, идѣже пребываніе сей Іеромонахъ, иже приуготовився на путь, отвeдe мене въ Мошенскій монастырь, идѣже преночивъ мало дней, отыдохъ съ некоторыми отцы во святыи Троецкiй монастырь, нарицаемый Мотренинъ. Идѣже пребывъ несколько дней, отыдохъ во святыи монастырь святителя Христова¹ Николаа, обретающій на острове рѣки Тясмина, именуемый Медведовскiй², иже естъ подъ областію³ святыя Митрополiи Кіевскiя, идѣже бѣ Игумень всечестный Іеромонахъ⁴ отецъ Нiкифоръ. Пришедъ же азъ тамо, пойдохъ къ нему и, припадъ къ святымъ его ногамъ, взяхъ отъ него благословеніе и начахъ молити его, яко да приметъ мене во святую свою обитель. Онъ же, яко отецъ чадолубивый уразумевъ мое о монашествѣ намереніе, не презирая моленiя моего, прiятъ мя съ любовію и определи мнѣ келлію, идѣже единъ послушникъ пребываніе, сѣдѣти съ нимъ вкупѣ, повелевъ мнѣ на об-

¹ В рукописи в этом слове пропущена буква «р».

² Слова «именуемый Медведовскiй» надписаны другим почерком.

³ В рукописи в этом слове пропущено «л».

⁴ Слово «Іеромонахъ» надписано другим почерком.

щее послушаніе съ братією ходити. Бѣже тогда мѣсяць Іулій, и собираешся съно, нсхождахъ убо со святыми отцы первѣе на собраніе съна, таже и на жатву хлѣба, иже полагаху мя вкупѣ жати съ ними. егда же увидеша, яко¹ урезовахъ персты отъ неискusstва, определиша мнѣ снопы на токъ возыти, но и въ томъ послушаніи бѣхъ неискустенъ, егда бо вожахъ снопы, не умѣя управляти воловъ, превращаешся возъ, и разсыповахуся снопы по полю, азъ же, недоумевъ что творити, сѣдя на земли, плакахъ. Приходяще же братія, укоряху мя, аки единого невежду, таже, видяще мое и въ семъ дѣлѣ неискusstво, определиша мнѣ глину на токъ возыти и воду. Сіе же послушаніе, паче же глину возыти, аще и отнюдѣ превыше силы моя баше, обаче Бога призывая на помощь, творяхъ съ радостію. По вся же вечера приходяхъ съ братією въ монастырь, рано же отхождахъ съ ними на послушаніе. Определилъ же бѣ мнѣ Игумень, егда обретахся въ монастыри, и на криласѣ ходити, еще же определи мнѣ и трапезное послушаніе, сирѣчь хлѣбъ резати и полагати на трапезѣ миски съ вареніемъ носити и поставляти предъ братією, съ трапезы сосуды собирать и омывати, трапезу мести и прочая, яже вся совершахъ съ радостію, благодаря Богови, яко сподоби мя служити святымъ отцемъ и братіямъ. Егда же Августа мѣсяца наста постъ Пресвятыя Богородицы, призвавъ мя Игумень въ келлію свою, глагола ко мнѣ: понеже имѣю намереніе брата онаго, съ нимъже въ келліи пребываеши, и тебе на праздникъ Преображенія Господня пострижи въ расофоръ, того ради поиди къ духовнику и высповедай предъ нимъ вся согрешенія твоя и, пріемъ отъ него разрешеніе, буди готовъ къ причащенію Свягыхъ Таинствъ, по семъ поиди къ честному Іеромонаху Никодиму и помоли его, яко да будетъ тебѣ на постризе

¹ Слово «яко» надписано другим почерком.

восприємникъ. Азъ же, слышавъ сіе отъ него, припадохъ къ святымъ его ногамъ и, взявъ отъ него благословеніе, изыдохъ изъ келліи его, радуясь зѣло и прославляя Бога о семъ, купно же и ужасаяся, яко въ толь скоромъ времени хоцетъ мя Игуменъ недостойнаго сподобити начала монашескаго образа. Пойдохъ убо къ духовнику и исповедахъ вся согрешенія моя, и пріяхъ отъ него разрешение и благословеніе къ причащенію Пречистыхъ Христовыхъ Тайнъ. Такожде пойдохъ и къ честному оному Іеромонаху Никодиму и, припадъ къ святымъ его ногамъ, молихъ его, яко да будетъ мнѣ на постризе восприємникъ. Онъ же глагола ко мнѣ: «Самъ ли ты отъ себе просиши мене о семъ, или по повеленію отца Игумена?» Увѣдавъ же отъ мене, яко по повеленію Игуменову пріидохъ къ нему молити о семъ, со всякою радостію обещася восприємникъ мнѣ быти, повелевъ мнѣ и главу измыти, зане отъ самага изшествія моего изъ святыхъ Любецкія обители, прешедшу времени, яко пять месяцевъ расчесати. Измыхъ убо главу и приуготовихся къ причащенію Божественныхъ Тайнъ. На праздникъ же Преображенія Господня по совершеніи часовъ постриже насъ отецъ Игуменъ въ рософоръ. Егда же постригаше насъ, даде предреченному послушнику, съ нимже въ единой келліи пребывахъ, на постризе имя Платонъ, мнѣ же Парѣсній. По совершеніи же Божественныя Літургіи, изшедшимъ намъ изъ Церкви, братія отъ невнятія пременивши имена наша, начаша звати насъ — его убо Парѣніємъ, мене же Платономъ. Шедъ же азъ ко отцу Игумену, известихъ ему о семъ, онъ же глагола ко мнѣ: «Понеже братія на постризе не вняша о именахъ вашихъ и пременивши та, нарицають онаго Парѣніємъ, тебе же Платономъ, тако убо и называйтесь и не имѣй о семъ ниединаго смущенія». Азъ же, поклонився, отъидохъ отъ него и по повеленію его Платономъ называхся,

аще, яко неведый силы святаго послушанія, отчасти и скорбяхъ о семъ, жelahъ бо, аще бы возможно было именемъ, даннымъ мнѣ на постризе, нарицатися. Но видя, яко уже вси со утверждениемъ тако мя именуютъ, пребывахъ миренъ, возлагая вину на мое недостойнство.

По некихъ же днехъ прииде ко мнѣ единъ монахъ зѣло благоговиснъ, иже бѣ отъ Великія Россіи, отъ благородныхъ родителей, и рече ко мнѣ: «Твориши ли нѣкое послуженіе старцу¹ твоему, иже бѣ тебѣ на постризѣ восприемникъ?». Мнѣ же отвѣщавшу, яко не творю. Рече ко мнѣ: «Подобаеъ ти, брате, послуженіе творити старцу, сирѣчь, дрова сѣщи и въ келлію носити, огонь сгда потреба будетъ возгнѣсати, воду носити, келлію мести и прочее послуженіе проходить». Азъ же возрадовався о наставленіи его и благодаривъ ему о семъ, пойдохъ къ келліи старцовой и, сотворивъ молитву, внидохъ въ келлію его, и, припадъ къ ногамъ его, целовахъ святую десницу, и прошахъ прощенія, яко невольства ради моего дотолѣ ни въ чемъ ему не послужихъ, обещаваяся съ радостію во всемъ ему послужити. Онъ же отнюдъ не восхоте пріяти отъ мене ни единого послуженія, глаголя ко мнѣ: «Довлѣетъ ти, брате, на общее послушаніе ходити, гдѣ тебѣ повелено будетъ, азъ же отъ тебе послуженія не требую. Еще бо, Богу укрепляющу мя, могу себѣ послужити». Азъ, слышавъ сіе и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Паки же предреченный монахъ, иже бѣ во обители онѣй, Екклісiархъ, пришедъ ко мнѣ и уразумевъ, яко старецъ мой не пріемлетъ отъ мене послуженія, рече ко мнѣ: «Пойди еще къ нему и моли его, да ноне правило определить тебѣ келейное, отъ него бо долженъ еси о семъ определеніе имѣти, азъ

¹ К этому слову в рукописи примечание на полях: Извѣстно да будетъ, яко во обителяхъ онѣхъ, понеже не хранится чинъ общежителный, восприемникъ на постризѣ есть старецъ, а не Игумень.

же, благодаривъ ему за паставленіе, пойдохъ къ старцу моему и молихъ его, да опредѣлитъ миѣ келійное правило. Онъ же рече ко миѣ: «Ты, брате, писменный еси, сего ради азъ тебѣ правила не опредѣляю, но якоже Богъ тебе уразумитъ, содержи правило въ келліи твоей». Сіе слышавъ азъ и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Пребывъ же старецъ сей мой едину точію седмицу по постриженіи моемъ во обители онѣй, отъиде оттуду Богъ вѣсть гдѣ. Уже бо болѣ слышати о немъ, гдѣ обретается, никогдаже возмогохъ. И тако азъ, окаянный, остахся, аки овца заблудная безъ пастыря моего и паставника¹, въ самочиніи и самоволіихъ вся дни живота моего изживъ. И не сподобихся нигдѣже въ повиновеніи отца нѣкоего пребывати, аще, якоже разсмотрѣваю, и зѣло устроеніе души моея въ юности моей удобопреклонно бѣ къ повиновенію, но не удостоихся окаянный за недостойнство мое таковаго Божественнаго дара.

Пребывахъ убо во обители онѣй, проходя общее и предреченное въ Церкви и трансѣ послушаніе со усердіемъ. Еще же и отъ произволенія моего поварю помощь нѣкую творяхъ. Овогда воду малымъ бариломъ² на двоихъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая съ радостію. Имѣяхъ же усердіе и правила церковнаго, во дни убо, егда руку подаеше, въ нощи же — никогдаже оставляти.

Тако убо миѣ во обители онѣй тихо и мирно пребывающу, Божіимъ поущеніемъ воста гоненіе на обитель ону и на вѣру православную отъ злославныхъ властей. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повеле собратися всѣмъ монахомъ въ келлію Игуменову, и пачать многоразличными словесы увещавати ихъ къ соединенію злочестія своего.

¹ В слове «наставника» лишняя «и».

² Барило — бочонок, бочка.

Егда же увидѣ, яко отнюдѣ не восхотѣна преклонитися на злочестіе его, зѣло разгневался и вшедъ въ церковь, переписа вся сосуды церковныя и, изшедъ изъ Церкви, заключи ю и запечатле печатію своею, и, взявъ ключи отъ Церкви, отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещеніемъ. Сего ради не малое бысть смущеніе во обители онѣй, увидевше бо отцы святіи, яко уже болѣе единого мѣсяца церковь стояше затворена, начаша нѣцци отъ нихъ расходитися, гдѣ кто изволяше. Азъ же, видя таковое гоненіе на вѣру православную отъ злославныхъ, положихъ таковое намереніе предъ Богомъ никогдаже въ таковыхъ странахъ жити, идѣже гоненіе бываетъ на Церковь Божию и на вѣру православную отъ злочестивыхъ. Желаніемъ убо желяхъ въ православную и Богомъ хранимую землю Молдавскую пойти. Но ово страха ради супостатовъ вѣры святыхъ, ово же, яко и не обретохъ отнюдѣ такового мужа¹, иже бы мя тамо возмоглъ отвести, пресѣчеся мое таковое желаніе. Моляхся же Господви, да имиже вѣсть судьбами наставитъ мя на путь Свой. По Божію же смотренію, всечестный обители тоя предреченный Екклісіархъ именемъ Мартурій и честный монахъ именемъ Кріскентъ красноевецъ, иже и нѣвчимъ быше у преосвященнейшаго Кіевского Митрополита Кврѣ Рафаила Заборовскаго, совѣтъ сотвориша пойти въ Кіевъ на житіе во святую Кіевопечерскую Лавру, съ нимиже и азъ согласихся. Приуготовлшесе убо и Бога призвавше на помощь, изыдохомъ изъ обители оныя и пойдохомъ въ предлежащій намъ путь. Наставшу же мѣсяцу Декемрію, и снѣгу велику спадшу, зѣло страдахомъ на пути отъ хлада, наче же азъ, скуденъ бо весьма бѣхъ за одежду. Помощію же Божіею укрепляеми, приидохомъ до града Васілкова, отечества преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго, идѣже удержани быхомъ

¹ Слово «мужа» написано другим почерком.

до шести недѣль. Мало же не исполнившюся сему времени, пришедшу повеленію, пропущено насъ чрезъ предѣль. Пойдохомъ убо, радующеся, до Богоспасаемаго града Кіева. Идѣже, пришедшимъ намъ, по прошенію нашему определено насъ на житіе во святую Кіевонечерскую Лавру. Подавшимъ же намъ доношеніе преподобнейшему отцу Архимандриту Лавры тоя Тимоѳею Щербацкому, определи насъ на Ближней пещери пребывати до разсмотренія. По времени же призвано насъ на соборъ и, по доволномъ испытаніи, принято насъ и определено намъ пребывати внутри святыхъ Лавры, и пребывахомъ вкупѣ въ Соборномъ ряду во определенной намъ келліи. Таже отца Мартурія определено быти подыкономіемъ¹, отца же Кріскента опредѣлиша пребывати у отца уставника праваго криласа и ходити на лѣвый криласъ. Азъ же остахся единъ въ келліи оной до времени. Всепреподобнейшій же отецъ Архимандритъ и отецъ мой по плоти, егда еще въ юности своей вкупѣ учахуся въ школахъ Кіевскихъ, велію и неизреченную любовь другъ ко другу стяжаста, и дружество единоедушное и таковъ залогъ предъ Богомъ положиаста, яко во вся дни живота своего даже и до послѣдняго издыханія туюжде любовь между собою и единоедушіе да имуть. По той убо любви своей, юже ко отцу моему имѣяше², явилъ есть и ко мнѣ недостойному превосходящую свою любовь. Желая бо, яко да всегда пребываю во святѣй Лаврѣ и нигдеже по времени виѣ обители посылаетъ да буду на нѣкое послушаніе, определи³ мнѣ при преподобнѣйшемъ началницѣ тѣпографскомъ госнодинѣ Веніаминѣ Іеромонахѣ, при тѣпографіи у всечестнаго Іеросхимонаха Макарія рукодѣлію учитися іко-

¹ Подікономій — помощник эконома.

² Слово «имѣяше» надписано другим почерком.

³ Слово «опредѣли» надписано другим почерком.

ны изобразати на мѣды. Келлію же мнѣ определи среднюю во Ікономскомъ ряду, въ нейже единъ Іеромонахъ и Іеродіаконъ пребываху. Пріемъ же азъ таковое отъ его всепреподобія определеніе, зѣло радовался душею о таковой его ко мнѣ любви. Пребывая убо въ келліи онѣй, приходяхъ дважды на день къ вышереченному Іеросхимонаху учителю моему, и учаясь отъ него рукоделію оному, иже мя по Богу любяше, паче же, егда совершенно уверися о мнѣ, яко отъ словесъ его и разговоровъ, яже съ приходящими къ нему имейше, никому же поне и единого слова не извѣщахъ, зане въ юности моей сей¹ бѣ у мене аки естественъ обычай: чтолибо видяхъ или слысахъ, отнюдъ никомуже извѣщахъ, но внималъ точію себѣ. О семъ убо увѣрився, дерзновенно съ приходящими къ нему чтолибо хотяше бесѣдоваше, ни въ чѣсомъ же мене опасаясь, и сего ради паче ко мнѣ любовію прилагашеся, и со усердіемъ обучаше мя рукоделію сему. По вся же дни, кромѣ недѣль и праздниковъ, на раннюю точію Літургію приходяхъ, по Літургіи же до трапезы, и по трапезе до вечерни приходя ко учителю моему, упражняхся во обученіи предреченнаго рукоделія.

На вечерню же всегда и на утреню приходя, стояхъ за правымъ криласомъ, слушаая правила церковнаго. Пржеже святаго и Великаго поста, стоящу ми на обычнѣмъ мѣстѣ въ Церкви, пріиде кононархъ ко мнѣ и рече ми, яко зоветъ тя отецъ уставникъ. Азъ же ужаснухся о семъ, помыслиая, что иматъ рещи ко мнѣ, пришедшу же мнѣ на криласъ² и лобзавшу десницу его, повелѣ мнѣ на криласъ ходити. Азъ, слышавъ сіе, зѣло ужасохся и рекохъ къ нему, яко отнюдъ невѣжда есмь въ пѣніи. Онъ же рече ко мнѣ, аще пѣти не возможеши,

¹ Слово «сей» надписано другим почерком.

² Слова «на криласъ» надписаны другим почерком.

то поне будеши чести, еже ти повелено будетъ. И тако повеленію его не могій противитися, аще и безъ воли моея, хождахъ оттоле на правый крилась, поя по силѣ моей мало, еже умѣяхъ, и чтя овогда Часословъ, овогда же каноны. Такожде чтяхъ каноны, и, егда за поклонниковъ отпращахуся Параклиси и Акаѳисти, и прочая повелеваемая мнѣ совершахъ съ радостію.

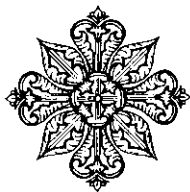
Егда же наста святыи и Великій постъ, пойдохъ къ началнику Далнія пещеры, преподобнейшему отцу Іоанну Іеросхимонаху, прозваніемъ Кмитѣ, иже бѣ соборный духовникъ, и исповедахъ предъ нимъ всю совѣсть мою; иже по совершеніи Тайны святыя исповеди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощальныя, со слезами рече ко мнѣ: «Се, чадо, якоже уразумехъ отъ исповеди твоея, Богъ, имиже вѣсть судьбами, сохранилъ ты еси въ мірѣ даже доселе отъ великихъ грехонадесій. И аще бы житіе твое было нѣгдѣ въ пустынной обители подъ наставленіемъ искуснаго старца, то негли помощію Божіею возмогъ бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти поне отъ главнѣйшихъ согрешеній. А понеже произволилъ еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посреде міра обретається, съ нами грешными пребывати, то зѣло боюся, да не како яко младъ еще сый, постраждеши последнее и крайнее души твоея разореніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси; разоренію же таковому вина есть, аще дружество будеши имѣти съ таковыми, иже юни суть и лѣты и разумомъ и неутверждени душами въ страстѣ Божіи. Дружеству же таковому Богопротивному и душепогибелному вину подаси, аще будеши употребляти каковоелибо пїянственное нитіе. Аще убо хочещи отъ всея души твоея, спасеніе души твоея¹, то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдъ не пити никоегоже пїянственного питія. Тако бо, помощію Божіею, и отъ дружества поги-

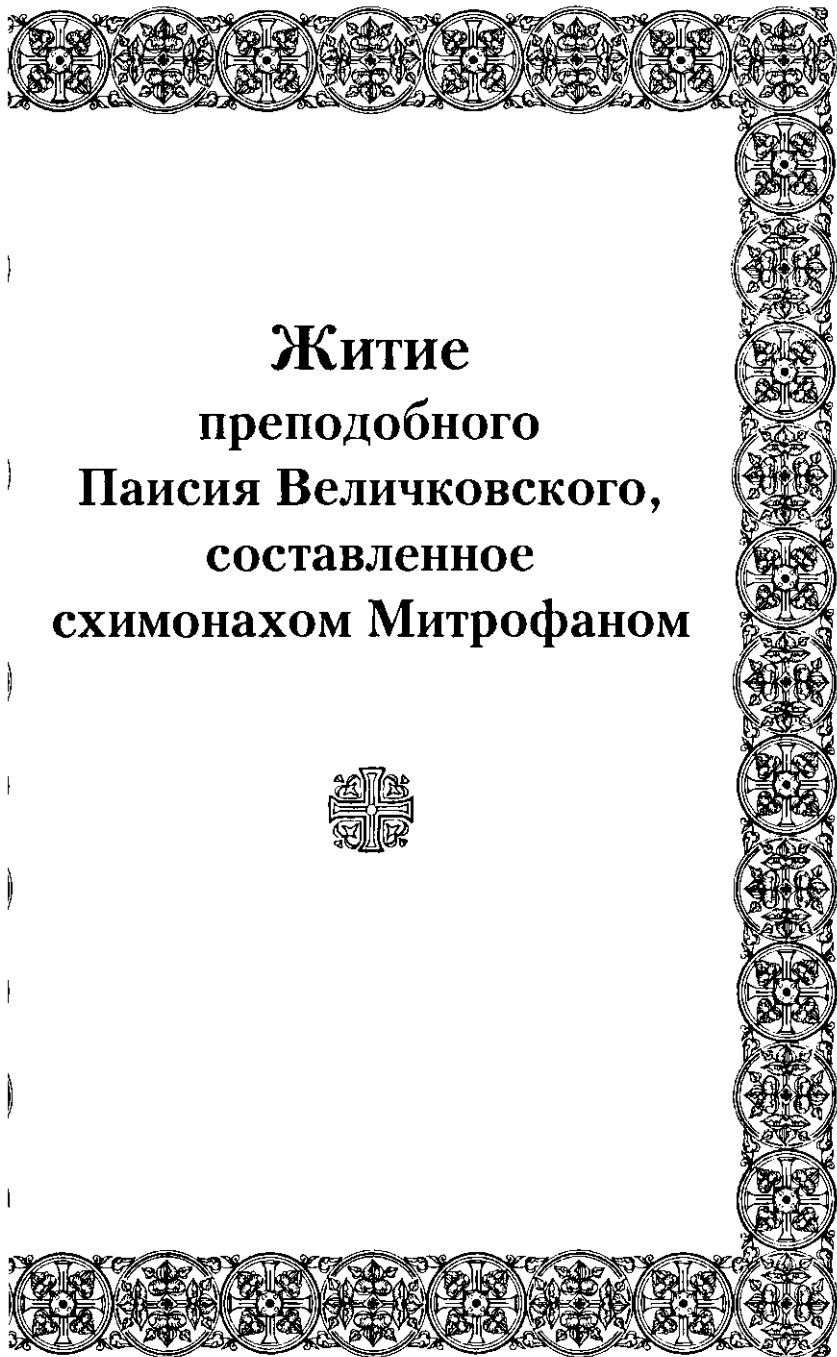
¹ Слова «спасеніе души твоея» надписаны другим почерком.

белнаго и отъ крайняго разоренія души твоея убѣгнути возможешь». Сія рекъ, вопросы мене, глаголя: «Можешь ли, чадо, таковому совѣту моему последовати дѣломъ?»

Азъ же известихъ ему, яко отъ рожденія моего горелки не пихъ, зане и естеству моему таковое питіе противно есть и отнюдъ не могу его употребляти, и яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушне приѣмлю, и самимъ дѣломъ, Богу укрепляющу мя, исполняти буду. Онъ же о семъ зѣло возрадовался, рече ко мнѣ: «Аще, чадо, совѣту моему, по обѣщанію твоему, дѣломъ последовати будешь, то вѣрю Богу, яко благодатію Своею сохранитъ тя отъ всякаго душевнаго вреда. Известно же да вѣси, яко тѣи, иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлещи, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, моляще и просяще, увещающе и всякимъ образомъ убеждающе тебе пити пѣнственный напитокъ съ ними, аще же на сіе отнюдъ не повинешися, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гневатися на тебе и злопомнети. Но ты, Богомъ укрепляемъ, вся претерпевай, воли же ихъ никакоже покарыйся, но елико можешь, бѣгай отъ еже съ таковыми дружество имѣти, отъ сего бо вся злая раждаются. Сіе же искушеніе будешь имѣти до некоего времени. Увидевше бо ты таковіи, яко отнюдъ не пієши пѣнственного питія еже есть вина, неполезному дружеству престануть тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будешь имѣти преглубокій миръ въ души твоей». Азъ же, приѣмъ отъ него таковой душеполезный совѣтъ, зѣло возрадовался, и поблагодаривъ ему, изыдохъ, прославляя Бога, яко сподоби мя отъ такового святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяхъ же, по совѣту его, нисдинаго пѣнственного питія, кромѣ воды или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася, и стуженіе бо немалое доволное время отъ таковыхъ имѣхъ и миръ глубокъ послѣде отвсюду обретохъ, тихо

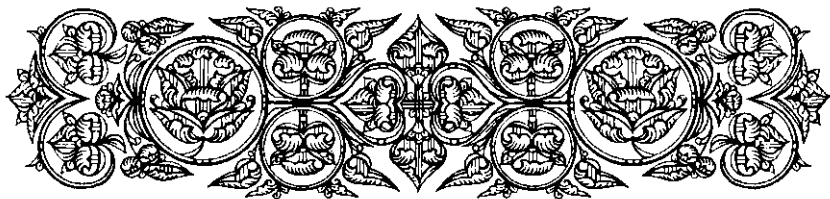
и мирно въ Лаврѣ святѣй пребывая. Любяху же мя и вси началствующіи отцы тоя святыя Лавры, паче же всѣхъ преподобнейшій господинъ Веніаминъ, начальникъ тѣпографскій, яко отецъ чадолубивый въ крайней любви своей, мене аки чадо свое духовное содержаше, и милостию своєю отеческою снабдеваше. Усмотревъ бо по времени крайнюю мою во одеждѣ нужду, попечесе приодягнути мене. Егда бо придохъ во святую сію Лавру, зимѣ сущей, едва точію пренуждную лѣтнюю имѣхъ одежду и ходя въ церковь, зѣло страждахъ отъ безмернаго хлада и лютыхъ мразовъ, трясыи ся чрезъ все правило церковное болѣе нежели два месяца, не смѣяхъ же яко пришлецъ и странень никомуже о нуждѣ моей возвести, но, Богу укрепляющу мя, терпяхъ съ благодареніемъ. Приближающуся же пресветлому празднику Воскресенія Хрїстова, предреченный отецъ начальникъ, якоже выше рчеша, одеждою снабдѣ мене, и о прочіихъ нуждахъ моихъ печашеся, и прохождахъ послушаніе мое съ радостію, благодаря Богови.

Житие
преподобного
Паисия Величковского,
составленное
схимонахом Митрофаном

Мѣсяца ноемврія въ пятнадцатый день.

**Житіе и подвиги блаженнаго отца
нашего старца Паисія.**

**Бѣжаніе отъ міра, странствія его,
собраніе къ нему братій,
и сожитіе съ ними**

Еже убо благія мужы похваляти, и вѣнцы имъ плести и изъясщества сихъ воспѣвати и возвышати успѣшно есть и полезно, и глаголати по силѣ¹ увѣщавасть. Мірскихъ же сихъ и привременныхъ, и видимое въ веществѣ имущихъ, аки домъ и похвалы ихъ разоряемы видимъ. Яко же пламень огненный соотходитъ веществу иждившуся, тако и похвалы таковыхъ, и честны должныхъ и скорѣйше разливающихся², суетная употребляющихъ соотходятъ по Писанію, и память ихъ съ шумомъ погибаетъ. Жителствовавшихъ же по Богу житіе и просіявшихъ въ добродѣтели великія, вѣмы, виновно быти ползы. Ибо самыя похвалы внимающимъ Богу слушающимъ въ подражаніе боголюбезныхъ подвиговъ приводятъ, похваляти же произволяютъ отъ святыхъ, и изобилна противовоздаянія и мздовоздаянія. Не токмо же, но и Богъ таковыми

¹ Приписка на полях: по силѣ разума.

² Приписка на полях: растекающихся.

угождаемъ бывая, премудрости пространство тако похваляющимъ даруетъ. Яже бо на святыхъ похвала на самаго Бога обыче преходити и возноситься: прославляющыя бо Мя, глаголетъ, прославлю¹, и въ лѣпоту. Понеже Владыка всѣхъ и Господь яснѣ тако узаконяетъ, глаголя о Апостолѣхъ: и *вась пріемлетъ*², *Мене пріемлетъ*; и *иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя*. Славы бо яже о святыхъ и похвалы не отъ нижнихъ и пребывателно ничтоже ниже извѣстно имущихъ начало основанію имуть, но отъ вышнихъ и божественныхъ, и присно такожде сущихъ. Якоже бо кто домъ многоцѣненъ хотя воздвигнути, аще не первѣе ископавъ и углубивъ землю, тверда положить основанія, твердо каменіе низполагая, вотще текуща зреть зодчія: храминѣ бо разоршійся, и малое оно основаніе, съ нею соотходитъ. Тако разумѣти подобаетъ и о онѣхъ похвалахъ, и долуплѣжныхъ вещехъ полагаемыхъ, съ показаніемъ и славою тщею, яже употребляютъ похваляющіи сія, по вышнимъ мудрецамъ: краснорѣчіемъ и украшеніемъ слова самый той и единъ слухъ увеселяюще и улаждающе. И отсюда и похвалы онѣхъ забвенія глубинамъ преданы быша, истинныя же святыхъ памяти и низположеніе основаній добродѣтели, истинныхъ начало имуть отъ неразсѣдаемаго камене онаго красуголнаго, иже есть Христосъ. Отонуду бо яко воистинну и похваляемый нынѣ, и въ свѣтлу выну³ намъ настоящаго слова подлежащій блаженный отецъ нашъ Паісій, начало и основаніе пріять, якоже просходящее напредъ слово сіе явить.

Азъ убо учився у него, то есть ученикъ онаго бывъ, и не малое время пребывъ со онѣмъ, и радостиѣ яко рабъ онаго по духу бывъ: хошу уже братіямъ моимъ послѣжде

¹ Приписка на полях: 1 Цар. 2, 30.

² Должно быть: *иже вась пріемлетъ* (см.: Мф. 10, 40).

³ То есть: вину (причину).

въ соборъ нашъ пришеднымъ, и лица его не видевшимъ, и прочимъ всѣмъ на пользу прочитающимъ повѣсть сотворити: елика убо съ нимъ бывше очима моима видѣхъ, и отъ устъ его слышахъ, елика же отъ посланій его, и отъ повѣствованія саморучнаго о соборѣ и о себѣ, отъ юности написаннаго мало вземъ, елика же отъ братій слышахъ о великихъ его исправленіихъ и зѣло хотѣхъ бы и языкомъ достойнымъ обогатѣти, имже бы возмогъ отцу нашему приличный долгъ похвалами отдати. А понеже и Богу любимо есть еже по силѣ, похвално же вмѣшится и учителю, яко никтоже инъ, но ученикъ за долгъ почелъ, еже по возможности написать праведное.

Тѣмже начати подобаетъ слово, на помощь святыхъ и божественныхъ молитвъ, присноиамятнаго упованіе возымѣвше. По постижному бо къ живущимъ по Божѣ и добродѣтель лобзающимъ, и истины дѣлателямъ и ревнителямъ опаснымъ исправленій онаго, яже о немъ простѣ, и якоже заслуженіе добрѣйшее и душеполезно предложу.

Творю же начало, отонудуже и основаніе положихъ. Внимати же достойно есть имущимъ уже реченнымъ быти. За два лѣта предъ кончиною блаженныя памяти Великаго Государя Императора и Самодержца Петра Перваго, отца Россіи и побѣдителя многихъ странъ, то есть 1722 лѣта, родися сѣй блаженный отецъ нашъ Паісій іеросхимонахъ, въ преславномъ малороссійскомъ градѣ Полтавѣ, отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей: отецъ его бѣ Іоанъ Величковскій протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночествѣ преименована бысть Іуліанія монахиня. По рожденіи же его, въ четвертое лѣто отецъ его отъ временныя сея къ вѣчнѣй преселися жизни. Онъ же остася съ матерію своею, и съ старѣйшимъ роднымъ братомъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послежде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія церкви Успенія Пресвятыя Владычицы нашея

Богородицы и Приснодѣвы Маріи, въ нейже церкви и отецъ его и дѣдъ священствоваша. Таже мати владе его во ученіе книжное, и Господу споспѣшествующу ему, чрезъ два лѣта и мало болѣе Букваря и Часословца¹ и Псалтыря изучися точію, и абіе нача Божіею помощію преудобиѣ по книгамъ чести. Отъ вышепереченнаго же старшаго брата своего и писати въ дому своемъ чрезъ нѣкое время изучися. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣташе время прилѣжно чтяше книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дороосемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргаритъ и прочія елика обрѣтахуся во святѣй предреченнѣй церкви: и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій прендобныхъ отецъ нашихъ во святѣмъ и ангелстѣмъ монашествѣмъ образъ Богу благоугодившихъ, начать и въ души его рождаться ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже дондеже пребываніе въ мірѣ никогдаже оскудѣ отъ души его. Кто же не удивится благодати Божіей въселнейся въ душу такового отрока: десятилѣтна еще бывша, разума старческаго сподоблшися: чтяше бо книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, и прочія. И аще не бы открывала благодать разумъ въ нихъ, то не бы въ немъ такового усердія къ чтенію, и желанію монашескаго образа. Дѣтскихъ же устроеній не быше въ немъ, но мужа совершенна. Затворяншеся бо единъ и чтяше ненасытно книги: молчаніе же толико любяше, что домашніи, и самая мати не бяху удовлетворени бесѣдою его, зане и къ самой матери кромѣ единаго или двоихъ словесъ не глаголаше болѣе, аще бы и какъ ни подвизала его на бесѣду къ себѣ по обычаю матерей, отъ дѣтскаго бо собесѣдованія много утѣшаются и услаждаются родители. И отъ сего многіи

¹ В рукописи: Часловца.

мняху яко нѣмый онъ. Собирахуся же по обычаю во время великихъ праздниковъ сродницы съ дѣтми своими въ гостѣ къ нимъ, то ниже дѣти могли когда подвинути его къ своимъ дѣтскимъ играмъ или бесѣдѣ, ни старіи своими даровизнами да проговорить къ нимъ поне единое слово. И вопрошали матере его и домашнихъ: не нѣмый ли онъ? И отвѣщали: ни.

Но и мы никогдаже слышимъ бесѣду его, развѣ когда единое или два слова, а впрочемъ всегда молчить. Бѣ же кротокъ и зѣло стыдливъ и бездерзновенъ, не точію къ чуждымъ, но и къ своимъ: таковое бѣ чуднаго мужа сего въ юности благодѣаніе, что всѣмъ удивлятися о немъ. И явѣ показующее пришедшу въ возрастъ, образъ быти и прописаніе всѣхъ добродѣтелей душевныхъ и тѣлесныхъ, еже и бысть. Пришедшу же ему отъ рожденія его тринадцатому лѣту, преставися и старшій его братъ Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ: и воспослѣдова матери его нужда, взявши и роднаго своего брата, егоже дядю, Васіліа Манденка, и его съ собою поихати къ Преосвященнѣйшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Куръ Рафаилу Заборовскому, съ писаніемъ просителнымъ крестнаго его отца Васіліа Васіліевича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины и всѣхъ почтеннѣйшихъ гражданъ Полтавскихъ о подтвержденіи отеческаго его предреченныя соборныя Полтавскія церкви наслѣдія грамотою Его Преосвященства: предъ егоже святымъ лицемъ егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно, яже прежде предъ матерію своею и дядемъ своимъ, аще и много отъ нихъ пудимъ бѣ, изглаголати не возможе; толико возрадовася Его Преосвященство, яко благословивъ его, таковая велегласно произнесе словеса: быть тебѣ наслѣдникомъ. Сіе же бѣ не отъ велегласно и сладкоглаголанія стіховъ

онѣхъ, но отъ Божія откровенія: провидя бо въ немъ благодать Божию, имущую явитися во свое время въ сладкоглаголаніи и поученіи ко спасенію душъ. И давъ грамоту матери его подтвердителную о его предреченныя церкви наслѣдіи, отпусти съ благословеніемъ: повелѣвъ матери его вдати его въ школы Кіевскія обученія ради внѣшняго ученія. Яже возвратившися въ домъ свой въ Полтаву, по нѣкосмъ времени немедленно посла его въ Кіевъ ученія ради: въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучашеся грамматическому ученію всякаго лѣта по обычаю школному іунія или іуліа мѣсяця отъиздя въ домъ къ матери своей, и пребывая тамо яко два мѣсяца; и совершенную имѣя свободу, ни въ чемъже тако упражняшеся, якоже въ чтеніи книгъ святыхъ. Отъ нихже паче и паче утверждашеся въ непремѣнномъ намѣреніи своемъ о монашествѣ. Еще же и совершеннѣ уразумѣвъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ то есть безъ прилѣжнаго храненія заповѣдей Христовыхъ, единою православною вѣрою отнюдъ спастися невозможно: и положилъ бяше таково завѣщаніе въ души своей предъ Богомъ, укрѣпляющей его благодати Его, еже ближняго своего не осуждати, аще бы и очима своими увидѣлъ его согрѣшающа. Извѣстно вѣдая яко единъ есть праведный и истинный живыхъ и мертвыхъ Судія Христосъ истинный Богъ нашъ, Иже воздастъ комуждо по дѣломъ его. Осуждая же ближняго своего достоинство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судію живыхъ и мертвыхъ. Чесого что есть страшнѣе? Еще же и не имѣти ненавѣсти на ближняго, еже по свидѣтельству святыхъ отецъ болшій грѣхъ есть паче всѣхъ грѣховъ. Еще же отъ всего сердца и души прощати ближнему согрѣшенія, въ надежду прощенія грѣховъ своихъ отъ Бога. Не прощая бо ближнему своему согрѣшеній его, отнюдъ не будетъ имѣти прощенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе его о храненіи заповѣдей сихъ данное предъ

Богомъ, во всей жизни своей сохрани, и насъ всегда поучаше и подвизаше къ дѣланію заповѣдей Божіихъ, по ученію Святаго Писанія, яко паче всего преудобнѣйшему и безтруднѣйшему пути ко спасенію емуже, по силѣ нашей и послѣдовахомъ, и послѣдуемъ благодатію Христовою. Въ чтеніи убо книгъ святыхъ якоже предрекохъ во время въ дому своемъ пребыванія упражняся, наставляяся на храненіе заповѣдей Божіихъ, и на разумъ правый и мудрованіе Святыя Православныя Церкви. Въ приличное же время отъѣздяше въ Кіевъ и пребываше со усердіемъ во ученіи школьнѣмъ, въ тѣя убо три лѣта аще и не малу ревность имѣвъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друговъ нѣколикихъ, такуюжде ревность и подобное намѣреніе о монашествѣ имѣвшихъ, стяжавъ. Наипаче же егда и наставника и руководителя къ сему сподобися имѣти въ Братскомъ Богоявленскомъ святомъ монастыри пребывавшаго благоговѣйнѣйшаго іеросхимонаха отца Пахомія, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустынь поживе, и имѣяше у себе нѣколико и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ многія ползы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми ревность ону въ душѣ его воспламеняше. Но обаче и ученіе школьное и дотолѣ еще со усердіемъ проходилше. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распушенія школь, еже бываетъ іуліа 15-го дня аще и пребывалъ во ученіи школьнѣмъ, обаче уже не съ толикимъ усердіемъ якоже прежде, желаніе бо монашества превозмогаше въ души его, и не попускаше ему болѣе во ученіи пребывать, но понуждалше его аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти монахомъ. Къ сему въ немъ ни единого успѣянія. Пришедшу же лѣту, оставивъ бѣ, и отъѣхавъ къ матери своей въ Полтаву, яже егда увидѣ его неизреченныя радости исполнися и со слезами благодарящи Богу, яко по двоелѣтномъ времени едва дождалася увидѣти его. Такожде и

онъ зѣло возрадовася сподобився Божією помощію узрѣти ю. Зѣло бо по Бозѣ любяще ю и почиташе яко мать свою. Пребывая убо въ дому своемъ упражняшеся въ чтеніи книгъ святыхъ, и возгаряшеся огнь любви Божія, въ сердцѣ его, и ревность къ монашескому житію и странничеству. Тако ему пребывающу, умысли о намѣреніи своемъ и матери своей совершеннѣ объявити, яже аще и давно уже вѣдѣаше о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшеся яко онъ по окончаніи аще и несовершеннѣмъ школьнаго ученія, оставивъ предложеніе свое о монашествѣ, и по закону Хрістіанскому оженився и священникомъ яко наслѣдникъ отца своего ставъ, будетъ о ней яко о матери своей подобающе имѣти попеченіе. И она будетъ имѣти его старости своей подпору и желасное утѣшеніе. Паче же всего зѣло желаше да не испразднится и родъ ихъ: дванадесять бо чадъ имѣяше, ихъ же всѣхъ, кромѣ его единого предъпосла ко Хрісту. Онъ же изъ нихъ единъ точію оста, и тѣмъ въ старости на нѣкое по Бозѣ окормленіе и утѣшеніе, и наслѣдія рода и дому ихъ Величковскихъ уже не оставшагося на возстановленіе. Такову убо имѣющей тѣмъ надежду, егда извѣсти ей намѣреніе свое о монашествѣ непремѣнное, то неудобно изрещи якова печаль и скорбь постиже душу ея. Совѣтоваше¹ же и тужаше, многажды же и плакаше, и утѣшиться не хотѣше, и со слезами его увѣщаваніе не оставити же истребитися и дому ихъ, еже неизбѣжно послѣдовати имать (якоже и послѣдова) изшедшу тебѣ, рече, изъ міра въ монашество. Видя же онъ гражданинъ небесный, такову ея печаль и скорбь, аще и зѣло имѣя къ ней яко къ матери своей любовь, соболѣзноваше о ней душею, но обаче въ намѣреніи своемъ пребывая непреклоненъ. Утѣшаше ю по силѣ своей прося и моля не скорбѣти о его монашества намѣреніи, но паче радова-

¹ Вероятно, описка. По смыслу больше подходит: сѣтоваше.

тися о семъ и веселитися и прославляти Бога, давшаго ему Своею благодатию таковой помысль. И на Его всемогущій промысль всю о своемъ окормлении имѣти надежду. Увидѣвъ же яко отнюдь не можаше утѣшиться, но день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби и печали. Извѣстивъ о намѣреніи своемъ, и о скорби ея духовнику своему: иже совѣтова ему, утѣшенія ради матери своея, яко да не предасть себе въ болшую печаль, бесѣдовати съ нею смотрителнѣ, аще и поверхнымъ образомъ по ея воли. Пріемъ убо отъ духовника своего совѣтъ таковъ и послѣдова: не дерзая уже болѣе о предложеніи своемъ тѣмъ воспоминати. Но бесѣдоваше къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утѣшаху душу ея. Извѣщаваше бо сй яко подобаетъ ему первѣе окончати школьное ученіе, яко де не будетъ крайній невѣжда не могій къ народу хрістіанскому и единого проглаголати слова, но да будетъ не точію во священствѣ, но и во ученіи слико мощно будетъ ему правдѣ и дѣла, отца же и брата его наслѣдникъ, иже бывше учени, въ проповѣди слова Божія труждахуся. Таже по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолитъ, то удостоитъ и его аще и недостойнаго, якоже степене ихъ, тако и труда въ проповѣди ученія Хрістова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышавши отъ него мати его, не малу пріемлюще въ души своей отъ печали оныя отраду. Надѣяшеся бо яко по времени исполнится ся желаніе. Пришедшу же времени ученія школьнаго, начатъ приготовлятися, и отъѣхавъ въ Кіевъ, провождающей его матери его; даже до града Решетилówki, разстояніемъ за тридесять верстъ. Пренощевавше же тамо, отъѣхаль онъ въ путь свой, и еще мало проводившей его матери его: таже остановившися мало на единомъ мѣстѣ, и начатъ мати его аки бы увидѣвшая, яко уже отходитъ отъ нея невозвратнымъ отхожденіемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременнѣй его не узритъ, со многими слезами глаголати къ нему, прося его

и моля, и всяцѣмъ образомъ увѣщаваѣя не оставити ся, но пребывати во ученіи школнѣмъ до подобающаго времени. На всякое же лѣто прїиздѣти къ ней по обычаю: да поне на малое время видѣніемъ его имать отраду въ души своей. Такожде и онъ видѣя ся таковыя неутѣшимыя слезы, и извѣстно вѣдая, яко уже болѣе ся въ жизни сей не имать узрѣти, отъ естественныя его къ ней любви плакаль и рыдалъ, и припадая къ ногамъ ся просилъ матерняго ся прощенія и послѣдняго благословенія, частѣ со слезами лобызая святую ся десницу. И утѣшая ю аще и смотрителнѣ по предреченному наставленію духовника своего, благопрїятными ей словесы. И тако получивъ на путь матерныя ся молитвы и благословеніе разыдошася. Она убо отѣде въ домъ свой плача купно же и тѣша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ его къ ней о повиновеніи его; онъ же отѣхалъ въ путь свой. Аще и зѣло сожалѣя о матери своей, помышляя будущую неудобостерпимую печаль и скорбь души ся, о его невозвратномъ уже отъ нея отшествіи. Обаче и радуся и прославляя Бога, несумнѣнную на Него надежду имѣя яко благодатію Своею сподобитъ его намѣреніе его самимъ дѣломъ исполнити. Прїихавъ же въ Кіевъ, отпусти вспять съ возомъ къ матери своей привезшаго его, написавъ къ ней яко помощію Божіею, и ся матерными молитвами благополучно прїихаль въ Кіевъ. Оставивъ убо друзей за еже пренятствовали ему ко скорому отшествію и наченъ помышляти что сотворю и гдѣ пойду, разжегся же душею къ странствованію изыде изъ Кіева и странствовавъ много, и пострадавъ безчисленно, прїиде во единъ монастырь пустынный, идѣже прїять былъ и опредѣленъ въ послушаніе; и егда наста постъ Пресвятыя Богородицы, на Преображеніе Господне постриже его игумень въ расофоръ. Пребываше убо во обители онѣй проходя общее въ церквѣ и трапезѣ послушаніе со усердіемъ, еще же и отъ произволенія своего поварю по-

мощь нѣкую творяше. Овогда воду малимъ бариломъ на двоухъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая, съ радостію. И правила церковнаго, во дни убо егда руку подающе, въ нощи же никогда же оставляше. Не подобаетъ же молчаніемъ покрыти и сіе, еже азъ написавый его житіе, отъ устъ его слышахъ, и лишити братій моихъ пользы. Егда азъ изыдохъ изъ міра и придохъ ко блаженному отцу нашему въ послушаніе въ монастырь Драгомирну, въ 1766 году, имѣхъ послушаніе въ поварнѣ, и проходя е со всякимъ усердіемъ и страхомъ Божиимъ¹ два лѣта, имѣя отъ него въ души моей неизреченную пользу, таже ослабѣвъ ногама зѣло, и едва могохъ ходити. Единою придохъ къ нему, яко отцу чадолюбиву, возвѣщая болѣзнь мою. Онъ же утѣшая мене, отверзъ святая своя уста и рече, нѣсть брате тяжчайшаго послушанія якоже въ поварнѣ, занеже все служеніе на ногахъ. Приложи же и о себѣ глаголати: Егда бѣхъ юнъ, и сподобихся съ неизреченною радостію начало пріяти святаго монашескаго образа, положихъ въ души моей таковое намѣреніе, еже не лежати никогда же, но весь день въ послушаніи на ногахъ, а всю нощь стояти на правилѣ, и стоя, мало пріимати сна. Пребывъ убо въ семъ нѣкое время, и возболѣша ми нозѣ, тако что и ходити не могохъ: принужденъ убо быхъ и нехотящъ оставити намѣреніе мое. Таже положивъ въ себѣ сѣдя пріимати мало сна; обрѣтохъ же лубяну коробочку, и часть единыя страны вирѣзавъ, и тако сѣдя на ней мало пріимахъ сна; егда же усипахъ крѣпко, тогда коробочка мя возбуждала, она превратится, а я съ ней упаду, и возбудившись до церкви бѣжу смотрѣти, не проспалъ ли начала утрени, и егда видѣхъ церковь заключенну, тогда съ радостію возвращахся въ келлію благодаря Бога. Нѣкогда же привниде бесѣда о

¹ Так в рукописи.

многоспаніи: глаголаше бо блаженный къ намъ присно: не много спите; единою укоряя насъ глагола: азъ въ юности молихся Богу чотыредесять дней, чтобы не спати много; и получивъ отъ Господа, что доволно мнѣ было три часы въ сутки на сонъ. Нынѣ же, аще случится заснути мнѣ три часы, то въмѣняю велію благодать Божию: многажды бо желаю поне единъ часъ уснути и не могу. А вы себе волю въ разслабленіе сна предасте отъ лѣности, не хотяще подвижатися. Наки же возвратимся къ первому бесѣдованію. Тамо убо ему во обители онѣй подвижающуся, и тихо и мирно пребывающу, Божіимъ понущеніемъ воста гоненіе на обитель ону, и на вѣру православную, отъ злославныхъ властей полскихъ. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повелѣ собратися всѣмъ монахомъ въ келлію игуменову, и начатъ многоразличными словесы увѣщавати ихъ къ соединенію злочестію своего. Егда же увидѣ яко отнюдь не восхотѣша преклонитися на злочестіе его, разгнѣвася, и вшедъ въ церковь преписа вся сосуды церковныя, изшедъ же изъ церкви заключи ю и запечатлѣ печатію своею, и вземъ ключи отъ церкви отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещеніемъ. Сего ради не малое бысть смущеніе во обители онѣй. Увидѣвъ же бо отцы святіи яко уже болѣе единаго мѣсяца церковь стояше затворена, начаша нѣцыи отъ нихъ расходитися гдѣ кто изволяше. Блаженный же видя таковое гоненіе на вѣру православную отъ злославныхъ, моляшея Господеви да имиже вѣсть судьбами наставитъ его на путь Свой. По Божію же смотренію два монахи тояжде обители, идоша въ Кіевъ, съ ними же и онъ, пришедшымъ же имъ тамо прияти быша въ Кіевопечерскую Лавру, и опредѣлиша онѣхъ монаховъ на иная послушанія, а его въ тѣпографію учиться рукодѣлію иконы изображати на мѣди. Келлію же ему опредѣлиша среднюю во ікономскомъ ряду, въ нейже единъ іеромонахъ и

ієродіакопъ перебуваху. Приходѣше же онъ ко учителю своему ієромонаху Макарію дважды на день, и обучашеся отъ него рукодѣлію оному. Онъ же его по Богу любяше за его молчаніе, кротость и смиреніе. Паче же егда совершеннѣ увѣрися о немъ, яко отъ словесъ его и разговоровъ яже съ приходящими къ нему имѣяше, никомуже поне и единого слова не извѣщаше, зане въ юности его сей бѣ въ немъ аки естєственъ обычай: чтолибо видѣ или слыша отнюдъ никомуже отвѣщаваше, но внимаше точію себѣ. Егда же наста святой и Великій постъ, пойдє къ началнику Далнія пещеры преподобнѣйшему отцу Іоанну ієросхимонаху, и высновѣдавъ предъ нимъ всю свою совѣсть. Иже по совершеніи тайны святаго исповѣди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощальныя, со слезами рече къ нему. Се чадѣ, якоже уразумѣхъ отъ исповѣди твоея, Богъ нмиже вѣсть судьбами сохранилъ ты еси въ мірѣ даже доселѣ отъ великихъ грѣхопадєній. И аще бы житіє твое было нгдѣ въ пустынной обители, подѣ наставленіємъ искуснаго старца, то негли помощію Божією возмогъ бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти, поне отъ главнѣйшихъ согрѣшеній. А понеже произволилъ еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посредѣ міра обрѣтається съ нами грѣшными перебувати, то зѣло боюся да не како яко младъ еще сый постраждєши послѣднее и крайнее души твоея разорєніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси. Разорєнію же такому вина есть, аще дружєство будєши имѣти съ такими иже юни суть и лѣти и разумомъ, и неутверждєни душами въ страсть Божію. Дружєству же такому и душегубителному вину подаси, аще будєши употребляти каковоелибо пїянственное питіє. Аще убо хочєши отъ всея души твоея спасєнія души твоей, то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдъ не пити никоегоже пїянственного питія: тако бо помощію Божією и отъ дружєства погибєльнаго, и отъ крайняго разорєнія души твоея убѣгнути возмо-

жеши. Сія рекъ вопроши его глаголя: можеш ли, чадѣ, такому совѣту моему послѣдовати дѣломъ? Онъ же извѣсти ему, яко отъ рожденія своего горѣлки не пивъ, зане и естеству его таковое питіе противно есть, и отнюдъ не можетъ его употребляти. И яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушнѣ пріемлетъ, и самимъ дѣломъ Богу укрѣпляюще его исполняти будетъ. Онъ же о семъ зѣло возрадовался рече къ нему: аще, чадѣ, совѣту моему по обѣщанію твоему дѣломъ послѣдовати будещи, то вѣрю Богу яко благодатію Своею сохранить тя отъ всякаго душевнаго вреда. Извѣстно же да всѣи яко тѣи иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлеци, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, и всякимъ образомъ убѣждающе тебе пити пиянственный напитокъ съ ними; аще же на сіе отнюдъ не повинешся, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гнѣватися на тебе и злопомнѣти. Но ты Богомъ укрѣпляемъ вся претерпѣвай, воли же ихъ никакоже покарайся. Но елико возможеша бѣгай отъ еже съ таковыми дружество имѣти, отъ сего бо вся злая раждаются, сіе же искушеніе будещи имѣти до нѣкоего времени. Увидѣвши бо ты таковій яко отнюдъ не піеши пиянственного питія, еже есть вина неполезному дружеству, престанутъ тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будещи имѣти преглубокій миръ въ души твоей. Онъ же пріемъ таковъ душеполезный совѣтъ зѣло возрадовался, и поблагодаривъ ему изыде прославляя Бога яко сподобилъ его отъ таковаго святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяше же по совѣту его ни единого пиянственного питія, кромѣ води или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася: и стуженіе бо не малое доволное время отъ таковыхъ имѣяше, и миръ глубокъ послѣде отвсюду обрѣте, тихо и мирно въ Лавръ святѣй пребывая. Любяху же его и вси началствующіи отцы тоя святыя Лавры.

Нребывающу ему въ сѣй святѣй Кіевопечерской Лаврѣ, наставшу лѣту, прииде на поклоненіе въ Кіевъ невѣстка его, сожителница покойнаго брата его Іоанна священника, съ братомъ своимъ роднымъ Феодоромъ и дядею его Симеономъ. Пришедшымъ же имъ на поклоненіе во святую Кіевопечерскую Лавру, придоша и къ нему въ келлію его, и сѣдшымъ по обычаю и бесѣдующымъ съ нимъ, начать невѣстка его повѣдати ему о матери его: яко мати твоя, рече, по отшествіи твоємъ въ Кіевъ ученія ради, пребываніе въ дому своемъ со мною, овогда плакаше яко не видяше тебе, овогда же и утѣшая себе надеждою яко не оставиши ея. Егда же чрезъ надежду ея прииде вѣсть изъ Кіева къ пей яко уже ты невѣдомо гдѣ изъ Кіева отшелъ еси, толь неисповѣдимая печаль объять душу ся, яко неутѣшимо плаканіе и рыданіе. Таже не могуци утѣшити себе отъиде въ Кіевъ на изысканіе твое зимѣ належачей великой, идѣже прихавшей сѣ, искаше тебе всюду прилѣжно по святымъ обителямъ Кіевскимъ и скитамъ. Егда же отнюдь не обрѣте тебе, возвратися въ домъ свой съ неизреченною нуждею, мало бо не умре въ пути отъ зѣло прелютыхъ мразовъ. Прихавши же въ домъ непрестанно плакаше и рыданіе день и ночь никомуже могущу утѣшити ея. Таже егда по доволномъ времени нестерпимая печаль и скорбь пооблада душею ея, не могуци уже болѣ терпѣти, умысли дотолѣ не ясти ни пити дондеже умреть. И оттолѣ никтоже можаше увѣщати ея, или убѣдити ноне мало вкусити пищи или питія, по малѣхъ же днехъ толь изнеможе отъ неяденія яко умъ ея не можаше уже здраво дѣйствіе свое совершати, но начать мѣшатися, тѣмъ же и бесѣдоваше овогда здраво, овогда же невѣдомо что. Таже изнемогши въ конецъ ляже на одрѣ своемъ, чая уже

скоро умрети. Собрашася же и мнози отъ сродникъ ея, и не отходно присѣдаху при ней зѣло сожальюще о ней. Таже увидѣвши нѣкое видѣніе ужасеся, и начать зѣло прилѣжно молити сродниковъ, яко да скоро дадять ей книгу глаголемую Акаѣстикъ¹, давшимъ же ей начать гласно чести Акаѣстъ Пресвятѣй Богородицѣ безъ всякаго погрѣшенія, яко всѣмъ о семъ удивитися; и егда совершаше, паки начинаше чести тойжде Акаѣстъ. Егда же прочте нѣколико кратъ, восхотѣша взяти книгу тую изъ рукъ ея, но не возмогша: зѣло бо крѣпко держаше ю въ рукахъ своихъ непрестанно чтуци тойжде Акаѣстъ. И познаваху сродницы яко видяци нѣчто, чтеніемъ непрестаннымъ Акаѣста защищаше себе. Егда же преиде день единъ и ноцъ чтущей ей Акаѣстъ, сѣдящимъ близь ея сродникомъ и взырающимъ на ню, лежащей ей на одрѣ, абіе внезапу воззрѣ очима своими горѣ, и стояху очи ея неподвижно водружени зрѣніемъ горѣ мало не на полъ часа, всѣмъ удивляющимся о семъ и недоумѣвающимъ, что имать быти. Таже воззва велегласно: аще тако есть воля Божія, то уже отселѣ не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ. Сродницы же со ужасомъ вкушѣ и радостію услышавше сіе начаша прилѣжно вопрошати ю, что видѣла есть. Она же ничтоже на сіе отвѣщаваючи, моляше ихъ, яко да призовутъ къ ней духовника ея. Призвану же бывшу духовнику, исповѣда ему вся яже имѣяше, по исповѣди же обратился совершенно умъ ея къ ней. Отшедшу же духовнику внидоша къ ней сродницы, и начаша паки вопрошати ю, что видѣла есть, уразумѣвше же яко превеликія ради слабости тѣлесныя, отъ нея же едва жива остана, не можаше съ ними бесѣдовати. Начаша убо первѣе пецнися о укрѣпленіи ея, вливающе ей ложницею воду во уста, таже и пицу подаваху ей зѣло легкую, варяще вареніе рѣдкое и ложницею питающе ю своими руками, аки малое отроча, дондеже по малу и сама начать

¹ Так в рукописи.

приимати пищу. Егда же укрѣнися мало воздвигоша ю на одрѣ и посадиша, сѣдящи же начать повѣдати имъ видѣніе свое еже видѣ. «Яко азъ, — рече, — егда уже отъ толь много неяденія въ конецъ ослабѣхъ, и чаяхъ скоро умрети, приидохъ во ужасъ великій, и увидѣхъ множество бѣсовъ зѣло престоашныхъ и мрачныхъ, покушающихся напасти на мя, отъ ихже видѣнія зѣло ужасшейся душѣ моеи, начахъ просити книги Акафістика, приѣмши же ю, прилѣжно чтяхъ Акаѣиствъ Пресвятѣй Богородицѣ непрестанно, всю мою на Ню по Бозѣ возвергши надежду, и чтеніемъ Акаѣиста защищахъ себе отъ нападенія бѣсовъ: слышаше бо мя чтуща Акаѣиствъ тренетаху отъ страха, и стояше издалеча отнюдѣ не смѣяху приближиться ко мнѣ. Сего ради и егда хотѣсте книгу ту изъ рукъ моихъ взяти зѣло крѣпко держащи ю рукама моима не дахъ ся вамъ: въ таковой бо нуждѣ сущи, чтеніемъ точію Акаѣиста защищахъ себе отъ бѣсовъ. Егда же преиде день и нощь чтущей мнѣ непрестанно Акаѣиствъ, абіе быхъ въ восторзѣ и воззрѣвши горѣ видѣхъ небеса разверста и Ангела Божія аки молнію зѣло пресвѣтла спеша съ небесъ, иже ставъ близъ мене начать глаголати ко мнѣ: "О окайная, что сотворила еси. Вмѣсто бо еже отъ всея души и отъ всего сердца твоего возлюбити тебѣ Хріста Господа и Создателя твоего паче всякаго созданія, ты созданіе Его, сына твоего паче Его Создателя твоего возлюбила еси его, и богопротивныя ради и неразумныя любуе твоея юже къ сыну твоему имаша, умыслила еси саму себе голодомъ уморити, и за сіе вѣчному осужденію Божію подпасти. Аще бы сынъ твой оставивъ тебе, уклонился въ разбойническое житіе, или во иное беззаконное, то и тако не подобаше тебѣ безмѣрно скорбѣти, всякъ бо о себѣ воздастъ отвѣтъ въ день судный. Сынъ же твой по воли Божіей отшедъ отъ тебе въ монашеское житіе, подобаше ли тебѣ тако отчаянно скорбѣти и погубляти душу твою. Извѣстно же вѣжды яко сынъ твой благодати Божіей споспѣшествующей

непремѣнно будетъ монахомъ. Подобаетъ же и тебѣ подражающей въ семъ сына твоего, отринуты всю о немъ скорбь, и отрещися міра и всѣхъ яже въ мірѣ и быти монахиною: тако бо есть воля Божія. Аще ли же таковой воли Божіей будещи противна, и печали и скорби таковыя отчаянныя, юже о сынѣ твоємъ имаше, отъ всего сердца и души твоея не отринени, то тако Христа Господа Бога и Создателя моего, яко абіе ты предашь бѣсовомъ ждущимъ пояти тя, яко да поругаются отъ души и тѣла твоего, яко да научатся и прочіи родителіе не любить чадъ своихъ наче Бога". Таковая и подобная симъ Ангелу Божію рекшу ко мнѣ, возонихъ, аще тако есть воля Божія, то уже отселѣ не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ, и абіе исчезоша бѣсы, Ангелъ же Господень радуясь взыде на небо». Сродницы же слышавше сія отъ нея ужасающесе прославляху Бога, яко имже вѣсть судьбами Своими избави ю отъ таковыя отчаянныя скорби и самоизвольныя смерти, и даде ей животъ и здравіе и произволеніе къ монашескому житію. И веселящесе о семъ отыидоша въ дома своя. Мати же твоя, рече къ нему невѣстка, помощію Божією принедеши въ совершенное здравіе, аще и часто о тебѣ плачетъ отъ естественныя къ тебѣ любви, но поминая обѣтъ данный предъ Богомъ не скорбѣти о тебѣ безмѣрно, удержаваетъ себе отъ таковыя скорби по силѣ своей, и приуготовляется вседушиѣ оставить міръ и вся яже въ мірѣ и пойти въ монастырь дѣвичій Святопокровскій, пять верстъ отъ града Полтавы отстоящій, во еже сподобитися тамо святаго и ангелскаго монашескаго образа, идѣже и мати ея, твоя же баба начальница монастыря того, еще въ живыхъ обрѣтается, и сестра ея родная, твоя же тѣтка госпожа Агапіа монахиня въ томже монастыри пребываетъ. Сія же ему повѣдавши невѣстка его и совершивше поклоненіе святымъ мощемъ возвратися съ миромъ въ Полтаву въ домъ къ матери его. Блаженный же вся сія и подобная симъ отъ нея услышавъ, зѣло ужасеся душою

своею о семь, яко отшествіемъ своимъ отъ матере своея, толь превеликую и нестерпимую и ненадежную скорбь нанесъ души ея, яко голодомъ умыслила бѣ саму себе уморити, аще не бы всемогущій промысль Божій дивнѣ отъ смерти таковыя избавилъ. Возрадовася же и радостию несповѣдимою, яко повинувшиися воли Божіей, воспріяла намѣреніе быти монахинею. Вшедши бо въ монастырь той пострижеса, и пребывши во иночествѣ подвижающихся о спасеніи души своея съ десять лѣтъ и болѣе, преставися ко Господу.

Пребывающу же блаженному во святѣй Кіеволечерской Лаврѣ зѣло пользовашеся душею, видѣ бо тамо изъ святыхъ отецъ онѣхъ подвижники великія и постники дивныя, изъ нихже первый бѣ предреченный начальник Далныя пещеры отецъ Іоаннъ іеросхимонахъ прозваніемъ Кмита, иже бѣ соборный духовникъ. Сей вкунѣ съ покойнымъ блаженныя памяти старцемъ отцемъ Василіемъ прежде пришествія еще его во Угровлахійскую землю въ пустынѣ поживе лѣтъ три.

Второй, всечестный отецъ Павелъ іеросхимонахъ, и въ мірскомъ житіи бѣ священникъ великія похвалы достойнаго житія, постригся же монахомъ, и за великую его добродѣтель посланъ бѣ въ Китайское государство во обрѣтающійся тамо монастырь, идѣже преживъ определенное время, отпросился на житіе въ Кіеволечерскую Лавру, въ нейже богоугодно пребывая, имѣяше отчасти и книги отеческія, отъ нихже нѣкія и дающе на прочтеніе удостояя его и душеполезныя своя бесѣды и много пользоваше.

Третий, сынъ святаго мужа сего по плоти, Феоктість іеромонахъ¹ начальникъ иконописцевъ, зѣло благоговѣйнѣйшаго житія, кроткій и смиренный и всѣми добродѣтелми украшенный и великій воздержникъ.

¹ В рукописи: іермонахъ.

Четвертый, отецъ Лларій іеромонахъ Великороссіецъ, иже близъ Далнія пещеры въ саду въ келліи пребываше, крайнымъ воздержаніемъ и пощеніемъ зѣло истая тѣло свое, яко взирая на священнолѣнное лице его ужасашеся о истаяніи его, мняшеся бо мнѣ, кожею точію покровено быти, и отъ самага воззрѣнія на него всякъ пользу великую приимаше.

Пятый, иже на тойже Далней пещерѣ пребываше схимонахъ единъ, иже чстыредесять лѣтъ и болѣе вождаше поклонниковъ по святѣй пещерѣ сей, крайнее воздержаніе и пощеніе проходя, ношаше на голомъ тѣлѣ своемъ срачицу сплетену съ толстаго дрота¹ обращену остротою внутрь, долготою до пояса; иже остроты ради тоя отнюдь на одрѣ не лежаше, но сѣдя мало приимаше сна.

Шестый, подначалій ковалскій², великій воздержникъ и подвижникъ, иже желѣзо на себѣ ношаше чстыредесяти фунтовъ тяготою, сей по Бозѣ любяше его, къ немуже приходя пользовашеся отъ духовныя бесѣды его.

Седмый, отецъ Никандръ начальникъ надъ варивомъ, такожде великій подвижникъ, и сей по Бозѣ его любя, частѣ къ себѣ призываше и бесѣдоваше словеса душеполезная, ношаше же и сей на себѣ поясъ желѣзный тринадесяти фунтовъ тяготою.

И прочіи же мнози тамо бяху велицыи подвижники, на нихже взирая радовашеся и прославляше Бога, яко сподобилъ его съ таковыми святыми мужы пребывати. Умиляшеся же блаженный, пребывая тамо, отъ внѣшнія красоты, и отъ внутренняго церковнаго благочинія, сладкопѣнія и чтенія, наипаче же отъ мощей прендобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ чудотворцовъ Печерскихъ, и весь растопляшеся любовію къ тому святому мѣсту.

¹ Дротъ — проволока.

² Подначалій ковалскій — помощник кузнеца.

А понеже не исполнися первоначальное его намѣреніе, еже бы изыти изъ міра въ странничество, съ предреченными возлюбленными своими други, и пребыти въ безмолвіи у нѣкоего богоугоднаго мужа во святѣмъ послушаніи. Ниже самъ изшедъ въ странничество сподобися, аще и отъ всея души поискавъ принять быти въ послушаніе отъ пустынножителя Іесѹхія, того ради положился бѣ вседушнѣ во святѣй той Лаврѣ неисходно даже и до послѣдняго своего издыханія пребыти. Пребывая же въ ней съ неизреченною радостію болѣе года, не имѣя прочее ни тончайшаго помысла изыти нѣгдѣ когда отъ нея.

Единою же повидѣвъ его всечестный въ монасѣхъ предреченный подъяначальи ковалскій позва въ келлію свою; и повелѣвъ сѣсти взирая на нь съ жалостію, начать глаголати къ нему: «Брате возлюбленный, зѣло жалѣю о тебѣ за сіе, яко ты отъ сея святыя Лавры и отъ насъ отидеши, и поидеши во ино мѣсто, идѣже тя Богъ поставитъ». Онъ же паче чаянію слышавъ сія отъ него, зѣло удивився о семъ, глагола къ нему: «Вѣру ми ими, пречестный отче, яко азъ и тончайшаго помысла о исхожденіи отъ сея святыя Лавры не имамъ, но предложеніе имѣю, аще мнѣ Богъ поможетъ, и до послѣдняго моего издыханія неисходно пребыти въ ней, и живу здѣ съ радостію благодаря вседушнѣ Богови, яко сподоби мя въ семъ святѣмъ мѣстѣ со святыми отцы пребывать». Онъ же рече къ нему: «Извѣстно да вѣси, брате, яко по малѣ времени слово мое самымъ собудется дѣломъ, и пнако не будетъ, и тогда вѣровати имаша яко истинну тебѣ глаголахъ». Онъ же, вѣдая его велика подвижника суща, не смѣя болѣе прекословити ему, поклонися ему изыде изъ келліи; и пришедъ въ келлію свою зѣло удивляшеся о словеси его, помышляя како можетъ сіе быти, идѣже и помысла тончайша о исхожденіи моемъ отъ сего святаго мѣста не имамъ. Пребывшу же ему въ непрестанномъ

размышленіи семь нѣколико дней, прииде посѣтити его любезный и единомушный другъ Алексій родимецъ Кіевскій, по обычномъ же другъ друга поздравленіи сѣдящимъ имъ вкунѣ и бесѣдующимъ, начать глаголати къ нему: «Возлюбленный мой отче и единомушный о Господѣ друже, помяни, яковъ мы завѣтъ въ душахъ нашихъ положили бѣхомъ не постригатися и не жити въ таковыхъ обителехъ, идѣже всякое изобиліе во всякомъ тѣлесномъ упокоеніи обрѣтается. Но изшедшимъ изъ міра въ странничество и постригшимся на безмолвіи отъ нѣкоего мужа, пребывати у него во святѣмъ послушаніи другъ со другомъ неразлучно до послѣдняго издыханія, нужную пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающимъ. Таковъ завѣтъ въ душахъ нашихъ имѣхомъ утверждень. И се якоже вижду оставилъ еси намѣреніе оно, изшедъ бо въ странничество и сподобився монашескаго образа вмѣсто сже пребывати въ безмолвіи, паки во отечество наше возвратився, въ сей святѣй обители противу завѣту нашему пребываеши». Онъ же рече къ нему: «Таковъ воистинну завѣтъ, возлюбленный друже, якоже реклъ еси, имѣхомъ въ себѣ, но исходя изъ міра, ни со единымъ отъ любезныхъ нашихъ друзей не сподобихся въ странничество изыти. Возлюбленный бо нашъ другъ Димитрій, исходящу мнѣ изъ міра въ странничество, не послушавъ моего совѣта остася въ мірѣ. Азъ же самъ изшедъ въ странничество, и не сподобився у нѣкоего свята мужа на безмолвіи пребывающаго, аще и со многими слезами молихъ его, во святое послушаніе принять быти. И аще въ нѣкой пустынной обители и сподобихся начало святаго монашескаго образа воспріяти, но ово не имѣя единомушнаго друга, ово же приключившейся и нѣкой во обители онѣй благословной винѣ, возвратився во отечество свое пребываю въ сей святѣй обители». Онъ же рече къ нему: «То уже отсель не имаше ли намѣренія нѣкогда изыти

отсюду?» Блаженный рече къ нему, яко и топчайшаго помысла о семъ не имамъ. Опъ же рече къ нему: «Аще ли же быхъ азъ восхотѣхъ съ тобою изнелъ въ странничество пребывати неразлучно на пустыни, то не изнелъ ли бы еси со мною?» Блаженный рече къ нему: «О возлюбленный друже, аще бы могло сіе быти, то абіе съ радостію изнелъ быхъ съ тобою». И тако согласившеся изыдоша: и прешедшу предѣль¹, удержани быша отъ сродника Алексіева, таже прихала мати и взяла Алексіа; и кто можетъ изрещи, яково тогда между ними слезное бяше разлученіе. Алексій взять матерію въ домъ и не хотящъ, плача и рыдая о друзѣ своемъ. Блаженный же слезя и плача разлучився, со нѣмъ поиде, и придоша въ монастырь Живоначалныя Троицы именуемый Мотренинъ, благополучно: идѣже и пріять ихъ съ радостію создатель тоя обители пречестнѣйшій схимонахъ отецъ Ігнатій. Придоша же въ началъ Святаго и Великаго поста. И обрѣтоша тамо пречестнѣйшаго іеросхимонаха отца Міхаила старца; къ немуже частѣ приходя пользовая, между прочіими же бесѣдами, объяви старецъ, яко на нѣкое время точію приде тамо, имѣеть же въ Монтанской земли скитъ свой и братію, и по времени возвратитися имать къ нимъ. Тогда и блаженный возвѣсти ему намѣреніе свое, яко имѣеть желаніе тамо ити и жити въ оной земли, идѣже Богъ благоволить. Старецъ же зѣло возрадовался, и похваливъ намѣреніе его, совѣтовавъ же ему ити въ скитъ свой именуемый Треистены, въ немже ученикъ его отецъ Дометій іеромонахъ съ братією пребыване, и тамо ожидати пришествія его.

Блаженный же таковой совѣтъ отъ него услышавъ возрадовался, и ожиданіе дождеже святой и Великий постъ скончится. По пресвѣтлѣмъ же праздницѣ Воскресенія Хрїстова, прислѣвцу уже времени отшествія,

¹ Глосса на полях: границу.

согласившеся со спутники честными троими монахи, и приготовившаея въ путь, поблагодаривше же строителя святыхъ обители и взявше благословеніе, приидоша въ пустынную келлію къ старцу, иже съ великою радостію и любовію пріяты ихъ, учредивъ сугубо тѣлесною пищею, и духовною душеполезною бесѣдою; моливъ же блаженный онаго святаго старца и о предреченнѣмъ своемъ духовнѣмъ друзѣ Алексіи, аще Богъ несповѣдимыми Своими судьбами изведъ его къ святыни его приведетъ, да приметъ его яко отецъ чадолюбивый, яко чадо свое духовное къ себѣ, и съ собою возьмъ въ предреченный свой скитъ приведетъ, повѣдавъ ему подробну вся о немъ. Старецъ же с радостію обѣщася прошеніе его исполнити. Таже взявше благословеніе на путь изыдоша. Шествующе же мнози дни, благополучно достигоша въ Монтянскую землю, и приидоша во единъ скитъ святыхъ Архангелъ именуемый Долгоуцы, иже бѣ подъ духовнымъ управленіемъ блаженныя памяти старца отца Васіліа схимонаха; въ немже начальникъ быше честный отецъ іеромонахъ ученикъ его, иже съ великою радостію пріяты ихъ и упокои страннолюбѣ. Увидѣша же тамо и нѣкихъ честныхъ отецъ на отшелствѣ сѣдящихъ, разума и разсужденія духовнаго исполненныхъ, и пользовашеся отъ бесѣды ихъ. Пребываше же тамо нѣколько дней, и поблагодаривше отцу начальнику отыдоша, и Божіимъ поспѣшествомъ приидоша въ скитъ святителя Христова Николаа именуемый Трейстены, отъ предреченнаго скита мало не единого дне разстояніе имущій. Егоже начальникъ вышепереченный отецъ Деметій іеромонахъ съ великою любовію пріяты ихъ и упокои. Въ скитѣ ономъ въ общинѣ до дванадцати братій пребываху, прочіи же до пятидесяти братій на отшелствѣ близъ скита сѣдаху, все окормленіе житія своего въ нищѣ и одеждѣ отъ праведнаго труда рукъ своихъ имуще. На все правило же церковное вси обще и общежителни и отшел-

ниці собирахуся. Воспомяну же единого изъ отшельниковъ: бѣ тамо схимонахъ Протерій родомъ Малоросіанинъ Полтавскаго полку изъ града Решетилівки, въ міръ художествомъ бѣ златарь. Сей въ монашествѣ зѣло прекрасныя ложки дѣлая и продавая, съ неисповѣдимою любовію странныхъ монаховъ пріемля угощаваше. Отъ великаго же милосердія¹ своего, многоразличныхъ по воздуху летающихъ птицъ питае, изобилную имъ во время приличное подавая пищу, яже собирающеся къ келліи его на всякъ день ожидаху времени онаго, емуже пришедшу отверзаше окно келліи своея, и влетающе въ келлію его безъ всякаго страха, ядяху подаваемую имъ пищу; изъ нихже яковулюбко хоташе бране на руцѣ свои и поглаждане и испускание, и отнюдь не бояхуся его. Насыщешся же пищи, излетяху вонъ. Егда же идяше на правило церковное, множество изъ нихъ собирающеся провождаху его идуща къ церкви, овы же окрестъ его летающе, и многоразличными гласы своими поюще. Егда же нмѣяше въ двери церковныя вшити, то вси возлетающе на церковъ, ждуще изшествія его. Изшедшу же ему изъ церкви, абіе слетаху и сѣдяху на немъ подобнымъ чиномъ провождающе его даже до келліи. Сіе видя азъ, рече блаженный, со всѣми, велимъ удивленіемъ удивляхся и прославляхъ Бога, яко сподоби мя такового Своего угодника узрѣти. Въ скитѣ же ономъ пребывающіи созидаху келліи, самому началнику въ семь и во всякомъ дѣлѣ первому со братією труждающемуся, иже ему яко немощну и слабосилну легшее вручаше дѣло, еже по силѣ моеї со усердіемъ тѣшася и совершати. Пребываніе же его бѣ въ трапезѣ, яже за скудость келліи таяжде бѣ и поварня и пекарня. Въ нейже пребывая, и видя на тоє святое послушаніе опредѣляемыхъ братій по единому, спрѣчь варити сѣди и хлѣбъ пекти, зѣло

¹ В рукописи: милоседія.

бояшеся, да не како и онъ опредѣленъ будетъ ꙗкогда на сіе святое послушаніе: не яко презирая тое, да не будетъ, но яко отнюдъ въ семь дѣлѣ невѣжда сый, и мѣнѣимый яко сего святаго дѣла отнюдъ не возможе научитися. И чего бояся, того не убѣже. Единою бо случися всѣмъ братіямъ съ начальникомъ готовящимся ꙗколько дней ходити въ лѣсъ уготовленія ради древесъ на строеніе келлій, призвавъ его начальникъ повелѣ ꙗколькое время варити ястія на братію, онъ же за крайнее нескусство свое ужасеся, съ великимъ стыдѣніемъ извѣстивъ ему совершенное свое въ семь святомъ послушаніи невѣжество. Онъ же уразумѣвъ о семъ, остави со нимъ единого брата яко да покажетъ ему чинъ сего послушанія. Той же научивъ его отчасти, отыде въ лѣсъ ко братіи. Онъ же отъ нескуства забывъ его наставленіе: не вѣдающе, что на предѣ, чтоже послѣжде подобаетъ творити, и овогда варенію избѣгающе хотя отъ огня отставиши опаланне руцѣ и превращанне горцоукъ, и изливашеся вареніе, и воздыханне о семъ и плаканне. И пакы уготавлиаше зеліе, полаганне горцоукъ на огни и варяше снѣдь. И братія во обычное приходяще время и не обрѣтающе готово вареніе отчасти скорбяху. И сами доваривше поставляху трапезу. Таже помощію Божіею приучися мало сему святому послушанію и радовашеся благодаря Богови, яко сподобилъ его упокоевати братіи службою своею. Егда же приучився мало поварстѣи службѣ, восхотѣ начальникъ да обучится и хлѣбъ пекти. Идущимъ убо пакы всѣмъ у лѣсъ предреченныя ради погребы, повелѣ единому брату да покажетъ ему чинъ како хлѣбъ пекти подобаетъ, и да будетъ на трапезу готовъ. Братъ же онъ показавъ ему якоже подобаетъ, по онъ не внявъ и замѣсивъ круто и поставивъ на нещи, да скорѣе возможетъ възгнати, квась же забилъ¹ положити;

¹ То есть: забылъ.

принесть же единъ братъ изъ лѣса увидѣти готовъ ли хлѣбъ, и увидѣвъ яко и тѣсто не взыде, вопроси его, квасъ положить ли еси, тогда онъ отъ страха и стыдѣнія не точію отвѣщати, но и на лице его воззрѣти не могѣи, братъ же той видя его ужаснася утѣши его и спявши поцвы¹ съ пещи вложи квасъ и премѣнили второе, и научивъ отыде въ лѣсъ. Онъ же безмѣрно пещъ разжегъ отъ неискusstва и спаливъ хлѣбъ на два персты сверху и съ исподу. Таже избравъ хлѣбъ отъ исподу обгорѣлый съ пещи, ожидавъ со страхомъ принесть брaтiи. Принесшимъ же имъ съ лѣса и увидѣвшимъ, и разрѣзавше единъ не можаху ясти, онъ же отъ страха и стыдѣнія не вѣдая что сотворити, припадъ къ ногамъ ихъ со слезами прося прощенія, отецъ же начальникъ со брaтiею простиша его, и сваривше мамалину² потравезоваша. И болѣе не полагаху его хлѣбъ некти. Онъ же единою пострадавъ, оттолѣ прилѣжно внимаю како хлѣбъ печется, и тако Богу поснѣшествующу научився и хлѣбъ некти. И еже въ таковой вѣщи пострадавъ дѣломъ, за мое неискusstво, то тое и написавъ онъ саморучно брaтiи приходящей во общество наше, да не ужасаются за свое въ таковыхъ и прочіихъ послушаніихъ неискusstво, Божіею бо помощію и своимъ усердіемъ возмогутъ во искусъ определенныхъ тѣмъ послушаній прійти. По малѣмъ же убо времени пріѣде тамо на посѣщеніе брaтiи блаженныя памяти общій всѣхъ учитель и наставникъ старецъ Василій схимонахъ, иже тамо пребывая, многая душеполезная къ брaтiи излагалъ словеса, яже и онъ слышавъ зѣло пользовася и благодаривъ Бога. Зване же старецъ Василій, чрезъ отца Дометіа, и блаженнаго отца нашего къ себѣ въ сожитіе, онъ же, бояся да не понужденъ будетъ отъ него пріяти священство, тако отвѣща

¹ Поцвы — доток.

² Мамали(ы)га — каша из кукурузной муки.

чрезъ него, яко азъ не имамъ памѣренія и по исполненіи уставленныхъ лѣтъ, еще живъ буду, въ таковой страшный и ужасный санъ до смерти моея вступить. Сказаша бо блаженному, яко имать тебе и безвременно увѣщавати къ тому. И се вина бысть яко не восхотѣ съ таковымъ мужемъ пребывати. Занеже еще бы у него въ послушаніи пребылъ, то всячески принужденъ бы былъ. Обаче Богу благоволящу того не убѣжа. По отшествіи же старца Васіліа, прешедшу малу времени, прииде всерадостная вѣсть, яко пречестнѣйшій старецъ отецъ Міханлъ іеросхимонахъ, со другомъ его возлюбленнымъ Алексіемъ, и съ прочими послушники уже приближается ко обители, еже услышавъ отецъ начальникъ и вся о Христѣ братія возрадовашася, и изшедше въ срѣщеніе сподобившася благословенія; вшедше въ церковь Богу о благополучномъ ихъ пришествіи благодареніе сотворше изыдоша. И бысть радость всѣмъ; таже обрѣте блаженный время приличное позвавъ особъ возлюбленнаго своего друга, и давше о Господѣ другъ другу цѣлованіе, моливъ его повѣдати ему, како сподобилъ его Господь изъ своего отечества изыти. Онъ же ему вся подробну повѣдавъ. И прославиша Бога, дивная и преславная творящаго съ ними. Пребывающу же ему во обители оной со другомъ своимъ прежде пострига его, съ велимъ желаніемъ ждаше сего, не подвигнетъ ли когда бесѣды, о памѣреніи ихъ данномъ въ мірѣ бывшемъ, паче же въ Кіевонечерской Лаврѣ данномъ предъ Богомъ, да по изшествіи ихъ изъ отечества ихъ неразлучно другъ со другомъ до послѣдняго своего издыханія пребывати; еже ради вины, а не коея иная, и изъ Кіевонечерскія Лавры изыде, оставивъ памѣреніе оно еже тамо и жизнь свою скончати, надѣяся съ таковымъ единомышленнымъ другомъ вся дни живота своего пребывая другъ друга побуждати на ревность божественную и на подвигъ духовный монашескій, и на всякое дѣло благое, выну упрядняюще-

ся въ чтеніи Божественнаго Писанія, и ученіи богоносныхъ отецъ, пищу и вся нужная стяжающе отъ праведнаго труда рукъ своихъ. О такомъ намѣреніи съ великимъ желаніемъ собесѣдованія отъ него ожидая, не случися отъ него ни поне единое слово почути прежде пострига его, колы паче по постризѣ; но видя его о семъ ни слѣда имуща предложенія, удивляннися удивленіемъ не малымъ, како намѣреніе свое, во всесовершенное положилъ есть забвеніе. И недоумѣвашеся что творити. Уже бо отъчасти и раскаявашеся о изнествіи своемъ отъ святыхъ Кіевонечерскіихъ Лавръ, яко Божиими недовѣдомыми судьбами не сподобився житіе свое препровождати съ возлюбленнымъ другомъ своимъ. Воспомянути же ему о обѣщанномъ предъ Богомъ намѣреніи отноудъ не смѣяше, занеже въ юности своей зѣло несмѣлый и срамжливый обычай имѣяше. Но возложивъ себе на всемогущій промыселъ Божій моляше Его благостыню устроити о житіи его, якоже угодно есть святой Его волн. Намѣреніе его о совокупномъ и нераздѣльномъ пребываніи съ предреченнымъ своимъ другомъ, не бѣ таковое, да отлучившися отъ отецъ и братій пединѣ гдѣ безъ послушанія и совѣта духовнаго отца пребываютъ, или да онъ ему будетъ наставникъ; но да въ послушаніи нѣкогого богодуховеннаго и въ Писаніи Святомъ, и ученіи богоносныхъ отецъ искуснаго мужа пребывающе, другъ друга побуждають на всякое дѣло благое. Таковое его бѣ намѣреніе, а не инаково. Обаче промысломъ Божиимъ сего не получивъ. О несбытій же сего его намѣренія, ни тончайшаго помысла скорбна на друга своего не имѣяше, по всю вину возлагая на себе и укоряя яко недостойна таковаго житія. Преходя же тамо общее послушаніе, даде ему отецъ начальникъ едину келлію не весьма далече отъ скита отъстоящую надъ потокомъ, отъ неяже не видяшися церковь. Въ нейже пребывая, случися единою спящу ему въ ноци не почути клепанія на утрени, бѣ же

день недѣльный. Егда же пробудився, абіе пріиде въ церковь, и услышавъ яко уже прочтется Евангеліе, и пачаша пѣти канонъ, не дерзнувъ срама ради вніти въ церковь, возвратися въ келлію свою, сѣтуя и скорбя о такомомъ не надеждномъ случившемся ему искушеніи. И толнко объять его срамъ неисновѣдимый, яко и на Божественную Літургію отнюдь не можаше пойти, по отшедъ далече отъ келліи сѣдяше на землі и плаканіе неутѣшно. По отпустѣ же Божественныя Літургіи, приближившуся времени трапезы, вселенный старецъ Міхailъ, и начальникъ со братією не видѣвше его пришедша ни на утреню ни на святую Літургію, удивляхуся о семъ. И рече старецъ ко братіи: отцы святіи и братіе, молю васъ Господа ради потерпите мало съ трапезою, дондеже увѣимъ о братѣ нашемъ Платонѣ, что съ нимъ содѣяся, и сіе рекъ посла единаго монаха Аѳанасіа, писца книгъ отеческихъ, искати его, иже не безъ труда обрѣтъ его плачуща, вопрошаніе вины плача его. Онъ же не могъ срама ради что отвѣдати ему, еще боліше плакаше, и едва возмогъ, зѣло убѣждаемъ отъ него, исновѣсти вину скорби своея. Онъ же духовнѣ утѣшая его, моляше прилѣжно не скорбѣти о семъ, и прійти въ скитъ ко отцемъ святымъ вскорѣ, нарочнѣ ждущымъ тебе, и не трапезующымъ. Онъ же едва возможе провѣщати къ нему: и како могу, отче святыи, прійти ко святымъ, и кѣмъ лицемъ явлюся предъ ними, сотворивъ таковое согрѣшеніе на вѣчное мое предъ Богомъ и предъ ними посрамленіе? И моляше его со слезами оставити, и не пудити его ити ко отцемъ святымъ. Онъ же не послабляя прилѣжно увѣщаваніе его не скорбѣти, и едва понуди его и не хотяща, прійти въ скитъ. Воставъ убо идяше съ нимъ плача и рыдая; егда же пріиде въ скитъ и видѣвъ старца со всею братією сѣдящихъ предъ трапезою, о каковъ тогда паче нападе на него страхъ и срамъ безмѣрный, и наде предъ ними на землю, плача и рыдая неутѣшимо. Воставъ же

старецъ и отецъ началникъ съ братією, возставшиа его отъ земли, выну¹ плача его уразумѣше отъ монаха, приведшаго его къ нимъ; и начать старецъ яко отецъ чадолюбивый, утѣшати его словесы духовными, моля и прося отнюдь не скорбѣти о такомъ невольномъ случаніи. И воздавши Богу благодареніе, яко обрѣтоша его: начали трапезовати, повелѣвши и ему сѣсти съ ними на трапезѣ и ясти. Обаче отнюдь тогда за объемный его срамъ не можаше ясти, по востаніи же отъ трапезы едва може мало причаститися пици. И отголъ не дерзаше на одрѣ лежа спати въ пощи, бояся подобнаго случая, по сѣдя на лавѣ спанне мало. Сіе же и напсавъ онъ побужденія ради отецъ и братіи напсаче же юныхъ, во святѣмъ послушаніи у него пребывающихъ: ко усердному на правило церковное воставанію и хожденію. Пребывая же тамо онъ во общемъ святомъ послушаніи до времени прииде всечестный отецъ Онуфрій схимонахъ, отъ скита нарицаемаго Кириулъ, нже бѣ въ горахъ, отстоящъ отъ сего скита Трейстены тріехъ дней ходу разстояніемъ, посѣтити всечестнаго старца отца Міхала іеросхимонаха, и отца началника съ братією; бывшей же бесѣдѣ при всей братіи, привнесе бесѣду честный онъ схимонахъ отецъ Онуфрій, о положеніи скита Кириула возвѣсти, красоту мѣста онаго и здравіе воздуха и воды, множество различныхъ овощей, и прочая угодія къ житію, и яко великая тишина и безмолвіе; подвиже на ревность и блаженнаго. Онъ бо видя, яко уже не бѣ надежды, о совокупномъ его съ возлюбленнымъ своимъ другомъ, по бывшему намѣренію ихъ, пребываніи, умыслихъ преити на иное мѣсто до времени дондеже усмотритъ о немъ промысль Божіи полезное души его. Егда же увѣдана братія, яко воспріять намѣреніе съ предреченнымъ схимонахомъ преити въ скитъ оный, тогда и ниши пять мона-

¹ То есть: вину (причину).

ховъ, тожде намѣреніе воспріяша о переходѣ въ скитъ Кириулъ. Благодаривше убо честному старцу за его любовь, и отцу началнику за пріятіе во святую обитель, и толикое время въ любви содержаніе, и взявши отъ нихъ на путь благословеніе, и попростившися со всеми братіями, пачеже онъ съ возлюбленнымъ другомъ своимъ, плача неутѣшивъ о своемъ отъ него разлученіи, поидохомъ въ подлежащій нуть превеликими горами, и помощію Божією третіяго дне пріидоша въ предреченный скитъ, идѣже началникъ честный Θεодосій іеромонахъ пріять ихъ съ радостию и упокоивъ отъ труда. Во утріе же опредѣли имъ и келліи пустынножителныя къ пребыванію, и съдоша кійждо въ келліи своей. Чинъ же скита онаго бѣ таковъ, во вся недѣли и въ праздничныя дни точію собирахуся вси братія на все правило церковное, и по Божественнѣй Літургій поставляющеся всемъ трапеза общая; по вечерни же разходяхуся вси въ келліи своя, въ нихже кійждо правило свое совершаше. Хождаше же блаженный и до предреченнаго честнаго отца Онуфрія пустынножителя, иже на горѣ отъ скита разстояніемъ яко единого часа, въ пустынной своей келліи безмолвнѣ пребываше; бѣ же мужъ сей и въ словесѣхъ зѣло утѣшительнъ, вопрошающимъ бо его братіямъ сказываше подробну, како пребываше на пустыни на превсочайшихъ горахъ, и въ преглубочайшихъ пустыняхъ, идѣже въ лѣтнія мѣсяцы запошаше себѣ пищу, елика можаше довѣсти ему на осмь мѣсяцей; чрезъ вся бо осмь мѣсяцы, отнюдъ не можаше видѣти лица чловѣческаго; отъ негоже святыя бесѣды зѣло пользовашеся, и аки угли огненными разжизашеся ревностію божественною къ подвигомъ духовнымъ; не могій же себе предати въ послушаніе нѣкому отъ богодухновенныхъ отецъ, въ скитахъ онѣхъ пребывающимъ, ихже мимоходно видѣхъ, и отъ бесѣды ихъ пользовася, со нѣмъ же и поживъ мало или многое время, предреченныхъ

ради винъ: ово яко лишнѣся друговъ своихъ возлюблен-
ныхъ, съ ними же памѣреніе имѣвъ неразлучно до кон-
чины жизни своея, въ нѣкоего духовнаго отца въ без-
молвіи сѣдяща, въ послушаніи пребывати. Ово же и
наипаче яко боянѣся тамо пребывающе, да не понуж-
денъ будетъ по времени страшное иго священства и не
хотящъ пріяти. Пребывая убо тамо уиодобися пчелѣ
благоразумнѣй, тая бо собирая отъ различныхъ цвѣтовъ
дѣласть медъ сладкій и полагаетъ и въ сокровищахъ
своихъ и запечатлѣваетъ; блаженный же нашъ отецъ, со-
бравъ отъ онѣхъ святыхъ отецъ духовный медъ отъ язы-
ковъ ихъ истекшій, насладися самъ до ситости, и поло-
живъ въ сокровищѣ сердца своего, и запечатлѣвъ мол-
чаніемъ до времени, имже имѣяше прилѣпившихся къ
нему по Божѣ вѣроу и повинновеніемъ, души улаждати
и насыщати, и къ добродѣтелямъ подвизати; тамо научи-
ся онъ, что есть дѣяніе, и видѣніе, и умное безмолвіе не-
стинное; тамо трезвѣнія и вниманія, и умныя молитвы
умомъ въ сердцѣ совершаемыя, не точію научився, но и
божественнаго отъ нея въ сердцѣ приенодвижуагося
насладися дѣйства. Не бо могъ бы со удобствомъ вся-
ку скорбь, и крайнюю нищету юже имѣяше въ безмол-
віи тамо сѣдя претерпѣвати благодарно, и радоватися
яко сподобися подражатель бити¹ Владыки, насъ ради
обнищавшаго; аще не бы сердце его разжизалюся отъ
божественныя молитвы къ любви Божіей и ближняго,
еяже начало еще во отрочествѣ своемъ, отъ чтенія книж-
наго богоносныхъ отецъ нашихъ имѣяше аки сѣмя бо-
жественно. Тамо же между онѣми подвижники истин-
ными пребывая дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ, и прилѣ-
жаніемъ нравственныхъ добродѣтелей, и непрестанною
умною молитвою сотвори прозябнути въ сердцѣ своемъ
оному, многими же слезами поливая процвѣте, и воз-

¹ То есть: быти.

блиста блистаніємъ божественнымъ умнымъ, исполняя душу его радости неизреченныя и воспалая его ревностію къ подвигамъ духовнымъ и крайнему безмолвію, аки елень жаждущую ко источнику водъ. Тамо убо за предреченныя вины со святыми отцы пребывати, аще и всеъмъ сердцемъ желая, но не могій.

Всѣхъ же въ тамошнихъ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ посѣтивъ, прощенія со слезами прося, и благословенія, и молитвъ на путь, благодаря имъ за оказанную къ нему милость и любовь, и духовное отеческое наставленіе. Ови же святіи отцы кінхъ словесъ, кінхъ моленій, кінхъ совѣтованій не употребивша: не хотяще сподвижника своего лишиться, егоже, между собою бесѣдуя, юнымъ старцемъ нарицаху; таже сотворше молитву благословиша, и вручивша его воли Божіей, отпустиша съ миромъ. Кто бо уразумѣ Умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть: божественнымъ Своимъ промысломъ, возьмъ отъ отечества его, истиннаго угодинка Своего блаженнаго отца нашего Паісія, преводя многія страны, да собереть кунечествомъ духовнымъ многое богатство духовное; приведъ въ сѣя благословенныя православныя земли, въ нихже многіи богатіи духовніи купцы тогда быша; иже видѣвши усердно отъ нихъ купити желающаго безъ цѣны дарствоваша драгоценныя духовныя бисеры, вѣдая, что и купующаго обогащаютъ, и сами не оскудѣютъ. Собравшу же ему и тамо, и наполнившу влагалнице сердца своего духовнаго богатства, возьмъ божественный промыслъ приведе блаженнаго во Святую Аѳонскую Гору: да и тамо куплю дѣя приумножитъ сокровище, и дастъ независтно всеъмъ требующимъ отъ него пользы духовнаго ученія. Приготовляя его божественная благодать подражателемъ быти преподобнаго и боголюбнаго отца нашего Антонія Печерскаго, прадѣда своего единоотечественна, Малороссія бо обонхъ произведе. И якоже преподобный

отець нашъ Антоній странствуя прїиде во Святую Гору, гдѣ и святой великій ангелскій образъ прїять, поживе тамо многа лѣта, и сподобися великихъ дарованій духовныхъ. Богомъ возвращень бысть во свое отечество, да насадитъ тамо и умножить монашеское житіе и сотворитъ градъ небесныхъ жителей, еже и бысть: просвѣтивъ бо сущыя во тмѣ ученіемъ своимъ, и уплодоносивъ не во сто, но въ тысящи тысящъ, принесе плодъ Богови. Тамо и нашъ блаженный отецъ поживе, и обогатися небеснымъ богатствомъ, и умноживъ плодъ до шестидесяти, съ нимъ же и возвращень благодатию Божіею, въ сія богохранимыя земли, да обновитъ обветшавшій монашескій чинъ и возставитъ падшее общее житіе, и насадитъ въ немъ трєблаженное послушаніе, просвѣтитъ ученіемъ своимъ во тмѣ невѣдѣнія сѣдящыя, вразумитъ исправленіемъ, и вновь преводомъ, изъ греческаго языка на свой, отеческихъ и богословскихъ книгъ. Но понеже далече отшелъ еси въ страну, подобаетъ тебѣ возвратитися отонуду изшелъ еси: благо есть, се и возвращаюся къ подлежащему. Посѣтивъ всѣхъ тамо въ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ, прощенія со слезами прося и благословенія и молитвъ на путь, благодаря имъ за ихъ милость и любовь явленную къ нему, отъиде оттуду искати спутниковъ во Святую Гору, надѣяшеся бо тамо обрѣсти нѣкоего искуснаго духовнаго отца сѣдяща въ безмолвіи, емуже бы предатися въ послушаніе душою и тѣломъ, и научиться отъ него духовнаго жителства. Или единомысленнаго друга, да съ нимъ живуще и внимающе Писанію, и ученію богопосныхъ отецъ, другъ другу повинующеся, и другъ предъ другомъ отсѣкающе волю свою, увидѣвъ нѣкій плодъ послушанія въ души своей, упокоитъ желаніе свое. Не имѣя же на путь точію двадесять парь¹, но ниже имѣяше попеченія о

¹ Пара — монета.

томъ, но якоже отъ начала странствія, тако и тогда возложивъ всю свою надежду на всемогущій промысль Божій, искаше спутниковъ себѣ; обрѣтъ же единого іеромонаха именемъ Трифона, согласився съ нимъ и яхшася пути благодаряще Бога; пришедше же въ Галацы сѣдоша въ корабль. Колико же бѣдствій, колико страховъ отъ смертныхъ случаевъ, ово отъ моря, ово отъ глада, ово отъ вошей, наипачеже отъ варваръ тренеташе блаженный. Пришедши же въ Царь Градь, преночиша тамо нѣколко дней, и обрѣтше спутниковъ сѣдоша въ корабль и плыша удобигъ Бѣлимъ¹ моремъ нѣсколько дней, приидоша во Святую Гору, в пристанище Лаурское, тамо изшедше изъ корабля, внидоша во Святую Лауру предъ праздникомъ прендобнаго Аѳанасіа; преночиша тамо и празнована праздникъ благодаряще Бога, и упокоившеся мало отъ пути. Кто же отъ здѣ не повѣсть можетъ плачевную сію повѣсть? Подъ Пантикраторомъ монастыремъ пребыша братія русскаго языка: тамо они потрѣбу имѣли ити къ своимъ единоземцамъ, да отъ нихъ совѣтъ и наставленіе пріимуть. Пантикраторъ же монастырь разстояніемъ отъ Лауры осми часовъ ходу: путь тамо збѣло жестокий, горюватый и каменистый, много и лѣсу, солнечный варъ въ тоє время таковъ, что вся трава такъ сгоритъ отъ солнца, якоже въ сихъ странахъ зимою отъ мраза; обычая тамошняго не знали, какъ хранитися отъ ядовитаго тамо воздуха, и совѣтъ охранительный аще бы кто и подавалъ, невѣроятенъ явится ново пришедшимъ изъ сихъ странъ. Изшедше убо они изъ Лауры неспотѣша збѣло, почиваша потніи въ лѣсѣ и спали на камени прохлады ради; пиша воду хладную въ пути не вѣдая, какъ отъ нея хранитися; ночевали потніи въ лѣсѣ, и заразли-

¹ Бѣлое море – название Эгейского моря (шире – восточного бассейна Средиземного моря) у греков и некоторых других соседних народов.

ся за единый день и ночь смертною заразою и неисцѣлною. И едва съ великою нуждою болѣиши приидоша до Пантократора монастыря къ своимъ братіямъ. Егда же увидѣвши они два отцы пришедшихъ изъ своего отечества, возрадовавшася великою радостію о пришествіи ихъ, миѣша яко отъ моря болѣзнь ихъ, оная бо удобоисцѣльна есть; а когда уразумѣша, яко во Святѣй Горѣ заразилися, тогда восплакашася горко о смерти ихъ. Чтоже не творили уврачевати хотяще, огонь возгнѣцавающе и разгрѣвающе ихъ, мазаху сниргомъ и растираху, и мало блаженного отца нашего оттерли предъ огнемъ; іеромонаха же Трифона не моглоша ни мало уврачевати. Точію призвавши духовника причастили Божественныхъ Таинъ, и въ третій день скончася. О блаженномъ же отцѣ нашемъ, братолюбивѣи отцы они что сотворили: уготована трапезу хорошу и принудилиа его насильно ясти и вино пити егоже онъ никогда нѣяше, и егда яде и пи вино, возмутися утроба его отъ необычнаго питія, изблева; они же принудилиа его еще пити и не хотяща, онъ же пивъ изблева пакы, и съ блевотиною и ядъ изъ себе изверже совершенно. И тако Божіимъ милосердіемъ по малѣхъ днехъ здравъ бысть. Тамо же и вселися въ едину келиву¹ близъ оныхъ братіи.

Пребывающе же ему тамо и обходящу монастыри и скиты, ищущу нѣкогого духовнаго отца, сѣдѣща въ безмолвіи и внимающе себѣ емуже бы могли предати себе въ послушаніе, но не обрѣте: яко мало быше нашего Россійскаго народа тамо, и вѣдущаго Святое Писаніе, и тако желаемаго души своей не получи. Возложивъ же себе на Божій промыселъ, сѣдѣше единый. Кто же можаше исчислити колѣнопреклоненія яже творяше въ пощеденствіи? Воздержаніе же блаженного таково бѣ, чрезъ день бо ядѣше единою, и то мало сухарей самыхъ. Пестяжа-

¹ Глосса на полях: келію.

ніе крайнее, не имѣяше бо ни срачицы, точію одну дудаму¹ и то ветхую: не можаше бо упражнитися въ рукодѣліи, да не останется нічто отъ правила; постеля его доска голая: о нищѣхъ же своей толико радовалася, якоже бы кто радовался о богатствѣ своемъ.

Благодаряше всегда Христа Господа, яко сподоби его въ семь подражателя быти нищеты Его. Душевныя же его подвиги, смиреніе глубокое, самоукореніе всегдашнее, о всемъ благодареніе, сокрушеніе сердца и слезы потокоподобны, молитва сердечная приснодвижная, любы ко Богу и ко ближнему, память смертная, псалмонѣніе, и чтеніе Писаній. Взимаше же книги отъ обители Сербскія и чтяше: скорбяше² же и плакаше горко яко лишився великія благодати Божія послушанія, не обрѣтъ такового отца, емуже бы предалъ себе въ послушаніе. Пребысть же блаженный единъ сѣдя, подвизаяся и преуспѣвая отъ силы въ силу духовную, восхожденія творя въ сердцѣ своемъ: разжизаяся ревностію божественною къ болшимъ подвигомъ, наслаждаяся безмолвія два лѣта и полъ. Пріиде же во Святую Гору единъ братъ отъ земли Мункянскія³, иже обшедь нѣкія монастыри тамошныя, пріиде къ нему и моляше его да примытъ отъ него будетъ въ послушаніе; онъ же ни слышати о семъ хотяше, да будетъ кому начальникъ, самъ подъ началомъ желаше быти, а не началствовати. Братъ же той прилѣжнѣе и со слезами моляше примыти его, блаженный видя таковое брата смиреніе и слезы, умилился и преклонився примыти его, не во ученика, но въ товарища: и емуже Богъ даруетъ болѣе разумѣти въ Писаніи, другъ другу открывати волю Божию, и подвизати на дѣланіе заповѣдей Божіихъ, и на всякое дѣло благое. И отсѣкати другъ

¹ Дулама — долгополая суковная верхняя одежда.

² В рукописи: скрбяше.

³ То есть: Мунтянскія.

предъ другомъ волю свою, и послушати другъ друга и повинутися, душу едину и сердце едино имѣти, и вся къ состоянію своего живота имѣти обща. И тако начаша жити единомудно царскимъ путемъ. Имя же брату оному бѣ Висаріонъ. И радовашеся блаженный, яко благодатию Христовою обрѣте многожеланный покой и утѣшеніе души своеѣ послушаніемъ, чрезъ отсѣченіе другъ предъ другомъ воли своея; и имѣяху въ мѣсто отца и наставника ученіе святыхъ отецъ; и пребываша въ любви Божіей. Но ненадолзѣ наслаждахуся такового житія, и друзи бо братія приходящіи отъ міра во иночество, видяще таковое ихъ со братомъ любовное житіе, ревностію возревноваша къ таковомуужде житію себе присоединити, и зѣло ему веліимъ своимъ моленіемъ начаша стужати приняти ихъ во свое житіе и ученичество. Блаженный же надолзѣ отрицанеся сего, бояся и трепеща приняти во ученичество, укоряя себе и глаголя къ нимъ, яко сіе дѣло совершенныхъ и безстрастныхъ есть, азъ же немощенъ сый и страстенъ. И не принимаше ихъ надолзѣ: послѣжде¹ же, ово ихъ великимъ стуженіемъ, еже ему своимъ моленіемъ творили. Ово же и брата съ нимъ живуцаго братолюбива зѣло суца, слезнымъ моленіемъ убѣжденъ, начать и не хотящъ принимати во свое сожитіе по единому, коемуждо отъ нихъ открывая силу святаго послушанія, отъ Писанія Святаго и ученія святыхъ отецъ. И видя ихъ неизреченную имущихъ вѣру и любовь ко Святому Писанію и къ нему, другъ же ко другу миръ и единомысліе, и всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, зѣло о ихъ таковомъ благомъ произволеніи радовашеся душею, и прославляше Бога. И возложися на неизреченный промысль Божій, о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи, пріемля по единому. Нужда же баше и другую каливу выпшную

¹ В рукописи: пслѣжде.

купити, яже разстояніємъ единого верженія камене отъ нижнія. Таже приумножившуся числу братій, и не вмѣщающимся въ двоихъ каливахъ, купили и святаго Константина келлію съ церковію, близъ яко на два верженія камене разстояніємъ. Нужда же за священника, и начаша братія великимъ и смиреннымъ своимъ моленіємъ стужати ему пріяти священство и духовничество, блаженный же отнюдъ не хотяше, глаголя, яко сего ради и съ Мунтянскія земли убѣже, отъ предреченныхъ оныхъ святыхъ отецъ, да не принужденъ будетъ отъ нихъ и не хотящъ пріяти священство. Елико же блаженный со слезами отрицашеся, недостойна себе глаголя быти таковаго великаго сана, то они паче и паче со слезами на нозѣ падая, моля и прося не презирати моленія ихъ, предлагая ему многія причины благословныя. Еще же и честніи духовники святогорскіи, съ зѣлнымъ моленіємъ увѣщавали не отрицатися, зане въ преслушаніе вмѣнитися ему презирающему ихъ совѣтъ: вѣдая его достойна суща, и могуща многія душы привести ко Господу наставленіємъ своимъ, и просвѣтити ученіємъ во тмѣ невѣдѣнія пребывающыя, обновити же и обвѣщавшее общее житіе, и насадити въ немъ древо жизни, трєблаженное послушаніе, еже есть аки душа общему житію. И не послабляя молителнымъ своимъ совѣтованіємъ и угроженіємъ преслушанія предреченніи честніи духовники глаголаша къ нему: «Како ты научиши братій послушанія и отсѣченія воли своея и разсужденія, самъ преслушая и презирая совѣтъ толѣкихъ молителей; отъ сего явно есть, что волю свою любиши и вѣруєши разсужденію своему, паче старѣйшихъ тебе и лѣты и разумомъ; и не вѣси ли, что родило есть преслушаніе?» Тогда блаженный отецъ нашъ видя себе въ такомъ отвсюду неизбѣжномъ утѣшеніи, и не хотящъ новинувся, со слезами рече: «Буди воля Божія». И произведенъ бысть въ священничество и духовничество. Тогда бысть радость

веля не точію чадомъ его духовнымъ, но и прочимъ святогорцамъ, иже и прежде прихождаху пользы ради къ нему, а тогда быти имъ имуца его и отца духовнаго.

Живяще убо блаженный прежде въ каливахъ съ братіями волоскаго¹ языка нѣколько лѣтъ, и правило тѣмъ языкомъ чтяху; таже прешедшимъ въ келлію святаго Константина и пожившимъ нѣкое время, начаша приходити и присоединятися ко обществу и славенскаго языка братія, тогда начаша чести и пѣти и славенскимъ языкомъ въ церкви, зане не имѣяху еще нужныхъ на волоскомъ языцѣ церковныхъ книгъ. Живяху же нужнымъ житіемъ, отъ труда рукъ своихъ стяжавашу дневную пищу. Егда же умноживъ Господь братію, и не вмѣщахуся и тамо бѣ бо братій уже дванадесять, седмь волоскаго языка, а пять славенскаго. Еще же и иніи братія зѣлнымъ своимъ моленіемъ стужаху блаженному о пріятіи во общество. Тогда блаженный сотворивъ совѣтъ со братіями, тогожде монастыря Пантократора купивъ пустую келлію святаго пророка Іліи; и возложивше надежду на промыслъ Божій начаша здати все отъ основанія: церковъ, ограду, а на оградѣ келліи, все зданіе каменное, хрістолюбцовъ подаяніемъ и своихъ братій трудомъ безмѣрнымъ, и поспѣшествомъ убо Божиимъ создаша церковъ прекрасну, трапезу, пекарню, кухню, архондерику², келлій шестнадцать, и воду привели въ скитъ. Намѣреніе имѣвъ блаженный отнюдь болѣе пятидесяти братій, якоже и келліи создашася на толикое число, не принимати. Разстояніемъ же святаго пророка Іліи скитъ, отъ келліи святаго Константина полъ часа ходу; и преселишася вси обще въ скитъ, благодаря и славя Бога о неизслѣдимыхъ судьбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко отъ царскаго пути, благо-

¹ Воло(ш)скій -- румынский.

² Архондерику -- жилье для паломников.

воливъ быти общему житію. Тогда раздѣлился совершенно и правило церковное на два языки, на единомъ крилаѣ по славенскій, на другомъ по волоскій чли и пѣли. Надѣявся же блаженный, яко по таковомъ безмѣрномъ трудѣ и попеченіи о зданіи скита упокоится мало, но въ большыя снаде: увидѣвши бо многіи святогорскіи братія и новопришедшіи съ Россіи, и съ сихъ странъ хотящии въ монашескомъ образѣ Богу работати, благочиніе церковное въ пѣніи и чтеніи, во общемъ послушаніи и рукодѣліи молчаніе, благоговѣніе, миръ и любви между братіями, ко блаженному же старцу со смиреніемъ повинование, и съ вѣрою послушаніе, его же къ чадомъ своимъ духовнымъ отеческое милосердіе, въ службахъ благо-разсмотрительное опредѣленіе, въ немощехъ состраданіе, и любви ко всѣмъ нелицемѣрну: возжелаша приобщитися къ таковому житію. Зѣлнымъ же своимъ моленіемъ и слезнымъ прошеніемъ убѣдиша и не хотяща пріимати по единому; блаженный же возложися на Божественный промыслъ о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи пріимаше, и видя всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, радовался. И не точію бояся труда, но готовъ и душу свою положить за братію. Не имѣя же келлій, аки ластовицы гнѣзда, тако братія келлійки внизу къ муру¹ прилѣпляху сами труждающиеся. И тако въ маломъ времени умножилось число братій великое. Труждахуся же вси въ рукодѣліи, и блаженный съ ними, дѣлаше ложки и продаяху, и тѣмъ окормляху и снабдѣваху себе, и странныхъ пріимаху и упокоеваху. Труждашся же отецъ нашъ блаженный въ рукодѣліи, удвое дѣлая противу братій; въ нощи же переписываше книги: вся бо жизнь его во бдѣніи бяше всенощномъ, и болѣе тріехъ часовъ не могій спати. Зане отъ Господа испроси себѣ сіе, еще въ юности своей, яко-

¹ Муръ --- каменная стена.

же азъ написахъ въ началѣ, еже отъ устъ его слышахъ. Произыде же слава во всей Святѣй Горѣ о немъ, и вси въ чести и любви имѣяху Паісія, удивляхуся многимъ дарованіямъ Божиимъ въ немъ. Приходиша къ нему, иніи пользы ради, болѣе же исповѣди ради; и бѣ странныхъ всегда толико, яко и своимъ братіямъ не бѣ време пріити къ нему возвѣстити о помыслѣхъ своихъ, и стужаху въ себѣ нѣкии. Бысть многимъ тамо духовникъ, и самому святѣйшему Патріарху Серафиму, пребывающему тогда въ монастыри Пантократорѣ. Часто пріиздя въ скитъ посѣщаше блаженнаго, и въ сладость послушаше его. И бысть образъ добродѣтельнаго житія всѣмъ во Святѣй Горѣ, и новый обветнавшаго монашескаго общаго житія обновитель, божественнаго послушанія наставникъ и учитель, истинный руководитель ко спасенію слушающихъ его, и новое чудо. Діаволъ же растерзавашеся видя себе побѣждаема отъ него, и многія душы отъ устъ его исхитивша, и ко Богу приведша ученіемъ своимъ; и не бѣ стерпимо лукавому. Обрѣтъ нѣкоего схимонаха Аѳанасія молдованула¹, яко самому, неприступенъ бѣ блаженный, ограждаемъ божественною благодатію: подвиже на зависть, начать съяти чрезъ него сѣмена своя лукавая многимъ во уши, не точію лестцемъ и прелестникомъ нарицаая его, но и еретикомъ; еще же и священную умную молитву хуляше. Блаженный же слыша о томъ долготерпя, ожидаше прозябенія, тутъ и плодъ злобы приспѣ. Не бѣ доволенъ клеветами легкомысленный онъ Аѳанасій молдовануль, удивляющееся славицѣ преходящей, и распаляясь болѣе завистію на блаженнаго; не вѣдая сего, яко гонящіися за славою бѣгаетъ отъ нихъ, и иже удаляются отъ нея, напередъ ихъ идетъ, и проповѣдница подвиговъ и добродѣтелей ихъ бываесть. Разжегся нестерпимо, и написа посланіе ко блаженно-

¹ Молдовануль — молдаванин.

му, подѣ видомъ дружескаго наставленія съ начала, та-
же внутрь многія блевотины, хулы, укоризны, и прочая
многая неправая своя мудрованія, Церкви святѣй про-
тивная и вѣрѣ православиѣй. И имже хотяше уловити
блаженнаго, самъ увязе, ископа ровъ и впаде во нь; и та-
ко обратися болѣзнь его на главу его. Получивъ блажен-
ный посланіе отъ друга своего притворнаго, чтя предъ
братіями съ начала радовашеся; внутрь же вниде вос-
плакася горько о погибели его, и умолче. Разсмотрѣвъ
вся, иде къ духовнику своему, объявивъ и проче; таже
съ духовникомъ иде ко инымъ духовникамъ, разсмотрѣ-
ша все и уразумѣше непорочна блаженнаго въ сихъ;
еще же яко хваляшеся и изъ Святыя Горы изгнати, ос-
корбился, и повелѣша блаженному отвѣтъ къ нему на-
писать, обличивъ его заблужденія. И аще не покается,
и не проситиметь¹ прощенія о своемъ заблужденіи, то-
гда соборно обличится. Сотворивъ блаженный якоже
повелѣша ему духовники: обличивъ его невѣжество и
противное мудрованіе Церкви святѣй, шестнадцатію
главами, изъявивъ его заблужденіе, и опровергъ хули и
клеветы, посла къ нему; он же прочелъ познавъ свой
грѣхъ зазрѣвъ покаяся; и пришедъ проси прощенія.
Простивъ блаженный и поучивъ его отпусти съ миромъ.
Пребывающимъ же въ скиту и умножающимся день
отъ дне братіямъ и не вѣщающимъ, совѣтоваша ему
честніи святогорцы взяти монастырь Сѣмопестръ, бѣ же
монастырь той задолженъ, и въ немъ братій мало бѣше;
предложивъ собору прошеніе блаженный о немъ, рѣше-
ніе со благословеніемъ вскорѣ вишло. Преселися бла-
женный въ монастырь, возьмъ полъ братій, а прочіи оста-
вивъ въ скиту; мало время пребылъ тамо; егда же услы-
шали занмодавцы, яко собрася соборъ монаховъ, абіе

¹ Проситиметь — попросит (укр. форма буд. времени с глаголом *имѣти*).

приихали требовати долга; и заплативъ блаженный не-
повинно седмь сотъ левов: убося же прочіихъ заимо-
давцовъ, возвратися въ скитъ оставивъ монастырь. Пре-
бывая же въ скиту, и видя утѣсненіе братій, разсуждая и
притрудность мѣста, и яко таковому собору во Святѣй
Горѣ, въ таковомъ притрудномъ и зѣло жестокомъ мѣс-
тѣ не подасть руки ко утвержденію; еще же бояся и вла-
сти агарянскія, да не возложать и на его убогое общест-
во даней подобныхъ прочіимъ монастыремъ святогор-
скимъ. Еже отъ многихъ уже и слышавъ блаженный
хотящее быти. И бояшеся, таковыхъ ради винъ, и иныхъ
многихъ, да не будетъ крайняго разоренія таковому его
житію: совѣтъ сотворше начаша готовитися. Егда же
увѣдѣ святѣйшій Патріархъ Серафимъ, и прочіи честніи
святогорцы, зѣло сожалѣша о изпещствіи блаженнаго, и
увѣщаваша и молиша не исходити изъ Святыя Горы;
обаже ничтоже успѣша. Онъ же собрався изыде со всеѣмъ
соборомъ, и прииде въ сію православную Молдовлахій-
скую землю. Приведъ божественный промыслъ угодни-
ка своего блаженнаго отца нашего во Святую Аѳонскую
Гору, да покажетъ тамо путь истиннаго монашескаго жи-
тія; и будетъ всеѣмъ образъ добродѣтели, и начало об-
щаго житія; здѣ же возвративъ, да утвердитъ¹, и многихъ
просвѣтитъ и научитъ словомъ и дѣломъ добродѣтель-
наго житія. Прииде здѣ и пріять бысть отъ благочести-
ваго Господаря и Преосвященнаго Митрополита, и да-
доща блаженному монастырь Драгомирну со всеѣми уго-
дїями, хотя онъ подвижимымъ имѣніемъ и скуденъ быше
отъ многихъ напещствій и разореній варварскихъ, мало
бо книгъ точію обрѣли въ немъ, келлій пять, трапеза не
покровенна, и воловъ шесть; обаже пространный и без-
молвный, и зѣло приличный собору и утвержденію об-
щаго житія, и расположенно общежителныхъ уставовъ.

¹ В рукописи: увердитъ.

Вселися тамо блаженный со всѣмъ соборомъ братіи, благодаря и славя Бога со слезами, о непостижимыхъ судьбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко устрои тако, чего имъ и во умъ пріяти невозможно было, молитвами угодника Своего блаженного отца нашего. Преклонивъ премилостивый Господь всѣхъ къ любви и милосердію къ страннымъ, благочестивый восвода первый обрѣтесе ктиторъ, отъ основанія воздвиге два ряда келлій, особливо ради блаженного старца, и архондерику; уволнивъ же и отъ всякихъ даней, и грамотою утвердивъ отъ всего быти свободну монастырю. Хрістолубивіи же бояре овии скотами рабочими, иніи кравами, овцами, віноградями, другіи одѣянїями и обувеніємъ, иніи пшеницею, и віномъ, и прочіи благочестивіи Хрістіане всякъ по возможности своєї, отъ произволенія своего; никомуже стужающе, къ подаянію, но сами радующеся снабдѣваху, и веселящеся благодаряху Бога, приведшаго въ благочестивую ихъ землю угодника Своего съ братією его; и аки Ангеловъ Божіихъ почитаху его и братіи и охранителей молитвами своими земли ихъ. Зѣло бо страннолюбивая сія богохранимая земля Молдавія.

Препочивъ же блаженный нашъ отецъ съ братією въ монастыри мало отъ труда путнаго, начать располагати чинъ своего общаго житія и утверждати по уставу богоносныхъ отецъ нашихъ Васіліа Великаго, отъ негоже пріявъ Оеодосій Великій, и Оеодоръ Студитъ началницы общихъ житіи, не яко не бывый начинашеся: уже бо въ Святѣй Горѣ прежде многими лѣты начать бѣ и храняшеся. Но по преселеніи аки вповъ начинашеся пришедше здѣ, и первѣе въ церкви устрои чинъ во всемъ святогорскій: пѣніе же на правой странѣ по славенскій, на лѣвой же по волоскій опредѣли. Таже никаковымъ образомъ да не дерзнетъ кто отъ братіи нѣчто отъ имѣній именовать мое или твое, но вся отъ Бога посылаемая имѣти обща, опасно завѣщава; зане отъ сего между бра-

тіями единомысліе и любовь пребываетъ, нужная же подавахуся всеѣмъ отъ блаженнаго старца, трапеза всеѣмъ обща, послушаніе ко старцу и другъ ко другу со отсѣченіемъ своея воли и разсужденія своего, и повиновеніе со страхомъ Божиимъ да хранится. Внутрь монастыря послушанія въ кухнѣ, пекарнѣ и прочая самыми братіями, не употребляюще рабовъ или наемниковъ, да совершаются. Различная рукодѣлія нужная къ житію братія да дѣлають со страхомъ Божиимъ, угождающе другъ другу якоже Самому Господеву. Преслушаніе, прекословіе и самочиніе въ службахъ общихъ, имиже разоряются заповѣди Божія, да изгнанныя будутъ; но благоговѣніе, смиреніе, единомысліе и любви да царствуютъ въ соборѣ, зане клеветы, осужденія, зависть, роптанія и памятозлобіе мѣста не возмогутъ имѣти. Во общихъ послушаніяхъ молчаніе, во устѣхъ молитва да хранится; и самъ блаженный часто съ братіями исхождаше и дѣланіе купно со всеми на городахъ и на прочіихъ послушаніяхъ, всеѣмъ себе во образъ представляя и заповѣдая, да никтоже празденъ будетъ, зане отъ тоя всякое зло. Въ келліяхъ же чтеніе богоносныхъ отецъ нашихъ, и молитва умная, умомъ въ сердцѣ художнѣ дѣйствуемая и опасно аки дыханіе со страхомъ Божиимъ да хранится, яко та есть источникъ любви Божія и ближняго, и всякихъ добродѣтелей, исповѣданіе помысловъ на всякъ вечеръ да бываетъ, ово къ самому блаженному, ово же къ духовникамъ на то опредѣленнымъ, и братіямъ къ нимъ распоряденнымъ, вѣдая яко то есть основаніе спасенія, мира, тишины и любви въ соборѣ; и прочія вся чины, по уставу святаго Васіліа Великаго, и иныхъ святыхъ отецъ общежителныхъ въ соборѣ распредѣливъ и не нарушимо хранимымъ быти утвердивъ; за преступленіе же, духовными наказаніями угрожая запечатлѣвъ. Самъ же блаженный отецъ нашъ, на всеѣхъ чадѣ своихъ духовныхъ отеческое свое милосердіе изливая, нели-

цемѣрною любовію объемя и согрѣвая, якоже кокошъ птенцы своя, послушанія благоразсмотрително и по силѣ всякаго опредѣляя. Въ немощехъ состраданіе являя. Болныхъ въ болницѣ врачаю и упокоевая всякимъ упокоеніемъ: соболѣзнуя о нихъ тако, аки бы самъ былъ боленъ. Приспѣвну же времени жнивъ, опредѣляше братій на послушаніе въ степь жати пшеницы иногда семьдесятъ, иногда и осмьдесятъ, сами бо братія всякое лѣто жали и молотили коньми пшеницу и прочая сѣмена. Съ ними посылалъ и духовника, ради правила церковнаго и иныхъ нуждъ душевныхъ, имѣя съ собою и Божественныя Тайны; дохтора присилая частѣ; и самъ блаженный отецъ нашъ, посѣщая чадъ своихъ единою, прииздя и пребывая съ нами три или четири дни, благословляя труды наша, утѣшанесе, утѣшая и насъ и ублажая, яко и мы въ семъ трудѣ подражатели есмы святыхъ отецъ Египетскихъ, иже на всякое лѣто исхождаху на жатву. Таже поучивъ о послушаніи и трудѣ, единомыслии и любви, о терпѣннѣи и благодареніи, и о исповѣди помысловъ, и благословивъ всѣхъ отъѣздяше, радуясь и благодаря Бога, яко видѣвъ насъ и послушаніе наше, и моля укрѣпити совершити дѣло, и возвратити насъ здравыхъ въ монастырь Своею благодатію. Мы же вси провождахомъ, лобизая руцѣ его и нозѣ, возвращаемся веселяся и славя Бога, яко сподобилъ насъ видѣти ангеловидное лице отца нашего посѣтившаго насъ, и радостныя слезы изливаемъ, от любви къ нему. Блаженный же нашъ старецъ, аще и всегда поучаше приходящихъ къ нему въ келлію братій, потребъ ради или тѣлесныхъ или духовныхъ, открывая силу заповѣдей Божіихъ, и разумъ святаго послушанія: отъ Святаго Писанія, и ученія святыхъ отецъ нашихъ, и наставляя и подвизая на всякое дѣло благое; обаче тогда наипаче, егда соберутся вси братія отъ внѣшнихъ послушаній, и приидеть святой постъ Хрїстова Рождества, начиная соборно поученіе

отъ первыя седмицы поста и продолжая до субботы Лазаревы, егда не пресѣчетъ зимою какова болѣзнь: на всякій день кромѣ недѣль и праздниковъ, собирающимся братіямъ въ вечеръ въ трапезу зажженнымъ бывшымъ свѣщамъ приходяше блаженный нашъ отецъ, и сѣдаше на обычномъ своемъ мѣстѣ, разгнувъ книгу отеческую, или святаго Васілія Великаго постническую, или святаго Іоанна Лѣствичника, или святаго Дорофея, или святаго Феодора Студита; въ единъ вечеръ по рускій бываше чтеніе, а волоскаго языка братія чтяху навечеріе; аще же кто знаяше обѣма языки, то слушаше и оба чтенія; толковаше же блаженный едину книгу единому языку, а другую другому, а иногда и обоимъ едину. Толкуя же приводяше свидѣтельства отъ Писанія Святаго, и отъ ученія богоносныхъ отецъ нашихъ, и прилагаше при всякомъ чтеніи и нѣкое правоученіе, о исправленіи случающихся немощей, и обличаше покровенно, да оный зазрѣвъ себѣ покается, не согрѣшивый же да хранится отъ поползновенія; и тако пользоваше всѣхъ, единыхъ исправляя а другихъ охраняя. Таковое же его бяше толкованіе, что и самый простѣйшій братъ разумѣти можаше силу словесъ; и таковое дарованіе святой нашъ отецъ имѣяше, что и самага унылаго воздвигнути можаше къ ревности, и печальнаго утѣшати; и аще не можаше оскорбленнаго примирити словомъ, то слезами: и не отходяше отъ него не исцѣленъ никтоже. Краснорѣчіе же кто можетъ изрещи, всякій день бы вси готови предъ нимъ стояти, да насладимся святаго его лицезрѣнія и сладчайшихъ словесъ; разсужденіе блаженнаго мужа таково бѣ, егда братъ внидетъ въ келлію, то разумѣваше что имать внутри; давъ благословеніе, начинаше самъ бесѣду къ нему, и сладчайшими своими словесы отведеть умъ его далеко, не дая ему глаголати. Бесѣда же его смотряющая лице и устроеніе брата, или художество онаго, къ разумнѣйшему, привведе нѣкій глаголь

Писанія высокій, таже и толкованіе онаго отъ Писанія, къ тому приложитъ еще и высочайшее нѣчто и удивитъ его: къ простѣйшему отъ художествъ, или отъ службы его, и восхититъ намѣреніе его отъ ума во иное, и утѣшитъ его толико, что онъ забудетъ и себе и нужду свою, за чимъ пришелъ, отъ сладости словесъ его, послѣжде братъ приникъ внутрь себе и видѣвъ душу свою, мира и радости исполненную, а бывшую тму или печаль, аки дымъ отъ вѣтра исчезнувшую, тогда не воспоминая ничтоже, по вземъ благословеніе отходитъ радуясь и благодаря Бога; якоже и азъ многократно въ себѣ видѣхъ. Сіе основаніе ученія его бѣ, да вси общее всѣмъ сердцемъ и всею душою нудятся хранить заповѣди Божія, и преданія святыхъ отецъ; аще же случилось бы между братіями нѣкое смущеніе, то всеконечно того дне примиреніе да будетъ истинное, по Писанію: да не зайдетъ солнце во грѣбѣ вашемъ; буди же нѣкто ожесточился бы, и не хотѣй примиритися, такового отлучаше да и на прагъ церковный не ступитъ, и Отче нашъ Иже еси на небесѣхъ, да не чтеть; и являшеся тогда аки нѣкій судія жестокъ на такового неокориваго, аще и кротокъ и всѣмъ приступенъ зѣло бѣше, устроявая всѣми образы спасеніе, по Апостолу, и десными и шуими. На внѣшняя послушанія опредѣляше и посплаше братіи таковыхъ, отъ нихъ же не могли бы послѣдовати нѣкій соблазнъ, ниже души ихъ пострадати вредъ. Аще же бы слѣдовало нѣчто къ разоренію заповѣдей Божіихъ, то повелѣваше да останется и не будетъ лучше дѣло оное, неже разорити заповѣди Божіи, и подпасти вѣчному осужденію. Въ соборѣ же присно тиашеся да будетъ миръ и любви, и отсѣченіе своя воли другъ предъ другомъ и разсужденія; прекословіе аще бы о чесомъ слѣдовало, то уступати прекословящему повелѣваетъ оное послушаніе, да не произыдетъ сваръ, отъ негоже вражда и злопомнѣніе, аще и заповѣдь его не исполнится. Точію да возвѣститъ

ему, исправленія ради брата онаго, а не отмщенія: и онъ исправляше по богоданному ему разуму. Трудяшеся блаженный отецъ нанѣ день и ночь, весь день исполняя дѣла духовныя и внѣшныя сѣкономическая, яко иногда до девятаго часа двери не затворяемы быша; иніи братія за тѣлесными нуждами прихождаху, а иніи за душевными, со инымъ плакаше, отпавивъ же онаго, съ другимъ радовашеся, аки бы ни когда не имѣлъ нѣкую скорбь: якоже отроча незлобиво устроениемъ душевнымъ бѣ блаженный онъ мужъ, безстрастенъ воистинну и святъ. Тридесять бо лѣтъ азъ при немъ пожилъ, аще и отхождахъ на нѣкое время во Святую Гору, но пакы возвращахся къ нему, и не видѣхъ его скорбяща когда о чемомъ вещественномъ, аще бы и велико нѣчто случилось погибнути; точію тогда скорбяше зѣло, егда видяше въ чемъ заповѣди Божія престоупающыя: и за едину бо малѣйшую заповѣдь Владычнюю душу свою полагаше, и аки огонь противу не хранящихъ бываше; и глаголаше да разорится все, и тѣло наше, точію да сохраняются заповѣди Божія. Ночь блаженному во всей жизни бдѣніе бѣ, всю бо ночь въ переводѣ, съ еллиногреческаго языка на славенскій языкъ, отеческихъ и богословскихъ книгъ пребывая, яковыя еще не бяху на нашемъ языкѣ; любяше же зѣло блаженный и чтеніе книжное, и насъ увѣщаваше къ переписанію и чтенію книжному, и прочіимъ духовнымъ подвигомъ. И бѣ видѣти монашеское общее житіе, имущее нѣкій слѣдъ общихъ житій святыхъ отецъ, елико возможно быше немощи нашей послѣдовати и подражати имъ, и хранити чины и уставы ихъ, въ сія бѣдная времена плачу и рыданію достойная. И только окончили нуждныя потребности, церковь теплую, зане великая церковь зѣло хладна баше, келліи, архондрики¹, болницу и прочая. Входъ внутрь монастыря отнюдь

¹ Так в рукописи.

женску полу возбраненъ бысть. И отдохнули мало, начаша братія подвизатися, и другъ друга подвизати во еже возлюбити Господа и заповѣди Его животворныя хранити, вѣрою по Бозѣ и любовію ко отцу прилѣплятися, ученіе его дѣломъ исполняти, волю свою и разсужденіе свое предъ нимъ отсѣкати, и другъ предъ другомъ: душу едину и едино сердце со отцемъ, и со всеми братіями тѣщаеся имѣти, и послушаніе со страхомъ Божиимъ проходить. Молитву всеусердно во умѣ внимательно храняще трезвенно и художно молящеся. И нудящеся на всякое дѣло благое благодатію Христовою, и успѣвающе въ духовныхъ подвижѣхъ. И бѣ въ соборѣ между братіями видѣти крадбу безгрѣшную, и похищеніе духовное, яко крадущій изобиліе, и окраденный не оскудеваше, и похищающій богатѣе, и у похищаемого дѣло сокровище: вси обогащася другъ отъ друга и оставляху похищати хотящему съ радостію. Единъ похищаше смиреніе, а той у инаго послушаніе, инъ украдый отъ другаго отсѣченіе волн, а той такожде отъ него самоукореніе и слезы, инъ отъ инаго во укоризнахъ и искушеніяхъ терпѣніе, а той у другаго память смерти и страхъ Божій, инъ у инаго братолюбіе, а той отъ инаго молчаніе и незлобіе. И въ таковой независтой брани радовахуся и веселяхуся и славляху Бога. Веселящеся же и блаженный старецъ нашъ, видя чадъ своихъ духовныхъ тако усердно подвизающихся и благодаряше со слезами Бога, моляше же укрѣпити и на болшій подвигъ благодатію Своею; непрестанно поуча воздвизаніе къ болшему подвигу и усердію, глаголя: «Не унывайте, чада, куплю дѣюще, нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія». Тако пребывающимъ се воста страшная буря, къ тому и огонь ужасный, и возжеся полъ вселенныя. Горн, лѣси и стень пополающыя: самыя главныя и первыя въ свѣтѣ двѣ имперіи, Россійская и Турецкая, возмущилися ярящеся, огнедышуще возвигошася другъ на друга;

Молдавія и Мунтянская земля восколебашася, жителіе вострепеташа отъ страха смертнаго и разбѣгошася: гори, лѣси и монастыри наполнишася народомъ. Боляре и простой народъ бѣжаще упрежаху другъ друга, гдѣ бы возможно было скрытися отъ турокъ и татаръ. Тогда и нашему монастырю, яко крѣпчайшему отъ всѣхъ Молдавскихъ монастырей, въ лѣсу сущу превеликому, и мѣстѣ неудобонреступному, притекоша богатіи и убогіи, множество безчисленное людей, и подѣ покровомъ молитвъ блаженнаго, и всего собора, паче величайшія крѣпости, въ постѣ Рождества Хрістова первыя седмицы, исполниша монастырь, что и пройти невозможно, такожде окрестъ монастыря и лѣсъ. Тогда блаженный старецъ, видя таковую несповѣдимую нужду и бѣдствіе людей, зима бо бѣ и снѣгъ, они же полунаги и боси многіи, не могуще ни одѣянія ни пищи отъ страха взяти, точію съ душами и дѣтми избѣгоша. Даде боляромъ полъ монастыря, а полъ за братіи, и пребываху по три и четьри и пять братіи въ келліи, идѣже по единому прежде сѣдаху. Трапеза великая и теплая, оную даде простому народу, а наипаче бѣднымъ женска пола: о всѣхъ блаженный отечески соболѣзноваше, и аки самъ стражда со всѣми и требователенъ нуждныхъ, милосердіе свое изливая на всѣхъ. Повелѣ блаженный келарю, пекарю, поварю и прочіимъ братіямъ службу имущимъ надъ вещми ядомыми, да всѣмъ приходящимъ и требующимъ безпрекословно обрѣтающаяся ядомая вещества, чesого кто востребуеть, подаяти, сущимъ и виѣ, кто бы не пришелъ: овѣи взымаху сировое¹ вариво и сами варяху, овѣи готовое вареніе и хлѣбъ печеный еже и братія ядыху, тое взымаху. Непрестанно бо хлѣбъ печаху и вареніе варяху упокоити желающе бѣдствующихъ, боляре же и віно взымаху. И бѣ видѣти благодать Божія молитвами бла-

¹ То есть: сырое, неуваренное.

женнаго, яко годовыя собираемыя собору ядомыя и питиинныя венцы, бяху доволны и толикому многому народу бѣдствующему, и намъ до уреченнаго времени. Пробысть же весь той народъ въ монастыри и внѣ монастыря днѣй яко пятьнадесять и разыдошася во свояси, а бояре остались въ монастыри. Блеснувъ бо свѣтъ благодати Божія, луна убо помрачися, врази же смутиншася, и ужаснѣся даша плещы¹. Только бо что вступила Россійская армія въ Молдавію, вострепеташа безбожніи агаряне и яшася бѣгу. Тогда безбоязненно людіе возвратишася въ дома своя радующеся славя Бога; бояре же боящеся пребыли въ монастыри множае года. Егда же милосердіемъ Божиимъ свободихомся отъ страха турецкаго, и изыдоша изъ монастыря, тогда паки воспріяхомъ миръ, и не много пребывъ, иное смущеніе приспѣло, иная болѣзнь и страхъ смертный, моровая язва, а съ нею и неврожай хлѣба три года бысть. Потомъ благодатию Хрїстовою прешедшимъ всѣмъ болѣзнемъ онымъ воспріяхомъ тишину, и устроися житіе наше по первому расположенію. Прешедшей убо шестолѣтней брани, сотворися между Россією и Оттоманскою Портою миръ; и егда убо возвратися армія Россійская изъ Молдавіи во отечество свое, абіе Римская императрица Марія Терезія начать требовати отъ Порты Оттоманскія обѣщанныя ей части Молдавскія земли за спомоществованіе ему отъ нея бывшее во время съ Россією брани, юже и даде ей. Начаша граничити господа Молдавскіи и Нѣмецкіи, и бѣ монастырь нашъ отъ границы ихъ разстояніемъ яко три часа. Діаволь убо, аще и прежде распростиравъ козни своя лукавыя, нмѣже возмоглъ бы повредити соборъ и опечалити блаженнаго отца нашего, по молитвами его святыми покрывала благодать Божія, не обрѣтъ себѣ ни откуда помощи, тогда обрѣтъ нѣмцовъ,

¹ Даша плещы — обратились в бегство.

подвигъ ихъ еже болше взяти земли, отъ опредѣленнаго имъ, да съ нею и монастырь Драгомирну подъ свое владѣніе возьмють; напруга мѣрило свое къ намѣренію своему, но бояре Молдавскіи не соизволяху, и не даяху болше отъ опредѣленнаго имъ, хотяще защитити монастырь и не ввести въ смущеніе блаженнаго старца и соборъ, но не можаху противу великія власти; таже мольбами и обѣщаніями, кінхъ словесъ не употребляху, яковыхъ даровъ не даяху, но не можаху преодолѣти, и остася монастырь во власти ихъ совершенно. Тогда блаженный нашъ старецъ много изливъ слезъ, такожде и братія скорбяху о обители яко прекрасна бѣ ради собора братій, плача и о разореніи и трудѣ братій яко кривавый потъ изліяша въ строеніи келлій и въ прочіихъ нужныхъ дѣлѣхъ монастырскихъ, и плача яко подъ владѣніемъ еретиковъ остася, съ ними же миръ быти никогдаже можаше, и яко слѣдуетъ великое собору разореніе, и труды кривавіи во иномъ мѣстѣ въ строеніи келлій, и трудно изъ рукъ нѣмецкихъ избѣгти. Таже написа къ Преосвященному Митрополиту писаніе, и ко благочестивому Господарю Григорію Гики, жалуяся яко подъ панистами не можетъ пребывати, и прося милости дати монастырь святаго Іоанна Предтечи Секуль. Они же зѣло сожалѣша о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій, дана монастырь, егоже просяше, и утвердиша грамотою. Получивъ блаженный грамоту печалеша о вивезеніи церковныхъ вещей, и Богу содѣйствующу вивезли все уцеленіемъ стражей. Таже и братія именемъ на послушаніе посылаемъ изыдоша. Осталоя въ монастыри сто пятьдесятъ братій. Блаженный же нашъ отецъ оставивъ въ монастыри двохъ духовниковъ, единаго волоскаго языка, другаго рускаго, онаго аки игумена, да по волоскому языку отвѣты даетъ и прочая дѣла исправляетъ, сегоже аки помощника оному до времене: да не како смущеніе нѣкое случится, оставивши единою пустой монастырь,

ктому яко и келлій въ Секулѣ мало бѣше. Распредѣливъ блаженный и устроивъ вся якоже подобаетъ, самъ же иде въ церковь съ горкими слезами плача и рыдая помолвися Господеву, хотя разлучитися отъ обители и братій, братіямъ же давъ миръ и благословеніе яся пути. Пріѣхавъ до границы, давъ нѣмцямъ знаменіе, аки до млиновъ¹ ѣдетъ, пропустиша чрезъ рѣку, тамо же и млини въ нихже и пребысть, ожидая братіи дондеже соберутся, ихже прежде разославъ аки на послушаніе. Собравшимся братіямъ, воздвигоушася отгуду и приидоша въ монастырь Секулъ, 1775 года мѣсяца октомвріа 14-го дня, и благодаривше Бога со слезами вселишася тамо. Бѣ же тогда всѣхъ братіи въ соборѣ двѣстѣ монаховъ и мало множае, кромѣ послушниковъ еще не постриженныхъ. Остаея братіи въ монастырь Драгомириѣ сто пятьдесятъ, съ братіями своими духовными старѣйшими, обою языка, славенскаго и волоскаго, духовниками; обаче, якоже плотскіи дѣти отлучившимся на нѣкое время отъ дому своего родителемъ ихъ, аще и утѣшаеми бывають отъ старшихъ своихъ братіи, любезными разговорами и надеждою скорого возвращенія ихъ въ домъ свой, но на мало время престають отъ плача, ниже ница подаваема имъ сладка бываетъ, всегда бо възырають слезъ исполненными очесы на путь, на немже имѣють родителей своихъ возвращающихся въ домъ увидѣти, и возрадоватися лицезрѣніемъ и сладкою бесѣдою ихъ; по несравненно болѣе оставшіися тогда въ Драгомириѣ монастырѣ братія, аще и упокоеваеми бяху, и утѣшаеми духовными любезными словесы, и скорымъ отшествіемъ всѣхъ къ блаженному отцу своему отъ братіи своихъ старѣйшихъ духовниковъ, по малу отраду душъ своихъ имуще: всегда печалуя съ горкими воздыханіи, отъ разжженныхъ любви и по Бозѣ вѣры ко святому отцу своему

¹ Мли(ы)нь — мельница.

и взырая на путь нмже отнєдѣ отъ ннхъ, плакаху о ли-
шеніи святаго лицезрѣнія его, аки свѣта очесъ своихъ,
сладкія же его духовныя бесѣды, радости и веселія серд-
ца своего, и прісно воображая лице любимаго, ннѣ прі-
емлюще малу отраду, другіи же множае печаловаху, отъ
ннхже и являишєся нѣкнмъ во снѣ блаженный, утѣшая
нхъ скорымъ собраніємъ всѣхъ къ себѣ во єдину обитель
Секулъ. Колнко же скорбя плакане и самъ блаженный,
о¹ отлученіи и раздѣленіи возлюбленныхъ чадъ своихъ
духовныхъ, яко не виднть предъ собою всѣхъ: нхже зря,
яко Ангеловъ Божнхъ зрѣти вмѣняше, и радости неиз-
реченныя святая душа его исполняишєся отъ любви ко
братн, прилаголая сє, яко нѣтѣсно всѣхъ вастъ въ себѣ
вмѣщаю, подражая святаго Апостола Павла рекшаго къ
коринфяномъ: яко не тѣсно вмѣщаетєся въ насъ², тако-
вая бѣ любви и святаго отца нашего къ намъ, и ко всѣмъ
Хрїстіаномъ. Многажды же на поученіи глаголане къ
намъ блаженный и сє, яко, егда вижду азъ чадъ моихъ
духовныхъ, подвижающихся и пудящихся храннги заповѣ-
дн Божїя, и отсѣкати волю свою, не вѣровати же раз-
сужденію своему, и со страхомъ Божнмъ проходить по-
слушаніе, тогда таковую неизреченную въ души моеї
духовную радость имѣю, что ннже въ Царствїи Небес-
нѣмъ болнша радости имѣти не желаю. Аще же вижду
нѣкнхъ не радящихъ о заповѣдехъ Божнхъ, и держа-
щихъ волю свою, вѣрующнхъ разсужденію своему, и бо-
жественное послушаніе презирающнхъ, отъ самочнїя и
самоугодія объятыхъ лѣнностію и ронцующнхъ, тогда та-
ковая печаль объемять душу мою, что и во адѣ не мо-
жетъ болшая быти, дондеже не увижду ихъ покаявнх-
ся. Оставннєся же братїя въ Драгомирѣ довольно кел-
лїй имѣяху, а прншеднн съ блаженнымъ старцемъ въ

¹ В рукописи: отъ.

² Пометка на полях: глава 7. (Ср.: 2 Кор. 6, 12.)

монастирь Секуль великую нужду претерпѣваху безъ келлій: точію бо всѣхъ четыренадесять келлій бѣ, братіи же множае пятидесяти, кромѣ нѣкихъ секулскихъ стариковъ; вмѣщавшася же по три, по четыре и по пять братіи во единой келліи, и претерпѣваху страждуще зѣло зѣло чрезъ зиму. Едино точію утѣшеніе и радость имѣ бѣ лицезрѣніе отца своего святаго, и ученіе духовное облегчавающее всяку скорбь и тѣсноту, терняху же вся случившаяся славяще Бога. Пришедшей убо веснѣ, начаша братія преходити изъ монастыря Драгомирны въ Секуль, и толикая бѣ теснота, яко не имѣяху гдѣ и главы подклонити, тогда паки бѣ скорбь и смущеніе, видя имущее быти послѣдующее разореніе душевное, отъ безмѣрнаго труда и попеченія въ строеніи келлій; но избѣгнути отъ онаго не бѣ возможно, еже бы не строити своими руками. Возложившеся убо на помощь Божию, и на молитвы блаженнаго отца своего яшася дѣла: овѣи внутрь монастыря въ пиргахъ¹ созидаху, овѣи къ муру прилѣпляху аки ластовицы гнѣзда, инѣи внѣ монастыря, зане не имѣяху мѣста внутрь тѣсноты ради, другіи въ лѣсу; и труждаяся проливаша потъ свой. Помоществоваше же и блаженный старецъ подая коемуждо денги, да взыскавъ нѣкоего работника отъ мірскихъ людей имать помощь себѣ. И бяху братія въ таковомъ попеченіи, молвъ и трудъ три лѣта, зиждуще и строяще келліи. Инѣи по два во единой, другіи по единому пребываху. И состроивша своими руками, внутрь монастыря и внѣ до ста келлій, и собравшася во едино; мало число остаеся въ Драгомирнѣ. Таже оставивша нѣмцамъ и монастырь Драгомирну издавне изъ рукъ якоже подобаетъ, приидоша вси въ монастырь Секуль, идѣже храмъ святаго Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна Усекновеніе честныя главы. Отдохнуша мало братія отъ попеченія и труда безмѣр-

¹ Пиргъ — башня.

наго яко единъ годъ. Мѣсто оно зѣло тихое и безмолвное, по обою страну горы исполнены лѣсомъ, внизу рѣка малая, надъ неюже стоитъ монастырь на раздолѣ между горами. Мѣсто зѣло притрудное, обаче со всею притрудностію и великою нуждою блаженный старецъ и братія благодарни быша, яко мѣсто тихое и безмолвное; аще и церковь мала не вмѣщающая такого собора, и зимою трудно бѣ отъ хлада, но терпяху съ надеждою обновленія другія церкви теплыя въ транезѣ. Блаженный же и о томъ доволенъ бѣ, яко никтоже стужаніе прїиздомъ посѣщенія ради его: вси бо великіи бояре всеусердно желашу посѣтити и видѣти святаго мужа, сподобитися благословенія отъ него и насладитися духовныя бесѣды; но бояхуся жестокаго и притруднаго онаго пути. Пребывающимъ убо намъ въ Секулѣ и упокоившимся мало отъ попеченія и труда въ строгіи келліи, безмолвствомъ исправляясь на первое духовное устроеніе, еже бѣхомъ погубили смущеніемъ нѣмцовъ, переходомъ въ Секулъ, трілѣтнимъ въ строгіи попеченіи трудомъ и молвою, благодарихомъ Бога. Радовашеся же и блаженный отецъ, видя насъ подвижающихся и уснѣвающихъ и другъ друга воздвизающихъ къ подвигомъ духовнымъ. Соборъ же день отъ дне умножанеся и никакоже можаше блаженный отказатися не прїимати приходящихъ, слезнымъ моленіемъ стужающихъ прїяти ихъ въ послушаніе и ученичество: что не предлагаше, что не глаголаше, тѣсноту келліи, трудъ послушанія, нужду въ тѣлесныхъ потребахъ и во всемъ скудость. Но елико онъ отказывая отсыланіе ихъ, то они паче и паче припадающе къ ногамъ его плачуще и рыдающе моляху прїатыми быти. Убѣждаемъ бысть слезами ихъ милосердный нашъ отецъ и любви ко ближнему исполненный, прїимаше. Исполняя Евангелское слово: грядущаго ко Миѣ не иждену вонъ. Всѣхъ поучая, всѣмъ открывая волю Божию, всѣхъ наставляя на путь спасенія, соборнѣ всякій годъ

чрезъ всю зиму въ транезу собирая и поучая отъ Писанія, о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, и о послушаніи и о иныхъ подвижѣхъ: единъ вечеръ по славенску языку, другій по волоску; такожде и въ келліи о томъ же бѣше бесѣда его всегда: возлагаея на всемогущій промыслъ Божій о тѣлесномъ и душевномъ окормленіи. Тако пребывающымъ, придонша братія паки во устроеніе Драгомирское ученіемъ его, и мирствоваша подвизающися и успѣвающе благодатию Христовою, и молитвами блаженнаго. Миренъ же бѣше зѣло и отецъ нашъ святыи въ Секулѣ, и благодаря со слезами Бога, изведшаго безъ вреда изъ владѣній папистановъ. Увѣщаваея же всѣхъ терпѣти всякую нужду безмолвія ради сущаго въ Секулѣ. И ни единого помысла не имѣаше искати иныхъ обители пространѣйшія или доволѣйшія, паче же радовашеся о нищетѣ, скудости и тѣснотѣ, яже отъ юности своея возлюбивъ блаженный Христа ради, и всѣхъ того поучая. Невѣдомо же откуда сіе смущеніе случися, Богъ вѣсть. Единою сѣдящу въ Сенатѣ Свѣтлѣйшему благочестивому и Христіолюбивому князю Константину Мурузу, со всѣмъ свѣтлымъ и боголюбивымъ своимъ Сенатомъ, привиде бесѣда о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій; вопросы благочестивый и Христіолюбивый князь своего Сената, каковъ монастырь въ немъ же пребываетъ старецъ Паісій со братіями, тогда единъ отъ первѣйшихъ сенаторовъ, бывый прежде въ монастырѣ Секулѣ и вѣдый вся, воставъ отвѣща: «Ваше Свѣтлѣйшество, аки въ заточеніи нынѣ пребываетъ старецъ Паісій со братіями». Князь же удивленъ о словеси рече: «Какъ въ заточеніи?» Онъ же отвѣща, зане монастырь Секулъ тѣсенъ и церковь малая, не ради такового собора онъ созданъ: мѣсто зѣло притрудное и путь къ нему прежде стокий и неудобосносный въ превезеніи извнѣ нуждныхъ къ житію потребностей. Христіолюбивый же князь съ соболѣзнованіемъ глагола къ Сенату: «То пѣсть ли

убо въ нашей державѣ такого монастыря, въ немже бы возмогли святаго сего старца Паісія со братіями упокоити?» Отвѣщаша отъ Сената: «Во всей нашей земли нѣсть болшаго пространствомъ и великію церкве, красотою внѣ положеніемъ мѣста, и удобнымъ пріиздомъ, къ привезенію потребностей нужныхъ отъ внѣ собору, паче монастыря Нямца, который разстояніемъ отъ Секула двохъ часовъ». Тогда Свѣтлѣйшій князь зѣло возрадовася, написа къ старцу, повелѣвая преходити въ монастырь Нямецъ безъ всякаго сумнѣнія, не смотря ни на кого. Егда же прочте блаженный оное писаніе, тогда вопстинну подобіе бысть морскаго волненія: егда бо найдеть нечаянная буря, то абіе воскинутъ море, восколеблются корабли, корабленницы смутятся, и вси въ страсть; тако и тогда бѣ. Прочеть блаженный писаніе и увидѣ въ немъ не надѣемое хрістолубиваго князя повелѣніе пріяти монастырь Нямецъ во свое правленіе, восколебася аки корабль душа его, скрыся миръ, отбѣже тишина и безмолвіе еже имѣяше въ сердцѣ своемъ: напале буря помысловъ печальныхъ, окружиша горестъ и скорбь безмѣрная душу его, восплакася горькими слезами неутѣлимо до изнеможенія и недоумѣвая что творити. Смутинася же и братія увидѣвши нечаянный вѣтръ разорити имущъ душевное ихъ устроеніе, погубити миръ егоже имѣяху отъ безмолвія, искоренити до конца отъ ума и сердца ихъ вниманіе, трезвѣніе и молитву, юже по смущеніи Драгомирскомъ, и попеченіи и трудѣ Секулскомъ отдохнувши мало стяжали быша. Нѣкии же легчайшии умомъ, и разсужденіемъ недостаточнии, о трезвѣніи же и молитвѣ не зѣло пекущися, безмолвіе имъ не за велико почитаемо, зане не быша причастни пользы душевнаго безмолвія, о славицы удивляющися, воскрилія и покой любящии, имже богъ чрево и слава ихъ въ студѣ, тогда возрадовашася аки о пріобрѣтеніи нѣкоего государства, Немецкаго монастыря. Чтоже по томъ, ум-

ножившейся превеликой печали и скорби, яковья блаженный нашъ отецъ отъ рожденья своего не имѣяше, плаканіе рыдая горько, первѣе о семъ яко слѣдуетъ раздѣленіе собора, и не можеть имѣти предъ лицемъ своимъ всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ, иже быша ему утѣшеніе, и лицезрѣніе ихъ веселіе сердца его, бесѣда же съ ними слаждша меда и сота, а раздѣленіе собора горестъ души его. Таже предвидя разореніе устроения душевнаго, молитвы и вниманія погубленіе отъ смущенія, юже стяжаша многими подвиги въ Секулѣ: въ трудѣхъ строенія келлій, изнеможеніе и скорбь, немощнымъ же сѣть готову, зане обитель бѣна поклонна есть, иконы ради чудотворныя Пречистыя Богоматере, и входу всегда всѣмъ обоего полу невозбранный, ктому разсуждая обители оныя смущеніе, началствующихъ въ ней роптаніе, укоризны и клеветы, подначальныхъ скорбь и негодование, и иныя многія причины, плаканіе сѣтуя зѣло зѣло, и изнемогая; и яко имать разоритися общее поученіе ко братіи, еже творяше всякія зимы собирающимся въ вечеръ въ трапезу. Ово яко невозможно будетъ собратися всѣмъ и слушати, зане раздѣленіи имуть быти, и болшая внидетъ между ихъ скорбь; ово же (якоже самъ мѣръ рече блаженный послѣде въ Нямцѣ), яко имуть быти гостѣ мірскіи великіи лица, и невозможно возбранити не приходити имъ слушати, и пресѣчется его нравоученіе, еже обикль бѣ творити по всякомъ поученіи отъ Писанія, о исправленіи случающихся въ соборѣ причинъ, о ихже подобаетъ въ соборѣ обличити не являя лицъ, да согрѣшившіи посрамятся, и убоявшися исправятся и покаются, неповинніи же болшее храненіе и опасность возымуть. И скорбяше неутѣшно день и нощь. И толко готовяшися писати къ Свѣтлѣйшему князю молителный отказъ, се пріихали изъ монастыря Нямца начальницы онаго, ко блаженному: услышавше бо о дѣлѣ семъ отъ нѣкихъ извѣщеніе, и смутишася зѣло, начаша молити

прилѣжнымъ моленіемъ и смиреннымъ прошеніемъ не обыдѣти ихъ и не разорити житія ихъ, идѣже они отъ юности до старости пребываютъ, и труды своя и поты въ немъ положиша, во всякихъ службахъ, а нынѣ, глаголаша, на старость гдѣ пойдемъ? Плакати же на васъ будутъ и другіи наши братія, утѣшенни отъ васъ, и каѣ вамъ польза отъ сего будетъ? И едва возможе блаженный вислушати словеса сія, уязвляющая паче стрѣлъ разжженныхъ святую душу его миролюбивую воистинну и кротку, всемъ мира, пользы и спасенія желающую, никогоже когда обыдевшую или опечалившую, ниже пожелавшую чуждаго труда, но и свой обыдающимъ оставляющую непамятозлобно. Начать къ нимъ бесѣду, плача предъ ними горько, объявляя ненадѣемое и великое искушеніе, несносную печаль, и неутѣшимую скорбь, насылованіе и принужденіе, смущеніе братій въ переходѣ изъ Драгомирны, труды и поты, положенныя въ Секулѣ, малое уснокоеніе отъ трудовъ, тишину и миръ душъ ихъ. «Се буря, глаголетъ, нечасая, се волны понуждающыя и влекущыя корабль душъ нашихъ во слѣдъ себе, мы же вѣтрила наша елико силы на право держимъ не послабляя произволенію нашему послѣдовати имъ. Видите, отцы святіи, — показуя имъ писаніе отъ князя и глагола со слезами, — се буря ненадѣмая, се волна смущенія и скорби наша и ваша, се насылованіе и бремя выше силы наша. Но да извѣститъ вамъ Христосъ Господь, яко никогда мнѣ и въ помыслъ сіе не приходило, еже бы сотворити таковое беззаконіе насылованіемъ и опечалити души ваша, и подпасти вѣчному осужденію за преступленіе заповѣди Божія. Вы сами, отцы святіи, вѣсте, яко и Секулъ не по насылію нашему держимъ, но бывшій игуменъ честный отецъ Нифонтъ, видя наше смущеніе подъ нѣмцями, самъ насъ звавъ по любви своей къ намъ, и волею своею отдававъ прежде писанія ко влаstemъ. Къ тому же и самъ съ нами пребы-

вати желавъ, еже и исполни. Тогда мы съ любовнымъ согласіемъ писали къ Преосвященному Митрополиту, и прочимъ властямъ, и получили просимое. Како бы азъ дерзнулъ таковое злодѣйство сотворити, кимъ лицемъ воззрѣлъ бы на святая лица ваша, совѣсть свою судію и обличителя о обыдѣ ближняго имуцу, юже во всей жизни моей тѣхся упокоити миромъ и любовію ко всѣмъ благодатию Христовою? Како же и приступилъ бы азъ ко Престолу Божію причаститися страшныхъ и Божественныхъ Таинъ, имуцу плачущихъ и вопіющихъ ко Господу за насиліе на мя? Не буди то, да не дасть миъ Господь и помыслити такового зла дѣла. Но и писати имамъ къ его Свѣтлѣйшему слезно моля и прося оставити насъ, и вась мирно пребывати во своихъ обителяхъ. Мы бо въ Секулѣ во своей обители глубокой миръ нынѣ имамы благодатию Божіею, аще притруднаго ради пути, въ привезеніи нужныхъ собору потребъ и бываютъ тяжестны, и зѣло притрудно во время зимы, и наводненія рѣкъ; обаче безмолвія ради и тишины съ радостію вся терпимъ благодаряще и славяще Бога». Таковыми и иными множайшими словесы началницы Нямецкін утѣшившеся, отыдоша. Блаженный же нашъ отецъ написалъ слезное писаніе къ Свѣтлѣйшему князю. Кіихъ словесъ умиленныхъ не употреби, кіихъ благословныхъ причинъ о обоихъ монастырехъ не представи, кіихъ прошеній слезныхъ отъ всего собора братій о отказѣ отъ монастыря Пямца, и о благодареніи тихаго и безмолвнаго монастыря Секула не принесе, моля не утруждати старости его, и сотворити милость съ болѣзнію его, да не умножится болная отъ прехожденія попеченія и безмѣрныхъ тягостей и трудовъ, о вредѣ душевномъ имущемъ послѣдовати братіи, о разореніи тишины и безмолвіи ихъ и о¹ иныхъ многихъ причинахъ имущихъ быти о нихже

¹ В рукописи: отъ.

предречеся, о разореніи и смущеніи Нямецкаго собора, о роутаніи, непримирителной враждѣ и ненависти ихъ, отъ чего обоимъ странамъ слѣдуетъ великій вредъ душевный. Тако писавъ, посла съ нимъ перваго духовника волоскаго языка, вѣдущаго и греческій, и другаго брата при немъ: да при писаніи сами объявляетъ по тонку о всемъ, и молятъ со слезами помилovati, и оставити безъ смущенія пребывати въ Секулѣ. И ожидая съ надеждою прошенія своего, полученія отвѣта. И таково прошеніе бѣ, что не точію таковаго милостиваго благодѣтеля, и вѣру по Бозѣ и любовь ко святому отцу нашему, и ко всему собору имущаго, но аще бы каковъ не былъ властелинъ умягчилося бы и умилилося сердце его. Но точію Единъ Богъ вѣсть, чесо ради содѣяся тако: кто бо уразумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть, творить бо елика хочетъ, божественнымъ и недомысленнымъ Своимъ промысломъ. Приндоша посланніи съ писаніемъ ко князю и возвѣщенію бысть о нихъ, повелѣ внити къ себѣ; вшедшымъ же имъ, съ достоудожнымъ поклоненіемъ вѣдана писаніе. Прочтенну же бывшу, начана словесно возвѣдати подробну о всемъ, и со слезами къ ногамъ его припадаая молити, представляя многія причины, еже бы предложити Свѣтлѣйшаго князя отъ сего начинанія, и оставити старца и братіи въ Секулѣ безъ смущенія пребывати, и Нямецкій соборъ не разоряти, да не будетъ вражда и вредъ душевный обоимъ монастыремъ, но никакоже умолити можаху. Нямецкому бо собору обѣщавая князь инъ монастырь дати, старцу же повелѣваше преходити въ монастырь Нямецъ. И вопросы духовника: «Имѣете ли вы послушаніе ко старцу?» Отвѣща духовникъ: «Всяко должны есмы слушати и во всемъ повиноватися ему, и всѣмъ братіямъ даже до смерти, якоже и на постризѣ нашемъ предъ Богомъ, и предъ нимъ обѣцахомся». Тогда благочестивый князь рече: «Аще убо святой вашъ отецъ таковаго ищетъ по-

слушанія отъ васъ, то не подобаетъ ли и ему поне единою послушати насъ, тѣмже въ преслушаніи самъ, каковъ образъ послушанія подати можетъ, и научити васъ послушанія?» И повелѣ написати къ старцу писаніе, въ немже къ прочіимъ словесемъ приложи и сія: «Сотвори послушаніе, иди въ Нямецъ, ничтоже разсуждая». И утвердивъ рукописаніемъ и печатію своею, давъ духовнику, отпусти съ миромъ.

Блаженный же, ожидая милостивнаго отъ князя отвѣта, се придоша и братія съ писаніемъ. Егда же прочте и увидѣ написано послушаніе съ повелѣніемъ, тогда восплакася горко и не вѣдаяше что творити; и толико умножися и объять душу его безмѣрная печаль, что не можаше ни ясти, ни пити, ни спати и изнеможе тѣломъ зѣло. Мы же вси быхомъ въ скорби и смущеніи великомъ, да не умреть отъ безмѣрныхъ печали, и останемся безвременно сыроты, таже собравшася старѣйшіи братія изъ духовниковъ, идоша къ нему болну сущу, и пачаша слезно молити его оставити таковую безмѣрную печаль и укрѣпитися ницею: «Кая бо полза намъ, аще вы умрете безвременно, а мы безъ васъ останемся сыроты, то тогда что имамы творити? И аще воля Божія таковая есть, противитися не подобаетъ. Когда бо Свѣтлѣйшій князь презрѣвъ вани писаніе не исполни прошенія, о чемомъ возвѣщали, но и безъ прошенія колико намъ благодѣтельствуеть и веѣмъ насъ снабдѣваетъ, одеждами и ядоными вещми, и иными многими. Како бы онъ презрѣвъ любовь свою, юже имѣеть къ вамъ, аще не бы подвигль его на сіе нѣкій Божественный промыслъ? И что сотворимъ противяся, буди воля Божія, пойдемъ». Онъ же яко благоразумный мужъ, внявъ словесемъ чадъ своихъ духовныхъ, воздвигся отъ одра и воста, сотвори же крестное знаменіе, поклонися иконѣ Пречистыя Богоматере, и рече: «При двою или трієхъ свидѣтелехъ станеть всякъ глаголь, глаголетъ Писаніе. Аще тако вы, братіе,

глаголете, то буди воля Божія, идемъ и нехотяще». Укрѣпився же мало пищею, спати же не можаше. Призвавъ же тріехъ духовниковъ и нѣколико братій, посла въ монастырь Нямецъ, давъ отъ князя и писаніе да прочтенно будетъ тамо, и уготовують келлію за него и за прочіихъ братій нужднѣйшихъ, священниковъ и пѣвцовъ. Сіе же бысть предъ навечеріемъ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Сотворивше же братія якоже повелѣно бысть, возвратилися; онъ же распредѣливъ кіимъ ити съ нимъ въ Нямецъ монастырь, кіимъ оставатися въ Секулѣ, и прочая вся якоже подобасть; вниде въ церковь, помолися со слезами, любизавъ святія иконы изыде. Давъ же всѣмъ благословеніе, илача изыде изъ монастыря, и сѣдъ на колесницу яся пути. Мы же аки нѣкій полкъ окруживше колесницу, овѣи провождающе, овѣи съ нимъ идуще. Пріидохомъ въ монастырь Нямецъ въ навечеріе праздника Успенія Пресвятыя Богородицы 1779 года, мѣсяца Августа 14-го дня. Вшедъ же въ церковь пѣту бывшу Достойно есть, и ектеніи; блаженный же поклонився иконамъ, таже пріиде до иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, плакася много, вручая себе и братій заступленію, храненію, покрову, окормленію и всю надежду о всемъ по Бозѣ на Ню возложъ любизавъ со слезами; пріиде въ келлію и почи мало, обаче уснути не можаше отъ многія печали, и уже многимъ днємъ и пощемъ пренесднымъ безъ сна. Приснѣвшу же бдѣнію, аще и съ великимъ трудомъ, болѣзни ради и слабости, по пріиде въ церковь сѣдя слушаая пѣнія, и молящеся Пречистѣй Богоматери дати ему мало уснути; кончащейся же вечерни, и начинающейся утрени, начать приходити ему сонъ. Изшедъ же изъ церкви вниде въ келлію, почи, скоро уснувъ и спаше три часы; возбудившуся же отъ сна ощутивъ облегченіе главы и малое нѣкое здравіе въ тѣлѣ, печаль же всю исчезувшу, благодаривъ со слезами Бога и Пречистую Богоматерь.

По Літургії собравъ начальниковъ бывшихъ Немецкихъ, побесѣдовалъ съ ними любезно, обѣщавъ ихъ во всемъ упокоити, и самовластіе ихъ ни въ чемъ не насыловать. Пріѣвъ же все церковное и вѣщнее имѣніе изъ рукъ ихъ, что они издали ему во владѣніе его, не истязуя ихъ ни о чемъ. И такимъ образомъ примирился глубоко. Единъ по многихъ лѣтѣхъ пріѣвъ схиму, отдавъ и имѣніе свое собору, живъ нѣколько лѣтъ преставился ко Господу. Другій же еще въ жизни пребываетъ благодатию Христовою. Нѣкіи же отъ меншихъ отыдоша, прочіи же вси приобщившася собору, предавши себе въ послушаніе, и бысть единъ отъ двою собору, и миръ душевный.

Тогда блаженный написалъ къ Свѣтлѣйшему князю о пріѣтіи монастыря, о примиреніи и соединеніи бывшего Немецкаго собора во едино, и о пуждѣ за келліи, зане соборъ бѣ малъ, то и келліи точію всѣхъ изъ дванадесяти, братіямъ же вмѣстатися не бѣ гдѣ. Таково писаніе князь егда получивъ отъ блаженнаго старца, зѣло возрадовался о послушаніи его и о примиреніи и соединеніи Немецкаго собора во едино; съ нимже и прочіи сенатори радовалися. Точію Преосвященный Митрополитъ не весьма, зане отѣчсся приходъ, бываемый отъ монастыря Нямца въ Митрополию на всякъ годъ. Отъ нашего же собора ничтоже взымашеся, ни въ Митрополию, ни во общественныя зборы. Но все отъ прежде бывшихъ князей, и отъ сего Христіолюбиваго князя, даровася собору, скудости ради нашего, и превеликихъ нуждивеній. Повелѣ же князь написати грамоту и утвердитися подписами, Митрополита, князя и Сената, такожде и печатми, даде посланнымъ братіямъ. Приложивъ и отъ себе написати ко старцу, благодаря ему за послушаніе, и за примиреніе и соединеніе прежде бывшего собора Немецкаго благоразуміемъ своимъ, моля его молитися о здравіи и спасеніи, о мирной державѣ его, и о вся землі здравіи и благополучіи, обѣщаваяся нѣсколько келлій

устроити, и во иныхъ нуждахъ помоществовати. Еже и творяше припоминаемый блаженный оный князь во время своего владѣнія Молдавією. И таковъ бѣ собору благодѣтель, что не бѣ прежде его, ни по немъ обрѣтается подобенъ ему. Господь да упокоитъ душу его во Царствіи Своємъ. Получивъ же блаженный нашъ отецъ грамоту и писаніе отъ князя, начать управлять по богоданному ему разуму оба монастыри, и приложившася труды удвое прежде бывшихъ ему трудовъ и попеченій. Накн и братія внидоша и сами въ труды и попеченія о строеніи келлій моляху зяждуще; другіи же оставше своя монастыри придоша со слезами святаго моляще пріятимъ быти, обѣщавающееся самѣмъ и келліи состроити себѣ своими руками; блаженный же не могій отрещися, всѣхъ пріимаше; и труждахуся вси строяще келліи внутрь монастыря и внѣ, зане не бѣ возможно всѣмъ внутрь вмѣститься. Устроил же и больницы и страннопріимницы: зане старіи, и хроміи и слѣпії, не имущіи гдѣ и главы подклонити, къ нему приходяху плачуще и рыдающе моляху его Хріста ради помилувати ихъ, и сотворити милость съ ними. Пріимаше святыи, якоже и здоровыхъ, опредѣляше въ больницу, и упокоевая яко отецъ чадолубивый всѣхъ по возможности: доктору повелѣваше врачевати требующихъ врачеванія; служащимъ зановѣдая аки Самому Господеву служити старымъ, хрымъ, слѣпымъ, болнымъ. По вся субботы главы мыти и одежды, и отъ всего очинати, кровати горячею водою парити да не умножатся блохцы, постели на солнице и на вѣтеръ полагая часто; внутрь больницъ чистоту блюсти, и всякій день ладапомъ или инымъ кореніемъ курити, да не будетъ воздухъ тяжелый; пищу отраднѣйшу готовить, такожде и хлѣбъ, и вино. И бяху вси благодарни и со слезами славяху Бога, благодаряще всегда и отцу своему истинному за призрѣніе о нихъ. Приходящіи же страннии монахи препочиваху елико хо-

тяху, седмицу, двѣ и мѣсяцъ, никтоже рече и едино слово, почто сѣдши праздно ядый общій хлѣбъ; инѣ же моляху и презимовати, не отвращаше и оныхъ, по приимая благословяше; отходящихъ же не истязоваше, по давъ на путь отпускаше съ миромъ. Хранится же тоє и до нынѣ въ соборѣ благодатию Христовою. И умножися соборъ въ монастырѣ Нямцѣ чрезъ нѣсколко лѣтъ множає тріехъ сотъ и зъ скитами близъ сущими. Въ Секулѣ же всегда сто шестьдесятъ, бываєтъ, и сто осмьдесятъ братій. Зане иныхъ взымаше блаженный оттуду къ себѣ, иныхъ же посылаше тамо. За келлін въ Секулѣ братія безмолствоваху, зане довольно бѣ въ Нямцѣ же непрестанно строяще; и бѣ видѣти окрестъ монастыря аки градъ нѣкій: мѣсто тамо пространное равное, горы въ отдаленности, лѣса на всяку потребу изобилно, сѣнокоси близъ прекрасніи, и принзѣ не труденъ. Устроивъ блаженный отецъ нашъ и ину церковь внутрь монастыря, святаго Великомученика Георгіа, и украсивъ дивнымъ благолѣпіємъ, кромѣ великія церкви Вознесенія Господня. На той же праздникъ отдревле бываєтъ и собраніє народа, множество безчисленное обоєго полу и чина: не точію отъ Молдавіи, но и отъ иныхъ странъ далекихъ приходящихъ поклоненія ради иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, богатыхъ и убогихъ, монаховъ и мірскихъ; всѣхъ же по возможности, вторый страннолюбіємъ Авраамъ тѣшася упокоевати. И нждивеніє бываєтъ великое, приходъ же едва въ полъ; тогда и утѣшеніє дшеі три или четири братіи бываєтъ. Инѣ же аще и останутся по праздницѣ, по въ гостинницѣ упокоеваются. А блаженный четири дны¹ не имать покоя, отъ утра до вечера двери отверзты и всякому желающему приити невозбранно къ нему; всѣхъ же приходящихъ привѣтствоваше любезно благодаря за посѣщеніє, общаває отъ

¹ То есть: дни.

Господа и Богоматере награждение за труды подъемшья въ пути, и благословляя отпускаяше въ гостинницы и другія на то уготованныя и убранныя ради покоя гостей келліи. Самъ же въ нощи вкушаше пищи, весь день не ядый пребывая, зане аще и мало что вкусилъ бы пищи, тогда непременно требоваше почити, гладень же весь день отирающа дѣла. Еще же творяше и сіе премудрости Божія исполненный мужъ: начинающуся празднику опредѣляше братій благоговѣйныхъ и страха Божія исполненныхъ надзирати за братіями обходяще день и нощь, да не произыдетъ нѣкій соблазнъ. И братія же вѣдуше волю отца своего, другъ друга берегаху. Совершившуся же празднику, не негодоваше о иждивеніи блаженный, но благодаряше Господа и Матерь Божию, удостоившую праздновати пресвѣтлый празникъ, и моляше удостоитися и предбудущаго еще въ жизни сей празднованія. Пребывающимъ въ монастырѣ Нямцѣ яко девять лѣтъ, и мало почившимъ и отъ труда отдохнувшимъ, се страшная буря огнемъ дышущая, се страхъ смертный, мечъ над главою старымъ, ремение и вервие въ рукахъ враговъ, готовое на связаніе юныхъ и отведеніе въ плѣнь: брань тріехъ Имперій воздвижесе лютая, степи исполненни воинства, море кораблями покрыся, гради и села пусти останася: вси разбѣгошася гдѣ кто можаше скрытися отъ ярости турецкія. Отцы и матери погубившихъ дѣтей ищутъ, дѣти плачущіи родителей своихъ, мужіе женъ, и жены мужей своихъ. Вси во изумленіи отъ страха, бѣжаще путемъ и полемъ, попирающе другъ друга въ горы и лѣсы спѣшаще гдѣ бы возможно било¹ скрытися. Тогда и монастырь Нямецъ наполнися народа, внутрь и внѣ, великородныхъ и худородныхъ. Таже нѣмцѣ приидоша въ мѣстечко прежде турковъ и ополчишася въ немъ, тогда мало отъиде страхъ. Пре-

¹ То есть: было.

шедшымъ же малымъ днемъ се и турки свѣтающе дню
идоша къ нимъ, нѣмцѣ же увидѣвши издалеча идущихъ,
и свое оставиша отъ страха съ душами точію убѣгоша
назадъ; турки же вшедше въ мѣстечко одержали побѣду
надъ нѣмцами безъ огня и безъ пролитія крове, взяша
все нѣмецкое въ добычъ себѣ, тріехъ человекъ въ мѣс-
течку убиша противящихся имъ, прочіимъ же ничтоже
творяху. Сѣдяще же тамо хотяху въ монастырь Немецъ
ити разстояніемъ пути оттуду тріехъ часовъ. Тогда въ
монастирѣ вси полумертви бяху, и никтоже можаше со-
вершенно увѣрити, суть ли турки въ мѣстечку или отъ-
идоша; аще и посылаху господіе своихъ воиновъ, но
бояхуся приближатися тамо, и въ недоумѣніи и страѣ
бяху великомъ. Нѣкіи глаголаху не затворяти монасти-
ря, но изшедше къ нимъ молити ихъ не творити зла; дру-
гїи же отнюдъ не повинувшася, но заключити монастырь
глаголаху, и съ монастыря бити не допуская приближи-
тися. Таковому смущенію бывшу, единъ отъ обнихъ
братій монахъ, вниде къ блаженному отцу нашему, вземъ
благословеніе ѣхати прямо въ мѣстечко и увидѣти, суть
ли въ немъ турки, или отъидоша; избра же и коня егоже
знааше, всѣдъ на нь отъиде прямо въ мѣстечко, и вшедъ
внутри не боязненно преходя семо и овамо, ни единого
турка видѣ; обрѣтъ же нѣкоего человека извѣстися отъ
него, яко отъидоша. Возвратися съ благимъ извѣстіемъ,
и возрадовашася вси. На другїй же день услышавше, что
турки возвратилися, убѣжали въ Секуль монастырь гос-
пода, и старецъ, братія же по лѣсахъ разсѣялися, и тамъ
страдали, не бѣ бо мѣста въ монастырѣ. А время студено
вторыя седмицы Великаго поста; и пребывали тамо
дондеже пришли нѣмцы, прогнали турковъ и завладѣ-
ли сами, тогда изъ монастыря страннии разыдошася во
свои си. Обаче и отъ нѣмцовъ велико утѣшеніе имѣли,
но смертнаго страха не бѣ. Таковое бѣ страдателное жи-
тіе блаженного отца нашего, и наше съ нимъ, въ пре-

хожденіяхъ, смущеніяхъ, попеченіяхъ, трудѣхъ выше
силы нашея и страѣхъ смертныхъ. О несчастливы мы,
что завистию бѣсовскою, грѣхъ ради нашихъ, изгнани
быхомъ отъ пѣмцовъ, или и сами удалихомся изъ мона-
стиря Драгомирины, да бы не пострадали нѣчто и въ вѣрѣ
нашей православиѣ, отъ ересоначальниковъ, и мірскихъ
властей ихъ, якоже оставшіися монастыри тамо постра-
дали, и мірскіи власти и духовніи отъ еретиковъ. О тце-
ты ненадѣмая юже подъяхомъ, о убитка и разоренія
душевнаго, еже пострадахомъ, странствуя, молвя, скита-
ясь, бѣдствуя, страждуще! Якоже бо садъ древесный,
часто пресаждаемый, помалу увядая совершенно изси-
хаетъ, тако вонстину и нашего собора садъ душевный
пострада прехожденіемъ и премѣненіемъ монастырей.
О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утѣшеніе душъ
нашихъ, поминая въ тебѣ наше житіе, или лучше мол-
чати да не исполнятся горести сердца наша лишившіися
тебе. Преидохомъ въ Сскуль, увяде устроеніе, и ослабѣ
страдалческое душъ нашихъ произволеніе, отъ молвы,
трудоу и попеченій въ строеніи келлій, и прочіихъ.
Аще источникъ медоточный духовный исходящій отъ
святыхъ устъ отца нашего и наказаше, но не могій скоро
охладѣвшая и ожесточившаяся сердца наша разгрѣти и
умягчити, и умъ, отемненный отъ предреченныхъ при-
чинъ, трезвень, бистрозрителень и мужественно хра-
нящъ сердце свое отъ прилоговъ вражніхъ, посѣкая я
аки мечемъ огненнымъ, непрестанною умною въ серд-
цахъ дѣйствуемою молитвою сотворити; зане погуби-
хомъ, отбѣже отъ молвы и попеченій: пресѣкліся жилы
душевные и увядоша, якоже и въ древесѣхъ пресѣка-
ются кореніе¹. О Драгомирно, Драгомирно! Тебе намъ

¹ После этих слов повторяется фрагмент предыдущего текста от слов: «О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утѣшеніе» по «пресѣкаются кореніе». Весь повторяющийся текст перечёркнут.

точію въ нраздникъ воспоминати за бывшее въ тебѣ наше житіе подобаеть, ты намъ была аки садъ, при водахъ насажденный скоро вкореняющся, различныя благоуханныя цвѣты и плодъ издающъ. Въ тебѣ благоуханіе различныхъ добродѣтелей между братіями благоухало: аки шипокъ¹, любви по Богу ко отцу и другъ ко другу; аки кринъ чистота совѣсти; въ тебѣ аки смърна, умерщвленіе своея воли и разсужденія своего; аки кадило благовонное, молитва приснодвижимая благоухала; послушаніе съ самоукореніемъ пресуспѣвало; смиреніе съ незлобіемъ, и теченіе слезъ отъ очесъ братій царствовало въ тебѣ; страждущіи плотскою страстію облегченіе имѣяху, зане не бѣ женскому полу внутрь тебе. Увы намъ, что пострадахомъ изшедше изъ тебе! Увы намъ, колико богатство духовное погубихомъ: каковое же бы имѣхомъ пріобрѣсти сокровище духовное, въ тебѣ сѣдѣще со отцемъ нашимъ святымъ до кончины его не странствующе нигдѣже! О нещастія нашего! что сотвори зависть вражія: не всеу бо тамо въ пиргу восточномъ рыдавъ діаволь ноцію, терзаяся завистію, и ищай разорити наше тамо житіе, еже и получи супостать, обрѣтъ сосудовъ своихъ нѣмцовъ попущеніемъ Божіимъ. Пребывающимъ убо намъ въ Секулѣ три годы въ молвѣ и попеченіи, аще саодѣлатель духовный, блаженный отецъ нашъ и труждашеся очищая и напаяя садъ нашъ душевный божественнымъ ученіемъ, на всякъ день въ келліи, и соборно всякую зиму собирая по вечерамъ въ трапезу, чтя и толкуя о заповѣдехъ Божіихъ и о прочіихъ нужныхъ и полезныхъ, но мало успѣваше за разоренный онъ лоть душъ нашихъ, и не имущихъ крѣпкаго стража, трезвенна ума, держаща аки оружіе непрестанную молитву въ сердцахъ нашихъ, и отгоняющую звѣры и птицы, злыя помыслы, входящія отъ смущенія и молвы.

¹ Шипокъ — дикая роза, шиповник.

Егда бо въ Драгомирѣ бѣхомъ, тогда аки на степенехъ высоко стояхомъ, егда же преселихомся оттуду, изступили внизъ третію часть, отъ успѣянiя нашего. Блаженный же непрестанно труждаяся въ поученіи, а наипаче соборно, зане иніи братія часто приходили къ нему въ келлію случай нѣкій имуще, и слышаще отъ него нѣчто полезное; нѣкимъ не случашеся и единою въ годъ быти у него и бесѣдовати съ нимъ. Того ради бысть и соборное поученіе, да вси всякій вечеръ чрезъ цѣлую зиму слушаютъ и исправляются, наченнымъ убо четвертаго лѣта сердцемъ развлажатися и кореніе испускати, таже и малые вѣтви израстати утишившимся намъ отъ клопотъ¹. Се внезапно мразъ и попали младое вѣтвіе прехожденіемъ въ монастырь Нямецъ. Тогда поступило житіе наше внизъ еще множае перваго. Заключение медоточный источникъ ученія божественнаго, исходящій отъ устъ святаго отца нашего, точію мало нѣчто случашеся нѣкимъ бывающимъ въ келліи слышати; инѣмъ никогда же и единого словесе не слышащихъ отъ устъ его. Ибо отсѣклося совершенно соборное поученіе, винъ ради предреченныхъ, точію отъ чтенія книжнаго пользовахуся умѣющіи чести и имущіи усердіе къ чтенію. Сего ради и блаженный отецъ нашъ болѣе въ переводѣ книгъ труждашеся, и во исправленіи древнихъ попорченныхъ: да оставитъ намъ на пользу и окормленіе жизни нашея, хотящимъ подвизатися, и внимати ученію богоносныхъ отецъ нашихъ. Тужаше же блаженный многжды о Секулѣ монастырѣ, поминая въ немъ тишину; здѣ же стуженіе, и вредъ юнымъ, не хранящимъ опасно чувства своя. Зане тогда открывся путь великороднымъ прииздти въ Нямецъ, ово поклоненія ради иконы, ово поспѣшенія ради блаженнаго. Прииздяху же обоюго пола съ домашними своими великими и малыми и сѣдяху елико

¹ Клопоты — заботы, хлопоты.

хотяху; въ церковь же вси вкупѣ: юнымъ, не хранящимъ чувства своя, сѣтъ готова погибели, старымъ негодованіе не хотящимъ ниже слышати о прїиздѣ ихъ, блаженному старцу стуженіе и о вредѣ братїи соболѣзнованіе и скорбь; отсѣкти же прїиздѣ, и возбранити входъ внутрь монастыря женску полу не бѣ возможно, зане отъдревле обитель она поклонна бѣ иконы ради чудотворныя. Сего ради и поученія соборно говорити не можаше, въ немже бы обличилъ немощныхъ устрашая гнѣвомъ Божиимъ, насаждая же страхъ Божїй въ сердцахъ ихъ и храненіе чувствъ, исповѣданіе помысловъ злыхъ и блюденіе отъ нихъ, имже бы исправляхуся немощніи, укрѣпляхуся же здравїи душами, и къ подвигу воздвизахуся болшему и усердно хранити заповѣди Божїя и преданія святыхъ отецъ нашихъ, учащихъ истиннаго монашескаго жителства. Оттолѣ внизъ пошло житіе наше, якоже блаженный самъ рече, единому іеромонаху¹ отъ странныхъ въ насъ живуще въ Секулѣ, вопросившу блаженнаго: «Како, отче, житіе нынѣшнее противу Драгомирскаго?» Онъ же яко всегда истинну любя, лжи и тщеславія съ лицемѣріемъ чуждъ, отвеща: «На всякій годъ нїже идетъ, и удержати въ единой мѣрѣ, аще и тїцуся, невозможно. Сему всему вина невозбранный входъ женску полу внутрь монастыря и оставленіе еже соборно поучати. То какъ намъ не оплакивати Драгомирну, ибо послѣжде пришедшымъ въ соборъ нашъ и слышащимъ отъ старѣйшихъ братїй, о бывшемъ тамо житїи удивлятися вина бываетъ. И да не не вѣруеть всякъ написанному здѣ: зане потребить Господь глаголющаго лжу». Глаголаше же блаженный многажды и сіе, братіе, аще будете имѣти усердіе къ чтенію отеческихъ книгъ и вниматимете² ученію еже въ нихъ, то пребудеть между вами по-

¹ В рукописи: іермонаху.

² Вниматимете — будете внимать.

виновеніе, миръ, единомысліе, и любы другъ ко другу; и устоитъ нашъ соборъ дондеже Господь восхощетъ, аще и тищитя врагъ разорити, но не возможетъ. Егда же удалитесь отъ чтенія книгъ отеческихъ, то вскорѣ разорится, и не устоитъ камень на камени. Тѣмже зѣло прилѣжаше къ преводу книгъ, съ еллиногреческаго языка на славенскій, съ нашего же на волоскій языкъ братія того языка преводили. Весь день отправляше дѣла духовная, и виѣшняя, всю же ноць писаше: превыше естества трудъ имый. И аще не бы благодать Божія укрѣпляла его, невозможно естеству человѣческому понести таковаго труда, ктому и немощень бѣше, зѣло страждущъ отъ ранъ. Бяху бо раны на всемъ правомъ боку до плесны ножныя, и животъ выходивъ; лежати же на правой странѣ не можаше; како же писаше, удивитися подобастъ: на постели идѣже почиваше округъ оклавшися книгами, сколько Лексіконовъ, Быбліа греческая, Быбліа славенская, Граматики греческа и славенска, книга изъ неяже преводилъ, свѣща посреде, самъ же сѣдя аки малое отроча согнувшися, или лежа всю ноць писаше. Забывая болѣзни и труды, и отвѣта отнюдь въ тоє время дати не можаше, ниже слышитъ бѣло, аще бы къ нему что говорено, или виѣ келліи что случилось: тогда служащій ему братъ не допускаше къ нему никогоже. Егда же случашеся нѣкое дѣло нуждное, то служащій идый вопрошаше, многажды глаголаше къ нему искій отвѣта, онъ же ничтоже слышаше; принудивый же отвѣщати, тогда съ болѣзнію и охтаніемъ едва можаше отвѣщати, не могій ума отвлещи отъ Писанія. Якоже самъ блаженный многажды къ намъ глаголаше: нѣсть мнѣ тяжчайшаго труда, якоже егда преводъ дѣлаю, и пріиде потреба дати отвѣтъ на нѣкій вопросъ, тогда дондеже извлеку умъ отъ Писанія, то весь потень содѣлаюся. Бывшу мнѣ единою въ него, пріиде и другій братъ, и бесѣдѣ бывшей, глаголаше онъ братъ яко стужаютъ помыслы; блажен-

ный же осклабляясь рече: «Почто вы толь неразумни, дѣлайте вы такъ якоже азъ дѣлаю: я съ вами весь день сварюся¹ и молвлю, со инымъ плачу, съ другимъ радуюсь, и прочая вся обоихъ обителей дѣла отправляю; егда же вижену² васъ всѣхъ съ келліи, то вижену и вси помыслы съ вами вонъ; и егда возму книгу въ руки, тогда не слышу ничтоже, и аки во Іорданской пустыни безмолвствую». О безстрастнаго и святаго мужа! О души чистыя соединенныя со Богомъ! Весь любовію прилѣплень бысть ко Богу, весь и ко ближнему разливавшееся любовію, и соболѣзнуя тако о всякомъ, аки бы онъ страдалъ самъ. Братъ единъ укоряемъ былъ отъ святаго нѣколько кратъ, требующъ исправленія въ нѣчесомъ, таже единою оный братъ, бывшу и мнѣ въ келліи, глагола къ нему: «Отче, скорблю на васъ, и глаголетъ мнѣ помыслъ, что вы ненависть имѣете, тако часто со гнѣвомъ вооружаяся укоряете мя при братіяхъ». Старецъ же воздохнувъ прослезися, и рече: «Возлюбленный брате, еже гнѣватися, чужде есть Евангелскаго житія, а еже и ненавидѣти кого, совершенныя погибели виновно. Аще божественное Евангеліе и враговъ любити повелѣваетъ, и добро творити имъ, то како азъ чадъ моихъ духовныхъ ненавидѣти имамъ: не буди то. А еже со гнѣвомъ укоряю васъ, то да дастъ Господь вамъ таковой гнѣвъ имѣти: азъ бо противу всякаго устроению себе пристрою, предъ инымъ понуждаю показатися гнѣвающимся, егоже благодатию Хрїстовою никогдаже имамъ; предъ инымъ принуждаю себе плакати, да обоими устрою вамъ пользу, десными и шуими, а не работая страсти гнѣва». Тогда братъ припадъ со слезами къ ногама старца проси прощенія. Приложи же святыи и сіе: «Егда азъ седмолѣтень, начахъ учиться Писанія, чрезъ два года изучихъ

¹ Сварюся — бранюсь.

² Вижену — выгоню.

Букварь, Часловець¹ и Псалтирь толко, и начахъ преудобно абіе по книгахъ чести. Прочтохъ первѣ съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ Священное Писаніе, Ветхій и Новый Завѣтъ, таже святаго Златоуста книгу Маргаритъ, святаго Ефрема съ святымъ Дороѣемъ; и егда чтохъ слово святаго Дороѣа о клеветѣ и осужденіи брата, уразумѣхъ, каковый тяжкій оный грѣхъ. Тогда еще въ юности моеї положихъ предъ Богомъ таковой обѣтъ: Господи, аще и очима видя брата согрѣшающа и оклевету его, то да разверзется земля и пожретъ мене. И положихъ устомъ моимъ хранило, еже что видя и слыша никомуже глаголати и единаго словесе, еже и сохранихъ во всей жизни моеї благодатию Христовою, доцѣлѣже не быхъ съ братією; а нынѣ и не хотящъ судія вамъ есмь. И братія мене научили говорити и сваритися пользы ради ихъ, прежде же не говоривъ я ничтоже».

Кто отъ имущихъ разумъ не ужаснется слыша о семъ блаженномъ мужѣ, исполненномъ бывшемъ отъ чрева матере своея различныхъ Божіихъ дарованій? Кто же и не вострепещетъ словесъ его дѣйствительныхъ, учащихъ дѣланію заповѣдей Божіихъ, зане самъ онъ сосудъ бывъ избранный Божій отъ младенства, и дѣлатель совершенный заповѣдей Его. Сего ради и слово его бяше силно и дѣйствительно исполненно благодати, проходящее внутренность души, и отдѣляющее злое отъ благаго, искоряющее страсти и насаждающее добродѣтели въ душахъ съ вѣрою слушающихъ. Отрокъ десятилѣтенъ, чтый Священное Писаніе, Ветхій и Новый Завѣтъ, Златоуста книгу Маргаритъ о непостижимыхъ тайнахъ Богословія, Ефрема и Дороѣа и прочая книги. Кто не удивится о словеси семъ: отрокъ десятилѣтенъ чтый Писаніе? Разсуди всякъ о себѣ, что ты дѣлалъ въ десятилѣтнемъ младенствѣ, и кій тогда разумъ имѣлъ еси, склонность

¹ Так в рукописи.

же твоя чесому бѣше; но и принуждаемъ убѣгалъ, не точію отъ чтенія, но и ученія, ко играмъ дѣтскимъ. Онъ же затворившися чтяше, ни къ кому хотя бесѣдовати, яко и сама родителка его рѣдко и малая словеса слышаше отъ него. Прочіи же сродницы мняху его нѣморожденна быти, ибо ни единого словесе когда отъ него слышаху. Ктоже не ужаснется чудная и болшая еще сего о немъ слыша: съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ чтяше. О удивленія! Откуда бѣ малу младенцу великое усердіе и вниманіе къ чтенію Божественнаго Писанія, аще не отъ уразумѣванія въ Писаніи таинъ? Кто же ему бысть учитель? Благодать Пресвятаго Духа, вселняся вошь отъ утробы матери его, яко сосудъ избранъ и чистъ обрѣте себѣ; приумножилася же еще болѣе, егда положилъ онъ таковое крѣпкое основаніе дѣланія божественныхъ Его заповѣдей. Чтяше съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ: отъ вниманія уразумѣніе, отъ уразумѣнія желаніе. Также ревность неизреченная воспламени души его возлюбити Господа отъ всего сердца своего и отъ всея души своея и оставить міръ и вся яже въ мірѣ, и мать свою тогда произволеніемъ толь любящую его, толь горько плачущую и неутѣшно рыдающую, и безмѣрною печалію объятую даже до умертвія, якоже преднаписася, любви ради Его, и въ монашествѣмъ образъ работати Ему дѣланіемъ божественныхъ Его заповѣдей усердно желая. Чтяше Писаніе: Вѣтхій Завѣтъ возбраняется не точію юнымъ чести, но и старимъ неразумнымъ, да не повредятся въ вѣрѣ, отъ бывшихъ превеликихъ и страшныхъ чудесъ Божіихъ въ родѣ еврейскомъ непокоривомъ; такожде и пророчества плотьско чтуще и Пѣсни Пѣсней. Богословіи же отнюдь святіи учителя Церкви не повелѣваютъ чести, да не погрѣшаютъ нѣчто и малѣйше въ догматѣхъ отъ неразумія и внадутъ въ срьсѣ. Онъ же небоязненно чтяше, имѣя въ себѣ учителя благодать Божию учащую его, и бысть дѣтищъ малъ возрас-

томъ, старецъ же разумомъ и премудростію: покоривъ ярость и похоть словесству, чувства своя отвративъ отъ всѣхъ красныхъ и сладкихъ міра сего, и аки гной вся она вмѣняя; языкъ свой, неудобопобѣждаемый удъ, но удобосогрѣшнтеленъ, связавъ толь крѣпко молчаніемъ, яко отъ многихъ вмѣняемъ быти нѣморожденъ; умъ свой пригвоздивъ къ Писанію, душу свою со Богомъ соединивъ любовію и молитвою; и распявся міру, и міръ ему распялся; затворяся въ дому своемъ безмолствоваше, аки въ Сінайстѣй пустыни: воистинну дивный сей мужъ блаженный нашъ отецъ, во всемъ подобенъ бѣ древнимъ святымъ отцемъ отъ юности Бога возлюбленнымъ и изшедшимъ изъ міра работати Ему въ монашествѣ. Что же мы, братіе, ученицы бывшіи, такового великаго свѣтилника святаго старца нашего Паісія, отвѣщаемъ предъ Богомъ о лѣности нашей, яко не точію хотимъ подражати добродѣтелемъ его, но ниже хотимъ чести отеческія книги, яже онъ посправилъ, а иныя и вновь преведе, отъ нихже бы возмогли уразумѣти немощи наша, и зазрѣвши себѣ кійждо восплакалися бы предъ Богомъ и покаялися: аще же и чтутъ нѣкіи, но точію за обычаи, безъ всякаго вниманія. Откуда блаженный отецъ нашъ божественную ревность и небесный разумъ стяжавъ, не отъ чтенія ли книжнаго? И вси святіи о семъ учать, пачеже Самъ Спаситель рече: испитайте Писанія, яко вы мните въ немъ обрѣсти животъ вѣчный. Еже бо испитати повелѣваетъ Господь, глубины разума искати заповѣдусть, а не мимоходно чести. Сего ради осуетихомся и забыли труды отца нашего, и ученіе его о чтеніи книжномъ, и пливемъ внизъ, аки древо за водою и аки никогдаже слышахомъ слово Божіе. Сего ради оплакахъ азъ Драгомирну. Но возбудимся и истрезвимся, положимъ начало и Господь поможетъ намъ. Быстроуміе же его и память благодатію утвержденную никтоже описати можетъ: въ высочайшихъ догматическихъ вещехъ скоро-

постижно бѣ зѣло, и егда прочте единою, то въ памяти его сокровенно будетъ во вѣки. Нѣкогда азъ быхъ у блаженнаго въ келліи, и бывшей бесѣдѣ о книгахъ, зане послушаніе мое бѣ по художеству граматическаго правописанія переписовати отеческія книги. Прииде и другій братъ, знающій и еллиногреческій языкъ, вопрошень бывъ братъ онъ, какъ берется сей фразесь, онъ же отвѣща: толковаше, отче, намъ его учитель, но не могу скоро припомнити. Блаженный же вселимъ лицемъ со ослабленіемъ рече: а я егда прочту единою, то до смерти не забуду. А въ переписаніи книгъ толикое дарованіе отецъ нашъ имѣяше, яко рѣдко и во всемъ свѣтѣ обрѣсти подобнаго. Переписалъ книгу святаго Дорофея въ юности своей: то колико она великая, а онъ всю вмѣстилъ ю на тріехъ аркушахъ¹ бумаги: единъ аркушъ на восемь листочковъ побгавъ², и бысть всѣхъ двадцать четьри; на всякой же странички листочка по семьдесятъ строкъ вмѣщавъ писмомъ уставнымъ, токмо аки власъ, ниже заплили очка въ писменахъ, но читко чисто прозрачно, край горѣ, низу и на бокахъ якоже подобаетъ оставлялъ. О ономъ же мнѣ удивлшуся вопросихъ его: «Каковымъ, отче, перомъ писали вы сію книгу, не голубинымъ ли?» Онъ же рече: «Ни, гусинымъ». Толико бѣ одарень превосходительными дарованіи отъ Господа внутренними и внѣшними блаженный нашъ отецъ, яко и описати я никтоже можетъ; и елико добродѣтели его хотѣлъ бы изъяснити, затемнить паче нежели изъяснить: облагодатьствованъ бо бѣ великій сей мужъ, и весь чудо. И аще кто соравнитъ его съ древними богоносными отцы, то не погрѣшитъ во истинѣ, не лишень бо бѣ ни въ чемъ отъ дарованій оныхъ. Аще къ пустыникомъ святымъ приравнымъ безмолствующимъ на-

¹ Аркушъ — лист.

² Побгати — согнуть.

единѣ, то не удивленіе яко услаждахуся молитвою и соединяхуся со Богомъ. Но то чудо, что онѣ посредѣ таковыя молвы, попеченій, смущеній, скорбей, умъ свой всегда несмущенъ имущъ, и по отправленіи общихъ потребъ вигоняше и вси помыслы вонъ, затворивши же двери келліи безмолствоваше аки во Иорданской пустыни, ничтоже слыша внѣ келліи, аще бы что ни случилось, отъ ражженныхъ любви и соединенія со Богомъ; и аще любви совершенство есть всѣхъ дарованій Божіихъ, то въ немъ преизобилно вмѣщалася, яко въ сосудѣ чистѣйшемъ избранномъ Божіемъ. Святіи пустынники бдѣніе пощное совершаху, то и онѣ во всей жизни своей всю ночь трезвенно бдяше, ни въ чемъ остающа въ подвижѣхъ богоносныхъ оныхъ. Аще же ко общежителнымъ святымъ отцемъ древнымъ приуподобимъ его, то неложное подобіе увидимъ и въ нашемъ блаженномъ отцѣ. Различная Божія дарованія и многія добродѣтели видѣхомъ отъ Писанія во онѣхъ святыхъ великихъ, но и въ нашемъ Израилѣ, не отъ Писанія, но очесы нашими видѣхомъ, и аки руками умомъ нашимъ осязахомъ вся дарованія Божія въ немъ, и добродѣтели величайшыя, аки въ сокровищи Божіи не вредно хранимыя, и не безыгодно лежащія всегда: никакой вѣтръ повредить возмогъ, ниже мразъ погасити, но присно цвѣли и плодъ подавали премногій плодообирателю Владыцѣ Христу, о ихъ же неложно и свидѣтельствуемъ. Въ немъ Премудрость Упостасная со Безначальнымъ Своимъ Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, яко въ чистѣйшей обители въ душѣ его обиташе, отъ Неяже устнами его истекаше медоточный божественныхъ ученій источникъ, услаждающій и исцѣляющій души, страсти же иссушающій. Въ немъ разумъ божественный, имже догматы Православныя, правыя святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и преданія Церкви, учителей Церковныхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ ученія право разумѣя, крѣпко защищая, и не-

вредно аки зѣнцу ока храня. Въ немъ совѣтъ, имже право и истинно по ученію святыхъ отецъ подаваше всѣмъ требующимъ отъ него, и съ вѣрою приѣмлющии невредими пребываху отъ козней вражїихъ и успѣваху въ дѣланїи заповѣдей Божїихъ. Въ немъ крѣпость, еюже въ вѣрѣ и надеждѣ на промыслъ Божїй непоколеблемъ пребываше, и во прочїихъ напастьхъ и искушенїихъ. Въ немъ страхъ Божїй, имже храняше заповѣди Божїя аки зѣнцу ока, и за едину малѣйшую заповѣдь душу свою полагаше, и насъ учаше. Добродѣтели же, кїими бѣ блаженный отъ древнихъ святыхъ отецъ нашихъ умаленъ, и аще независтнымъ окомъ разсмотримъ, то ни въ чемъ лишаема отъ древнихъ святыхъ узримъ и его. Въ немъ любы огненная, еюже возлюбилъ Господа отъ юности всею душею своею, и преслѣвая воспламенился и разливаешся на всѣхъ равно, всѣхъ любя, всѣхъ согрѣвая, всѣхъ поучая, о всякомъ болѣзнуя и объемя душею своею чадъ своихъ духовныхъ, и всякаго человѣка, приходящаго къ нему и требующаго милости отъ него или духовныя или тѣлесныя, не отвращаше отъ себе и тща не отсылаше. Миръ всегда имѣяше со всѣми, никогдаже враждованіе на кого или скорбяніе, аще бы и что пострадалъ отъ кого, и насъ всегда о томъ поучаше. Долготерпѣніе съ кротостїю во единомъ совокупленны аки сраслены въ немъ бяху, никогдаже видѣся дерзость, но тихость и благоговѣніе, наказуя съ любовїю, милуя съ тихостїю, долготерпя съ надеждою исправленїя. Смиренїе же его толь велико бѣ, яко и описати трудно зѣло, а незлобіе и простота младенческая бѣ въ немъ, умъ же божественъ, а не младенческій. Воздержанїе аки естественно бѣ въ немъ отъ юности во всемъ: яденїе зѣло малое и никогда разрѣшенїя ради болѣзни и слабости и труда вышеестественнаго, егда не разрѣшаетъ Тишикъ; питїя пїянственнаго не пїяше отъ юности своея. Егда же нача во Святѣй Горѣ жити со братїями, совѣтоваша ему

лица великіи, и духовники тамошніи употребляти мало віна здоровія ради, зане тамо воздухъ зѣло вредителный, соболѣзнуя о немъ да не повредится, и лишатся многіи пользы происходящія отъ него; и едва повинуся, начатъ точію віна мало употребляти. Ибо имѣяше онъ намѣреніе до смерти не пити піяпственнаго питія. Изшедшу блаженному изъ міра съ намѣреніемъ таковымъ, еже со други своими взыскавше нѣкоего отца духовнаго въ безмолвіи сѣдяща и себѣ внимающа, смуже предавшимся въ послушаніе душею и тѣломъ сѣдѣти съ нимъ въ безмолвіи, и отъ труда рукъ своихъ нужная житію стяжати. Егда же перваго друга и согражданина своего Дімитрія оставшася въ мірѣ лишився, таже и другаго Алексія въ монашествѣ не сохраниша обѣта своего къ нему, но предавшася нѣкому старцу въ послушаніе безъ совѣта его; тогда остася самъ, не могій же воспоманути другу своему о разореніи обѣта его, кротости ради и бездерзновенія своего, по молча терняше, покрывъ смиренномудріемъ онаго, себе укоряя, яко недостоннъ съ нимъ сожитія. Предатися же самъ нѣкому отъ таковыхъ духовныхъ отецъ не могій, бояся да не понужденъ будетъ и не хотящъ пріяти великій санъ священства, о немже и напоминаху уже онін отцы, егоже онъ бѣгаше бояся и трепеща, и во всей жизни своей пріяти не желая. Аще и чистъ и не пороченъ душею и тѣломъ отъ чрева матере своея бысть, разсуждая въ себѣ: аще предамся въ послушаніе нѣкому отъ сихъ честныхъ отецъ, то хотя и по времени непремѣнно понужденъ имать быти священство пріяти егоже боюся; лишуся же и намѣренія моего, еже со единымъ духовнымъ отцемъ въ пустыни въ послушаніи, царскимъ путемъ жити. И отшедъ оттуду во Святую Гору, желая тамо намѣреніе свое упокоити, но не обрѣте и тамо желаемаго. Зане Богъ не хотяще ему сокровенну быти въ пустынномъ безмолвіи, аки свѣтилнику подъ одромъ, егоже готовяше поставити на горѣ

высоцѣ на свѣщницѣ, да свѣтитъ многимъ странамъ, непорочнымъ житіемъ и правымъ своимъ ученіемъ. Ниже хотяше ему отъ человѣкъ научену быти, Самъ Духъ Святой отъ юности Руководитель и Учитель бывый. Самъ и всѣмъ потребнымъ научити его имѣяше, и поставити его всему міру образъ, не человѣкомъ написанъ, но богонписанъ, да вси хотящіи спастися отъ образа его приписуютъ себѣ благодѣланіе и добродѣтельное житіе, а отъ ученія его учатся дѣланія божественныхъ заповѣдей и истиннаго монашескаго жителства. Благоволивъ сѣсти ему периѣ на уединеніи, дондеже приведетъ къ нему божественнымъ Своимъ промысломъ во ученичество соборъ великъ хотящихъ спастися, въ монашествѣ образъ работая Ему. Да сгоже онъ самъ научился отъ Него таинно, научить всѣхъ явно, всѣхъ нужныхъ ко спасенію. По малѣ же времени приведе къ нему единого брата въ содружество, и утѣшися блаженный, благодаря Его благостыню, мня исполнитися желанію его, еже жити царскимъ путемъ, со единымъ братомъ единомудно, и вся житію потребная обща; отсѣкая же другъ предъ другомъ свою волю, будутъ причастницы и святаго послушанія. Не много же прожили тако, начана къ нему приходити моляще его пріяти ихъ въ ученичество; онъ же отрицаяся не хотяше пріимати ни единого, обаче Богомъ приводимыхъ не бѣ возможно отрещися, пріимаше и не хотящъ, открывая имъ путь спасенія и таинство святаго послушанія. Ониже пріемлюще отъ него ученіе со радостію, и творяху послушаніе со усердіемъ, отсѣкающе волю свою, и разсужденію своему не вѣрующе. Онъ же, видя ихъ таковое усердіе къ слову Божію имущихъ, радовашеся душою и прославляше Бога со слезами. И возложившеся на всемогущій промысль Божій, о окормленіи душевномъ и тѣлесномъ, пріимаше, и не по многу времени собрася дванадесять братій и бысть начало общаго житія, отъ царскаго пути,

сже жити со единымъ или со двою въ безмолвіи. Тогда пресели его Господь оттуду до пророка Іліи въ скитѣ, съ низу отъ моря на гору високо, да увидятъ и прочіи свѣтъ разума, во тмѣ невѣдѣнія спящии. Егда же возблиста силнѣе, и осія всю Святую Гору, обновленіемъ монашескаго общаго житія, и насажденіемъ въ немъ первѣйшія добродѣтели, треблаженнаго послушанія, тогда удивившеся вси святогорцы блистанію великаго онаго свѣта. Ініи, поврежденны имуще зѣницы душевныя, закрываху своя очеса завистію, да не обличится заблужденіе ихъ отъ пути праваго, избраша въ своихъ воляхъ сѣдѣти паче, нежели обличеннымъ быти. Ови зазирающе себѣ и укоряюще себе, прихождаху къ нему, слушающе ученіе его и исповѣдающе немощи своя, пріемяху исцѣленіе и наставленіе на опасное выпредѣ охраненіе, отходяху радующеся и славяще Бога о немъ. Ініи же аки воскресше отъ мертвыхъ, и тму невѣдѣнія оттрясше, къ свѣту идяху веселыми ногами хваляще и славяще Бога, явившаго такового угодника Своего и путеводителя ко спасенію. И пришедше къ нему припадаху къ ногама его моляще пріятнымъ быти въ послушаніе, предающе души своя во окормленіе его, аки въ руцѣ Божіи. Умножившимся же братіямъ у пророка Іліи и не вмѣщающимся, тогда Господь изведъ его оттуду, приведе въ сію православную землю Молдавію, якоже преподобнаго отца Антонія въ Россію: да утвердитъ совершеннѣе общее житіе, и просвѣтитъ здѣ въ тмѣ невѣдѣнія истиннаго монашескаго житія пребывающихъ, оттуду же и прочіимъ странамъ да блистаетъ свѣтомъ ненорочнаго своего житія, и праваго Евангелскаго ученія. Коликія же труды подъявъ блаженный въ семъ святомъ дѣлѣ, въ сія бѣдная и лютая времена, монашеству до конца ослабѣвшу и точію внѣшній образъ зримъ бѣ. Что же есть монашество, и что есть таинство послушанія, и какову пользу приносить послушнику съ разумомъ проходя-

щему, и что есть дѣяніе и видѣніе, и умная сердечная молитва, умомъ въ сердцѣ совершаемая, не вѣдяху: онъ научивъ, самъ же отъ Бога наученъ бысть, и отъ ученія святыхъ отецъ чтеніемъ и переводомъ книгъ ихъ. Святѣи древніи отцы имѣяху образы во многихъ странахъ, аки свѣтила сіяющія богоугоднымъ своимъ житіемъ и правымъ ученіемъ; имѣяху же и наставниковъ своихъ отъ ихже наставляхуся отъ юна возраста, съ ними пребывающе, и аки на столпѣ одушевленъ възрающе на житіе непорочное и ученіе ихъ, сами одушевляхуся, и въ столпы по преемству претворяхуся, и быша свѣтила и столпы и учителя монашескаго общаго житія, и уединеннаго безмолвнаго. Блаженный же отецъ нашъ не имѣяше себѣ такового наставника, но и поискавъ не обрѣте: самъ благодатію Божією вразумляемый трудился, копавъ смиреніемъ и слезами, и обрѣте студенецъ въ сердцѣ своемъ воды живы, отъ неяже самъ напився изобилно, и всѣмъ подающе независтно. И елико почерпаху отъ него изобиліѣ течаше, и обновися имъ монашеское житіе. Книги же отеческія, аки ржею желѣзо сѣдненное и покровенное блистанія лишается, тако и оны лишены были блистанія разума своего: ово неискусными древле переводчиками не изъявлено, ово неразумными преписателями, не вѣдущими художества граматическаго правописанія перепорченныя, покровень бысть множае. Блаженный же видя въ нихъ таковую неясность, потщася поискати источниковъ ихъ, откуда проистекоша, единогреческихъ книгъ; и первѣе началъ былъ оныя исправляти и чернѣти, таже уразумѣвъ яко бесполезенъ трудъ, вновь преобладаше: и тако красота граматическаго художества и ясность сокровеннаго въ нихъ разума возсіяла. Многія же и не бывшыя на нашемъ языки преведъ, нынѣшнемъ и предбудущимъ родомъ ползу препославъ.

Сей приснопоминаемый блаженный нашъ отецъ Паісій подобенъ быше преподобному отцу нашему Ан-

тонію Печерському яко истинный правнукъ его, аще и по многихъ вѣдѣхъ возсія, обаче єдина Малороссія обонхъ произрасти. Онъ изъ Святыя Горы посланъ бысть въ Россію просвѣтити ю, и устроити монашеское истинное житіе: собравъ монаховъ, научивъ ихъ, сіяше во вся концы Россіи, и бысть первоначальникъ всѣхъ російскіихъ монаховъ. Сей же не отступиду, по первѣе въ той же Святой Горѣ возблиста, возобновивъ обветшавшее монашеское общее житіе, и насадивъ въ немъ древо жизни: треблаженное послушаніе, да имже праотець нашъ изгнанъ бысть Адамъ изъ рая чувствєннаго; сѣмъ правнуки его право ходящїи выйдуть въ Небесный рай, идѣже первоначальникъ послушанія Христосъ Господь выиде. Таже и соборъ собравъ вящие пятидесяти братїи, съ нимже и приведе всѣхъ божественный промысл, въ сію православную и страннолюбивую землю Молдавію, идѣже благодатію Христовою совершенно утвердися въ монастыри Драгомирїѣ. Собрашася ко святому Антонію отъ російскіихъ странъ множає ста братїи. Собрашася и къ нашему блаженному отцу, отъ девяти странъ разныхъ языковъ множає пяти сотъ братїи. Служаше прєподобный Антонїй болнымъ братїямъ. Служаше и нашъ святой отецъ болнымъ и здоровымъ, и ястіе варяше и прѣсфоры пекїи; егда бѣ малъ соборъ и рукодѣліе дѣлалаше: егда же Богъ умноживъ братїю, тогда не имѣяше покоя отъ службы день и ноць, ниже предпочелъ безмолвіе свое паче пользы ближняго: обаче по отпращиванїи общихъ дѣлъ, егда затворяшася въ келліи и безмолствованіе тако, яко ниже слышаніе глаголющаго къ нему служащаго, и требующаго отвѣта на нѣкую нуждную потребу, якоже вышше предречєся.

Подобєнь бѣ блаженный отецъ нашъ во всемъ и древнымъ прєподобнымъ отцемъ, и послѣжде бывшымъ: ученїемъ, окормленїемъ собора, подвигами ду-

ховными, трудами вышесестественными, премудростію и разумомъ божественнымъ, свѣтомъ и разсужденіемъ и прочими дарованіи Божіими. Добродѣтели же всѣми преукрашенъ бѣ внутренними и внѣшними, якоже и святіи древніи отцы. Лице его свѣтло аки Ангела Божія быше, взоръ тихъ, слово смиренно и дерзости чужде, всѣхъ съ любовію привѣтствоваше, весь благи не-полненъ, весь въ милости разліянь, привлечаше всѣхъ къ себѣ, аки магнитъ камень притягательнымъ своимъ естествомъ желѣзо; смиренія и кротости глубина, долготерпѣніе во всемъ, весь вбоженъ и облагодѣтельствованъ быше великій сей мужъ, умъ его всегда соединенъ бѣ любовію со Богомъ, свидѣтель сему суть слезы. Егда бо бесѣдоваше о богословіи, то сердце его любовію растопляшеся, лице его цвѣташе радостію, очеса его изливаху слезы утверждающе истину. Егда бо стояхомъ предъ нимъ, очеса наша не притуляхуся зрящая на нѣ, но не насытно зрѣти желающая, слухъ нашъ негодованіемъ не заслоняшеся ниже отягчавашеся бесѣдою его, зане сердце наше отъ радости забывая и себе бывае, якоже прежде рѣхъ, зря на лице, а слухъ нашъ всегда близъ устъ его, якоже оныхъ Аѳінейскихъ философовъ. Егда бо видяху нѣкоего превосходяща премудростію, хотяща бесѣдовать къ нимъ, то очи всѣхъ и слухъ къ нему вперень имѣяху, хотяще нѣчто ново о премудрости ихъ услышати отъ него. Наши же наче вперенни очи къ нашему божественному любомудрцу, зане всегда слышахомъ отъ устъ его новая о таинствахъ духовныхъ или о нравовѣнн бogoносныхъ отецъ; малая же сія Исторія, написанная отъ скудоумія моего, затемняетъ наче, а не описуетъ добродѣтели его: мужа премудрѣйша дѣло сіе подобало бы быти, но мною яко и той утрудился бы простираяся ко всѣмъ. Негли же и не возмогъ бы, высоты ради житія его. Буди же нѣкто завистливымъ окомъ чутѣ о нѣмъ, поносилъ бы мнѣ, яко превзыдохъ мѣру похваляя стар-

ца моего, то я молю потерпѣти мало да услышавъ слова всякія лжи кромѣ, зане отъ діавола есть всякая лжа, тогда и самъ не облѣнится похвалити мужа свята превышша похвалы человѣческія, и речеть: «Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ»; приложитъ же и сіе: «Блаженни очи ваши видѣвшіи его, и уши слышавшіи словеса отъ устъ его». Видѣхъ трикрати на блаженномъ и ужасаяся: единою въ Драгомъриѣ приидохъ къ нему предъ вечернею, и хотѣхъ толкнути во дверь, да чрезъ служащаго возвѣщу, повелитъ ли вѣйти къ себѣ; видѣвъ же дверь отверзсту внидохъ, и сотворивъ молитву внидохъ внутрь къ нему, видя же его лежаща поклонився и рекохъ: «Благослови отче»; онъ же не отвѣщая ничтоже, якоже обычай ему. Азъ стоя смотряхъ на нѣ, и видѣхъ лице его аки огненно, ужаснувся, и мало постоявъ удивляяся, и пакы вышнимъ гласомъ сотвори молитву, онъ же не отвѣщая; смотря же азъ на него удивляюща, яко никогда же видѣхъ такового лица его; онъ бо естествомъ бѣлъ и бѣлъ бѣше лицомъ: уразумѣхъ, яко отъ молитвы разжизаемая любовію сердце его произниче благодать и на лице его; постоявъ мало изыдохъ, и никому же рѣхъ о семъ. Пакы по временамъ многымъ дважды видѣхъ бесѣдующа съ нами лице его сіяющее, самъ же отъ духовныя радости склабяща бесѣдование съ неизреченною любовію, отрыгая изъ себе словеса духовная, и аки вливая радость въ душы наша; азъ же стоя и смотря на нѣ зѣло удивляхся, и со страхомъ бесѣдовахъ къ нему. И ни единого отъ братіи бывшихъ тогда вопросовъ о семъ, ниже азъ рѣхъ кому, бояся да не, услышавъ послѣжде отъ кого, блаженный опечалится. Зѣло бо смиренномудръ бѣше: похвалы же аки смрада нѣкого удаляяся, но всегда себе укоряше, и о всемъ случившемся въ соборѣ на себе вину возлагая глаголаше, яко грѣхъ ради монахъ сіе случися; аще же было бы что десныя страны, то молитвамъ собора приписоваше. И ели-

ко бѣгая удаляше себе отъ славы, гнушаяся ея аки смрада нѣкоего, толико во всѣхъ странахъ прославляше его Богъ. И имя его предъ всѣми честно бѣ и есть, бесѣда же о немъ виновна славы Божія, славяху и славятъ Бога, явившаго въ сія бѣдная и лютая времена угодника Своего истиннаго, и учителя непрелестнаго, просвѣтившаго и обновившаго монашеское общее житіе. Не неприлично же и святой Исаакъ Сиринъ рече, иже текій за честію — бѣжитъ отспреди его, а бѣгая отъ нея — поженется за нимъ и проповѣдника бываетъ всѣмъ человѣкомъ смиренія его¹. И паки той же рече²: едва обрѣтается человѣкъ могій терѣти честь, негли же и отнюдъ не обрѣтается. И сіе, отъ скорого подъятія измѣненія, яко же бы кто глаголалъ, ниже аще кто правы равноангелень будетъ. Нашъ же столпъ смиренномудрія удобно терпяше славу, имѣя ю носяй безъ вреда, зане отъ юности своея убѣже отъ нея, хотящій въ мірѣ пообладати имъ, ибо видя онъ многихъ великихъ лицъ плещущихъ руками о немъ, ожидая возраста его радуящеся, и ожидающе наследника престола отца своего быти ему, себѣ же пастиря и учителя. Но онъ ю оплевавъ, и на лице велиару лукавому со всѣмъ смрадомъ ея повергъ, убѣже, и во всей жизни своей невреждено отъ нея пребысть, имѣяй себе прахъ и пепелъ подъ ногами всѣхъ и должника братій; никогдаже возмечтався о высотѣ своей, но надежду спасенія своего имѣяй на молитвы братій. Сего ради и Богъ его превознесе: прославивъ его въ жизни сей, и будущей съ преподобными отцы прославить, несумнѣнно вѣруемъ. Не лишень же бѣ и проувидѣнія дара: и о нихже прорече, собышася. Единому великому лицу провидѣ смерть лютую, тако и бысть. О единомъ воздыхавъ и плакавъ и увѣщавъ, и въ третій день утоне.

¹ Пометка на полях: Слово 57.

² Пометка на полях: Слово 30.

Единого же увѣщававъ, бывшу и мнѣ въ келліи, на конецъ рече: «Не увидишь, брате, мѣста онаго камо хощеши ити»; и въ седмицу умре, о немже блаженный зѣло плакаше. Чтоже можемъ рещи и о семъ, яко сѣдящу блаженному въ келліи, иногда же внѣ куди кромѣ церкви ходящу, знати устроение всѣхъ братій, ихже никогдаже видитъ. Единою бывшу мнѣ въ келліи его, и бесѣдѣ бывшей, прииде единъ отъ первѣйшихъ духовниковъ и рече нѣчто къ нему, онъ же глагола: «Како вамъ не знати устроение братій, къ вамъ на всякъ день приходящихъ помысли исповѣдовати? Азъ въ келліи сѣдя всѣхъ братій устроение знаю, а вамъ не знати». Откуда знаешши, о блаженнѣйшій отче! Аще не бы Духъ Святой, вселенный въ чистое твое сердце, открывалъ тебѣ. И иная многая, яже оставляю долготы бѣгая. О чудесахъ и исцѣленіяхъ не нужно и писати: занеже не отъ чудесъ познавается святость мужей воистинну святыхъ, яко суть святы и непорочни предъ Богомъ, но отъ истинныя православныя вѣры догматовъ, и непорочнаго житія. Ибо многіи еретицы сотвориша чудеса, о нихже Господь рече¹: *«Мнози рекуть Ми во онъ день: Господи, не въ Твое ли имя крестихомся, и не Твоимъ ли именемъ силы многи сотворихомъ?»* И речеть Судія: «Аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отыидите отъ Мене дѣлатели беззаконія». И къ богатому отвѣтъ отъ Господа, вопросившу, како вниду въ животь, рече: «Сохрани заповѣди». И пакы: *«Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга»²; якоже возлюбихъ вы, да и вы любите другъ друга. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»³*. И святой Златоустъ учитъ: не подобаетъ православному мужа отъ знаменій и пророчествъ искушати яко

¹ Пометка на полях: Мф. 7, 22–23.

² Пометка на полях: Ин. 13, 34.

³ Пометка на полях: 35. Имеется в виду: Ин. 13, 35.

святъ есть, но отъ благаго житія его. Якоже рече Господь: *отъ плодовъ ихъ познаете ихъ*. Плоды же истиннаго мужа духовнаго показа Апостолъ глаголя: «*Плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, на такихъ нѣсть закона*». Аще убо таковыя плоды стяжетъ человекъ, и творить знаменія, или не творить, явленъ таковойъ яко святъ, и другъ Божій есть. Сотвори же чудеса многа блаженный нашъ отецъ, а понеже онъ о томъ и слышати не хотяше, но все приписыване Пречистой Богоматери и молитвамъ собора братій, сего ради и азъ оставихъ волею, да не буду противенъ ему, хотя и вѣдый многая прежде смерти и по смерти бывшая чудеса. Имѣяше блаженный отецъ нашъ Паисій въ соборѣ своемъ братію усиліемъ различныхъ чиновъ, что и пишу отъ саморучнаго его посланія писаннаго къ первому другу своему іерею Димитрію въ Полтаву, въ 1767 глѣта изъ Драгомирны, просившему блаженнаго посланіемъ написать ему о всѣхъ чинѣхъ монашескаго житія, и о своемъ пребываніи со братією. Блаженный же добрыйше и якоже подобаетъ описавъ чинъ безмолвія отшельническаго и вся яже въ немъ, чинъ царскаго пути, и общежителный, и истолковавъ отъ ученія преподобныхъ отецъ нашихъ зѣлю ясно. Таже приложи о себѣ и о соборѣ братій, въ каковомъ устроеніи бяху во время оно братія, и каковое усиліе имѣяху въ Драгомирнѣ, сие написа: «И аще и не во единой суть мѣрѣ вси въ нашемъ общежителствѣ, сие бо ниже есть возможно. Овѣн бо отъ братій иже суть и мнѣжайшии, до конца уже волю свою и разсужденіе умертвиша, во всемъ мнѣ же и братіи повинующеся, и аки Самому Господеву братіи въ страсть Божіи и смиреніи мнозѣ послушаніе приносяще, претерпѣвающе безчестіе, поруганіе, укоризну, и всякій видъ искушенія съ толикою радостію, якоже бы кто сподобился велія Божія благодати, и сего всегда желающе,

всегда и непрестанно себе предъ Богомъ втайнѣ сердца своего укоряюще и имуще себе подъ всеѣмъ и послѣдпѣйша всѣхъ. Ови же суть паки не маліи числомъ, падающе и встающе, согрѣшающе и кающеся, претерпѣвающе укоризну и искушеніе, аще и со трудомъ, обаче нудящеся всесудниѣ первыхъ постигнути и о семъ усердиѣ Бога моляще со слезами. Ови же суть не многіи числомъ, слабѣи и немощніи, аки младенцы немогуще еще нищїи твердыя прияти, сирѣчь, укоризны и искушенія претерпѣвати, требующіи еще млекоу милости, человеколюбія и снисхожденія немощемъ ихъ воспитоватися, дондеже въ духовный терпѣніи прїидуть возрастъ, единымъ благимъ произволеніемъ и всегдашнимъ самоукореніемъ скудость свою исполняюще. Многажды же, и выше силы своєю нудящеся претерпѣвати безчестіе, и волю свою оставлять съ кровію: то есть трудъ велиїи о семъ аки кровь предъ Богомъ изливающе, и со слезами о еже помощи имъ Бога моляще. И таковїи же, аще и немощнѣйшіи суть, обаче аки нужницы Царствія Небеснаго вмѣняются предъ Богомъ. Таковїи же вси, аще и не во единой якоже речеся суть мѣрѣ, обаче обще вси нудятся Божїя и святыхъ отецъ хранити заповѣди. Первѣнимъ союзомъ любви Божїя связани суще другъ со другомъ, и любви ради Божїя и спасенія своего претерпѣвають всегдашнюю скудость тѣлесныхъ потребъ съ великодуніемъ и всегдашнимъ къ Богу благодареніемъ, на единого Бога якоже спасенія своего, тако и въ тѣлесныхъ къ состоянію житія нуждныхъ потребныхъ окормленія возлагающе надежду. Нынѣшнее же наше житіе отъ онаго, якоже Ветхїи Завѣтъ отъ Новаго отстоитъ».

Се, братія возлюбленная, обѣтъ мой, иже не видѣша ангеловиднаго лица святаго отца нашего, егоже въ предисловіи моемъ вамъ обѣщавъ, описаніемъ святаго житія его исполнихъ: въ немже изшествіе его изъ міра,

странствія, бѣдствія, сожитіе со братіями, труды и подвиги вышесестественныя, духовныя же никтоже можетъ описати, ниже вѣдѣти бывшая на нѣхъ изліянія божественныя благодати и просвѣщенія, еже и на лице изъ сердца его происхождаше, и аки пїяній отъ духовныя радости, любовію къ намъ разливашеся. Сія единъ точію Богъ, и онъ въ себѣ видяше, закрывся аки завѣсою глубочайшимъ своимъ смиренномудріемъ.

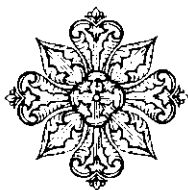
Нынѣже ко блаженной кончинѣ его гряду: пребывая божественный нашъ отецъ въ деннонощныхъ трудѣхъ и подвижѣхъ, приблизився долгу неминуемый разрѣшенія души отъ тѣла, и якоже мню, прежде многихъ дней пріяхъ извѣщеніе отъ Господа о своей кончинѣ, зане оставивъ уже преводъ книгъ. Вопросихъ бо я его нѣкогда: «Что вы, отче, переводите?» Онъ же рече: «Не превожу ничтоже, но прочитываю книги и поправляю, аще нѣчто случится требующее поправки». Повелѣвъ же мнѣ нѣкое послушаніе сотворити. Азъ же сотворивъ, принесохъ къ нему октомвріа въ 25-й день, и случися тогда никомуже приходити. Пребывъ азъ съ блаженнымъ яко полтора часа или два, бесѣдуя, зане видѣхъ его тогда отъмѣнно радующася; на конецъ предложивъ ему четыре вопросы богословскія высокія, и просивъ рѣшенія отъ него. Ибо многое время искавъ случая и не обрѣтахъ. Онъ же радуяся, охотно и добрѣйше на вся мною требуемая рѣшеніе содѣлавъ и истолковавъ; тогда азъ прославихъ Бога, удостоившаго мя искомое получить, благодаривъ же и ему, и не хотя уже болѣе утрудити его, рѣхъ къ нему: «Благословѣте, отче, отъити мнѣ» — и сотвори молитву поклонихся ему до земли, глаголя: «Простите мя, отче святой, и благословѣте». Онъ же простеръ святую свою десницу съ согбенными персты, іерейскимъ благословеніемъ благословляя мя и глаголя: «Богъ да благословитъ тебе и проститъ». Азъ же лоби-

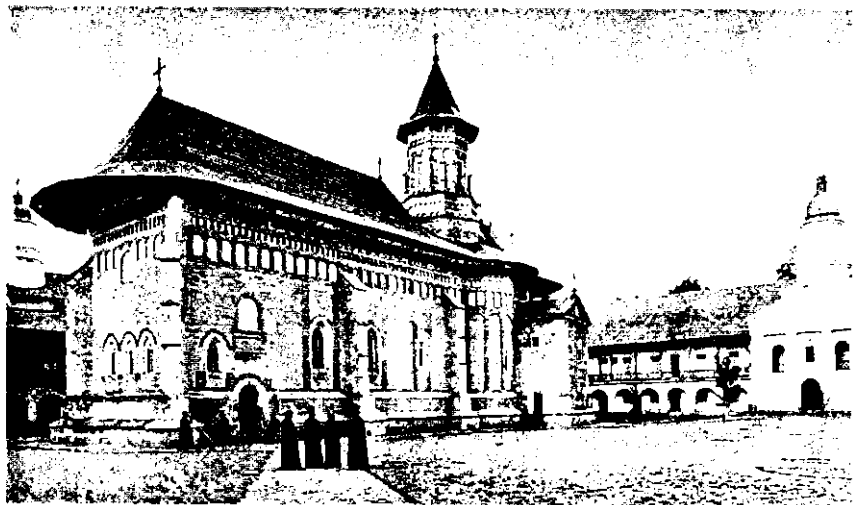
завъ святую десницу его и нозѣ, изшедъ радуясь и славя Бога. Сіе же бысть въ среду. И по изшествіи моемъ, заключивъ служащій братъ дверь, и никогоже остави внити къ нему, во второй же день и заболѣвъ; тогда и паче не оставляше никомуже стужати, да не возболѣзнуеть множае. Болѣвъ же три дни, въ недѣлю аки легчае бысть ему: восхотѣвъ выслушати Божественную Літургію; вinedъ въ церковь сѣдяше. По совершеніи же едва возможно пріити въ келлію, служащему ведущу его и поддерживающе; и оттолѣ возболѣвъ множае, и никогоже попускахъ къ нему: желаніе бо въ безмолвіи скончатися блаженный. Аще же бы свободно оставили входить къ нему братіи, то безвременно уморили бы его слезами своими и стуженіемъ. Приблизившейся же кончинѣ, причастися Божественныхъ Таинъ, и призвавъ двоихъ духовниковъ, чрезъ ихъ миръ и благословеніе всѣмъ братіямъ давъ, скончася аки уснувъ, предавъ душу свою въ руцѣ Божіи. Оставивъ собору избрати себѣ Старца и Пастыря егоже разсудять соборомъ. О души смиренномудры и кротки, о мужа разсужденія божественнаго исполненна! О философа духовнаго, превышша всѣхъ премудрѣйшихъ міра сего! Еже бо во всей жизни своєї любомудрествовавъ, имѣя себе подъ всѣми человѣки, и раба братіи и должника, невѣжду и бездерзновенна, тако и при кончинѣ своєї сотворивъ, дерзновень опредѣляти ничтоже. Но яко долгъ своея службы исполнивъ, отыде съ миромъ ко Господу, оставивъ промыслу Божественному избирати и опредѣляти. Егда же произыде слухъ о преставленіи блаженнаго, стекошася множество монаховъ и мірскихъ священниковъ, и простыхъ человѣковъ, и бысть плачь общій всѣмъ, нашъ и овыхъ, и погребеномъ честно въ церкви.

Сія тебѣ, о священнѣйшій отче и учителю нашъ, отъ недостойнаго раба и ученика твоего схимонаха Митро-

фана приносима похвала, аще и не требуешн сихъ, за-
не отъ Господа предъ Ангелы прославленъ еси. Но азъ
долгъ мой, отъ собора опредѣленъ бывъ, принесохъ те-
бѣ: прїими яко отецъ чадолубивый, и прости невѣдѣнію
моему, и не престани моляся о чадѣхъ твоихъ, да спо-
добитъ Преплагій Владыка твоими святыми молитвами
всѣхъ насъ обрѣсти у Него на судѣ милость, и сподоби-
тися наслѣдники быти Царствія Его, Емуже подобаетъ
всякая слава, честь и поклоненіе, со Безначальнымъ Его
Отцемъ, и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ
Его Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преставился блаженный отецъ нашъ 1794 года, Ноем-
врія 15-го.

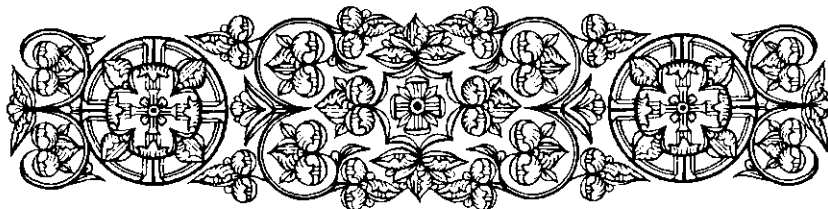

Ново-Нямецкий монастырь

Скит Святого пророка Или на Горе Афон

Содержание

От издательства	3
А.-Е. Тахиаос. Предисловие к первому изданию автобиографии и пространного жития преподобного Пансия Величковского	6
Автобиография преподобного Пансия	12
Житие, составленное монахом Митрофаном	21
Язык текстов	36
Автобиография преподобного Пансия Величковского	39
Житие преподобного Пансия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном	105
Повесть о матери его, что случилось ей по отшествии его отъ нея	121

